

244 3650
Г 248
143

А. С. Крамзинниковъ
НЕВОЗВРАТНОЕ.

И. Соложниковъ

Московское книгоиздательство.

Н. КРАШЕНИННИКОВЪ.

томъ V.

НЕВОЗВРАТНОЕ.

ИЗЪ ВЕШНЯГО ВРЕМЕНИ.
ВОСЕМЬ ЛѢТЪ. ════════════

МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.

2007338426

Типография „ЗЕМЛЯ“, Москва,
1-я Мъщанская, 5.

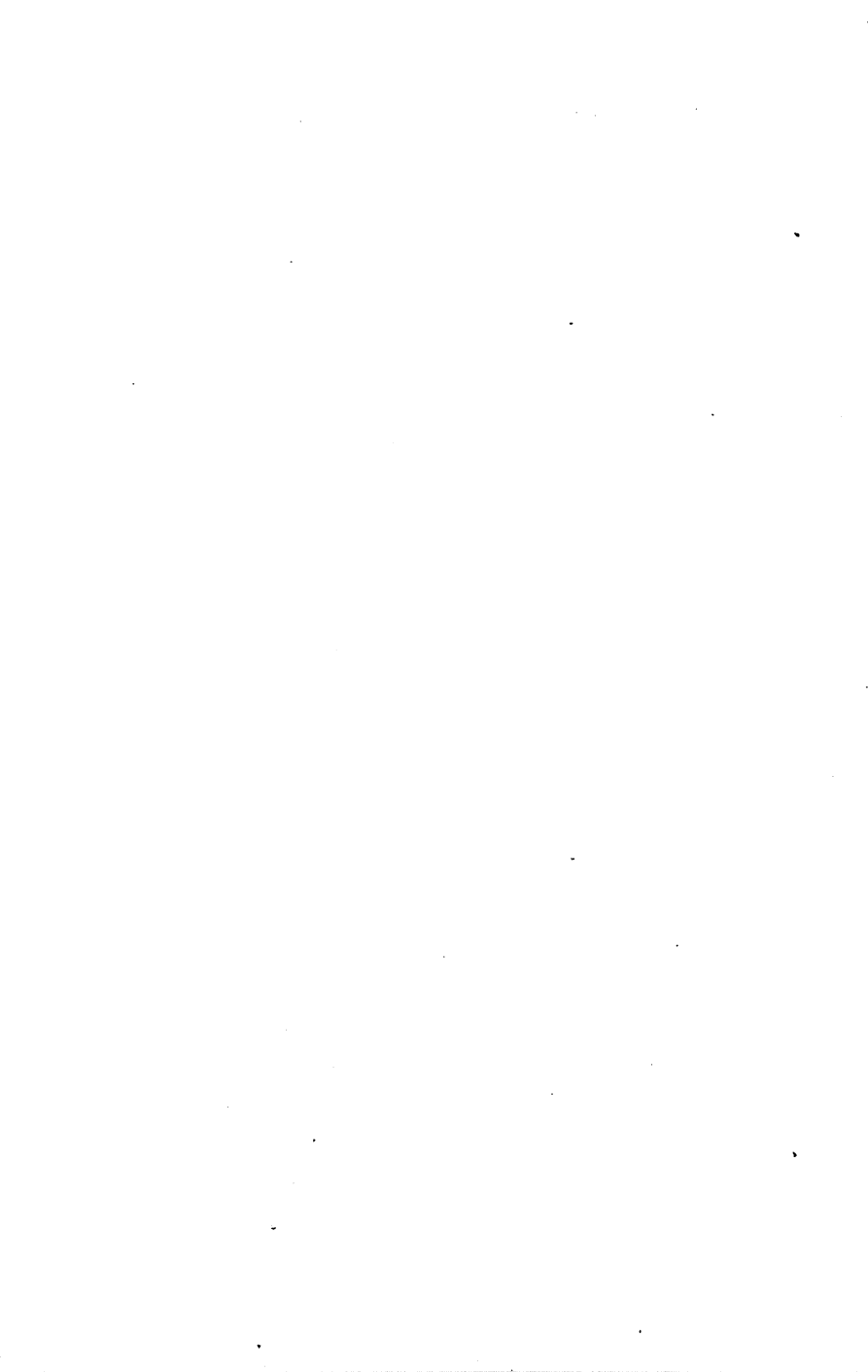
Ильѣ Николаевичу
ИГНАТОВУ

ЗНАКЪ ДАВНЯГО УВАЖЕНІЯ.

Гдѣ ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Гдѣ ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Какъ видѣніе прекрасное
Въ блескѣ радужныхъ лучей,
Ты мелькнуло, самовластное,
И сокрылось изъ очей.

Полежаевъ.

ИЗЪ ВЕЩНЯГО ВРЕМЕНИ.

ПРІЅДЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Старшему брату Сашѣ было около восьми лѣтъ когда умеръ отецъ. Всѣ трое мы были погодки, такъ что самый младшій, Володя, совсѣмъ не помнилъ ничего изъ нашей первой московской жизни.

Послѣ похоронъ отца мы прожили въ Москвѣ недолго и, вызванные родными, выѣхали съ матерью въ наше захолустное имѣніе въ Оренбургскій уѣздъ. Въ то время проживала тамъ тетка Анфиса вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, нашимъ дѣдомъ со стороны матери, когда-то блестящимъ гвердейскимъ офицеромъ, затѣмъ небезызвѣстнымъ ученымъ натуралистомъ и въ концѣ жизни—помѣшавшимся хилымъ старикомъ.

Переѣзжали мы изъ Москвы съ прислугой: поваромъ Фроломъ, лакеемъ Федоромъ и нянькой Агафоновной, которая за свою долготѣнную службу (она вынянчила и нашу мать) считалась нами за члена семьи.

Отъ Агафоновны и Фрола мы много слышали о великолѣпнѣйшей прежней дворянской жизни, о красотѣ на-

шего дома и о быломъ богатствѣ предковъ... И немало же были мы поражены, увидавъ, по прїѣздѣ въ имѣніе, длинное, облиялое, потускнѣвшее зданіе, съ колоннами и полуразвалившейся террасой, съ огромными окнами, рамы которыхъ состояли изъ безчисленнаго множества перегородокъ, съ кое-гдѣ побитыми зелеными пузырьчатыми стеклами. Тесовая крыша, когда-то, должно быть, красная, печально бурѣла и прогнила во многихъ мѣстахъ. Стѣны дома, нѣкогда хорошо выштукатуренныя, потрескались, покосились и на углахъ обнаруживали дубовыя бревна, правда, огромныя и чудесно сохранившіяся.

На крышѣ каркали вороны и галки; весь дворъ заросъ лебедю и цвѣтущимъ репейникомъ, поднявшимся на саженную высоту.

Тревожнымъ унылымъ запустѣніемъ вѣяло отъ помѣщичьяго жилья, въ которомъ нѣкогда ключомъ била веселая, безпечная жизнь, а теперь тихо доживали свой вѣкъ сумасшедшій старикъ и одинокая тетка...

Сапа и я выскочили изъ тарантаса, еще не доѣзжая до самой усадьбы, и на дворъ дома вбѣжали раньше чѣмъ вѣхалъ экипажъ.

Для насъ, жившихъ въ большомъ городѣ, многое казалось удивительнымъ, а многого мы никогда и не видывали. Такъ странно было чувствовать себя въ зеленомъ просторѣ деревни послѣ каменной Москвы.

Прежде всего почему-то наше вниманіе привлекли къ себѣ сѣрые кособокіе ставни дома; они были покрыты засохшими смоляными каплями и унижены красивыми гнѣздами осъ, летавшихъ тамъ и сямъ въ лѣтнемъ солнцѣ по травѣ. Какое солнце было золотое, какое золотое!..

Ставни мы осмотрѣли внимательно, а потомъ побѣжали между высокимъ какъ лѣсъ репейникомъ къ

службамъ дома, такимъ же старымъ и обезцвѣтившимся, какъ было старо и сѣдо наше дворянское гнѣздо.

За службами тянулся вязовый и осоконовый лѣсъ; какъ гудѣлъ онъ подъ рѣдкими облаками, плывшими, казалось, по его головамъ; кричали галки немолчно и задорно; а подлѣ самыхъ воротъ высились двѣ громады, старыя какъ земля березы, необъятной толщины, недосыгаемой высоты. Тучи горлицъ, вяхирей, клинтуховъ сидѣли возлѣ сараевъ и привѣтливо ворковали.

— Смотри, голуби!—радостно крикнулъ Саша и побѣждалъ на нихъ.

Но дикари передъ нами не разлетались. Они слишкомъ были дики, чтобы бояться. Только взмахивали они сизыми крылышками и неспѣшно разбѣгались по травѣ. Можетъ быть, они понимали, что мы безопасны? Или они насъ и не считали за людей?

Но было передъ глазами такъ много новаго, что долго останавливаться хотя бы даже на такихъ чудесныхъ птицахъ было нельзя... Мы направились къ каретнику, и изъ старыхъ дверей его медленно выползла намъ навстрѣчу черная исхудалая кошка, съ печально-блестящими глазами травяного цвѣта. Кошка мяукнула голоднымъ голосомъ, но когда мы захотѣли взять ее подъ свое покровительство, стала такъ кусаться и царапаться, что единственнымъ спасеніемъ было бѣжать.

Въ сараяхъ находилось такъ много удивительныхъ вещей, что мы не скоро вспомнили, что еще не поздоровались ни съ дѣдомъ ни съ тетей Анфисой. Надо было итти въ домъ, и насъ звали на всѣ голоса.

На террасѣ уже шипѣлъ самоваръ, и собралось все общество. Очень насъ заинтересовалъ дѣдъ, высокій старикъ, бритый и морщинистый, съ сѣдыми ключьями волосъ на лбу, одѣтый въ темный ватный халатъ. Онъ

постоянно жеваль губами и потряхиваль головой. Замѣтивъ насъ, онъ спросиль у мамы:

— Мамочка, это они?

И, получивъ утвердительный отвѣтъ, вдругъ ни съ того ни съ сего сдѣлалъ угрожающее лицо и, постучавъ по столу пальцемъ, задѣланнымъ во что-то серебряное, проговориль строго, почти со злобой:

— Смотрите вы у меня!

Мы взглянули на него удивленно... потомъ испугались. Самый маленькій, Володя, приготовиль заплакать. Замѣтивъ это, мама обратилась къ помѣшанному и сказала ласково:

— Папочка! Да, вѣдь, это мои дѣти!

Дѣдъ посмотрѣлъ на нее внимательно, точно соображалъ что-то. Потомъ перевелъ глаза на насъ, усмѣхнулся (все лицо его просвѣтлѣло) и сказалъ:

— Дѣти? Ахъ, да, да!.. Подойдите, подойдите, у меня есть бульдегомъ.

Онъ торопливо вскочиль со стула и, отдуваясь, сталъ шарить въ карманахъ халата, послѣ чего въ самомъ дѣлѣ вынулъ нѣсколько леденцовъ и подалъ намъ ихъ на ладони лѣвой руки.

Мы подошли къ дѣду смущенно и никакъ не рѣшались взять у него конфеты. Не рѣшались потому, что на лѣвой рукѣ у дѣда было всего четыре настоящихъ пальца,—это повергало насъ въ ужасъ. Одинъ былъ серебряный, имъ-то онъ и стучаль.

Послѣ мы узнали, что палецъ дѣду отпилили доктора; занимаясь изготовленіемъ птичьихъ чучель *), онъ заразиль трупнымъ ядомъ мизинецъ, который и пришлось отнять.

---

*) У него была дѣнная коллекція чучель всевозможныхъ звѣрей и птицъ, подъ конецъ его жизни пожертвованная имъ Оренбургскому Николаевскому Институту.

Замѣтивъ нашу медленность, старикъ поспѣшно положилъ леденцы себѣ въ ротъ и проговорилъ съ какимъ-то злорадствомъ:

— А, вы не хотите?.. Самъ съѣмъ! Самъ съѣмъ!

И во все время чаепитія глядѣлъ на насъ исподлобья сердитыми глазами.

Мы поспѣшили осушить свои чашки, и теперь, уже трое, побѣжали снова на дворъ. Слѣдуя вдоль загороди, мы скоро пробрались къ заднему фасаду дома и попали въ цвѣтникъ.

Впрочемъ, съ цвѣтникомъ осталось очень мало сходства у того песчаного четырехугольника, на которомъ жалко и слѣпо смотрѣли запущенныя клумбы. Цвѣли на нихъ незабудки, можетъ быть, еще помнившія о былой красотѣ сада; пестрѣла резеда, двѣ-три георгины поднимали свои ярко раскрашенныя головки... Вездѣ, точь въ точь какъ во дворѣ, разбѣжалась лебеда да полынь... И жалко выглядѣли среди горькой травы красивые бутоны заброшенныхъ цвѣтовъ.

Въ такомъ же запустѣннн пребывалъ и садъ; только въ ширь и высь разрослись когда-то подстригавшіеся кусты акацій, сирени и жимолости; изъ-за вѣтвей барбариса, черемухи и бузины кое-гдѣ печально выглядывали гипсовыя статуи греческихъ боговъ, которымъ деревенскіе мальчишки, по обычаю изстари заведенному, обломали руки и головы; подлѣ грота, покосившись, стоялъ Купидонъ, весь опутанный хмелемъ; еще какой-то богъ, весь позеленѣвшій, лежалъ въ непролазномъ кустарникѣ, и смѣшно и страшно улыбалось въ одичаломъ садикѣ его уродливое лицо. Бѣжимъ дальше по затѣненнымъ, словно плачущимъ аллеямъ мимо лежащихъ на травѣ трехъ крестьянскихъ мальчишковъ, которые смотрятъ на насъ исподлобья, угрюмо и недовѣрчиво,—настоящіе заговорщики. Не они ли это искалѣчили боговъ?..

Когда-то холенныя аллеи заросли подорожникомъ; поваленныя бурей и порубленныя деревья загромождаютъ намъ путь; скучно и однообразно тянутся передъ глазами сплошныя ряды релейника и полыни; колючая чилига перепуталась съ дикими бобами и волчьими ягодами... Старинныя ровъ и валъ, окружавшіе нѣкогда садъ, почти совсѣмъ сравнялись съ землею.

Подбѣгаемъ къ пруду. Ужъ давнымъ-давно заросъ онъ бѣлыми и желтыми лиліями и зацвѣлъ отъ бодяги и еще какихъ-то розовыхъ цвѣтовъ. Намъ очень хочется нарвать лилій, но кто же не знаетъ, что эти цвѣты принадлежатъ русалкамъ, которыя за каждый лепестокъ лиліи требуютъ въ выкупъ человѣческую душу? Нѣтъ, мы на это не согласны!..

— Въ этомъ озерѣ будемъ удить карасей!—говоритъ Саша.

Мы склоняемся надъ заросшимъ берегомъ: нѣтъ, рыбы не видно: ни карасей ни линей золотистыхъ; только мокнуть въ пруду лубки да коряги, и это зрѣлище наводитъ на насъ печаль.

Отъ пруда мы обращаемся къ бесѣдкѣ. Ну, какъ еще держится она на землѣ, этакая старая!.. Сквозь деревянную сѣтку ея видно, что всего въ ней убранства—повалившійся столъ да трехногая скамья; но тамъ, въ углу, чернѣетъ что-то большое. Съ опасливымъ любопытствомъ подходимъ мы ближе, и внезапно оттуда съ ревомъ выбѣгаетъ черный теленокъ. Поднявъ хвостъ трубой, онъ летитъ по саду, чѣмъ-то напуганный насмерть; а вмѣстѣ съ теленкомъ исчезаемъ изъ сада и мы.

Все не хочется еще входить въ комнаты, вѣроятно, тамъ темно и непривѣтно и душно...

— Дѣти! Дѣточки!—визгливо кричитъ толстая тетка Анфиса. Не хуже теленка мы уносимся прочь отъ крыльца.

Сѣдое огромное пучеглазое зданіе встаетъ передъ нами на черномъ дворѣ; широкая дверь замкнута пудовымъ замкомъ; домъ громадный, а стоитъ на столбикахъ, и это такъ смѣшно.

— Что это за домъ?—спрашиваемъ мы.

Точно изъ земли выросшій старикъ, отъ котораго пахнеть мышами и скипидаромъ, беззубо бормочетъ кланяясь:

— Амбаръ это, чтобы сохранять барское добро; называется «магазинъ».—Развѣ откупорить?

— Откупори!—просимъ мы, нѣсколько удивленные страннымъ словомъ. При насъ до сихъ поръ откупоривали только бутылки.

Не сразу входимъ въ этотъ «магазинъ». Насъ интересуеть то, зачѣмъ крестьянскія дѣти забрались подъ него и что они тамъ дѣлають? Тотъ же ветхій старецъ объясняетъ шамкаля, что это—«пострѣлы», тоже вотъ неслыханное словцо.

— Барчата, барчата!—пищать подъ амбаромъ.— Да тамъ этихъ «пострѣловъ» видимо-невидимо!

Наклоняемся къ столбамъ; куча желтыхъ, коричневыхъ и черныхъ головъ; любопытные глаза—каріе, синіе, желтые и сѣрые—такъ и сверкають въ сумракѣ.

Однако, старикъ уже «откупорилъ» дверь и стоитъ въ ожиданіи, блестя на солнцѣ громаднымъ, въ польаршина, ключомъ. Какая голова у него сѣдая да лысая, какія морщины глубокия и какъ покорно и безрадостно лицо...

Мы входимъ въ магазинъ.

Амбаръ оказывается переполненнымъ длиннѣйшими саблями, ржавыми помпольными ружьями, кинжалами, заплѣсневѣвшими мундирами и такими огромными киверами въ кокардахъ, что Володя могъ бы съ успѣхомъ спрятаться въ одной фуражкѣ. Позеленѣвшія бляхи съ

надписью: «за храбрость», «достоинѣйшему», блестятъ у козырьковъ.

— Да гдѣ жъ это дѣти? Гдѣ дѣти?—разносится по двору крикъ тетки Анфисы.

Оставляемъ кивера и кинжалы; выходимъ; снова щелкаетъ пудовый замокъ; идемъ къ дому, и въ отдаленіи робко плетутся за нами косматые ребятишки.

— Обѣдать, обѣдать!—кричитъ и выползшая на крыльцо нянька Агафоновна. Она видитъ, что намъ не хочется уходить со двора, видитъ сопровождающую насъ «ораву» и грозитъ дѣтворѣ согнутымъ въ крючокъ указательнымъ пальцемъ.

— Я васъ упомяну, молодчики!

Дѣлать нечего, приходится итти въ домъ.

ОКУНЕВОЕ ОЗЕРО.

Утро. Чуть брезжится свѣтъ, заползающій въ комнату сквозь жаровыя разсѣлины ставней; въ комнатахъ такъ тепло и такъ мягко на тюфякѣ... Сквозь сонъ я слышу голосъ, знакомый и тихій:

— Вставай, вставай... уже пора итти...

Ну, какъ же лѣнь подниматься съ постели; кто это придумалъ такъ рано вставать!

— Минутку только,—умоляющимъ голосомъ прошу я.—Одну минуту, Володя.

Но Володя неумолимъ. Онъ—ярый любитель рыбной ловли, и хотя вся его роль ограничивается храненіемъ пойманной рыбы,—какъ гордится онъ своей обязанностью! Нужно только видѣть, какъ ярко блестятъ его глаза, когда онъ несетъ домой заловленную щуку!

Володѣ прекрасно извѣстны всѣ рыбныя правила: онъ знаетъ, что на разсвѣтѣ хорошо «клюеть»; что на разсвѣтѣ голодны всѣ окуни и щуки,—и попросту стаскиваетъ съ меня одѣяло. Это дѣйствуетъ. Я сажусь на постели, и хотя и вздрагиваю отъ свѣжести и бормочу неувѣреннымъ голосомъ:

— И къ чему такъ рано? Навѣрное, холодно,—но вижу, что итти необходимо, что Володя уже одѣтъ.

Онъ въ синемъ гусарскомъ бархатномъ костюмѣ; соломенная шляпа со стеклянной пуговицей отъ дѣдушкина кафтана уже на его головѣ; и за поясомъ у него торчитъ какъ у разбойничьяго атамана старинный кинжалъ,—безъ него онъ никогда не отправляется на рыбалку; какъ знать, какія опасности могутъ встрѣтиться на пути... Да, вотъ и клѣтчатый саквояжъ, въ который онъ старается затолкнуть огромную бѣлую «витушку» изъ крупчатой муки. Это провизія для охотниковъ,—дѣйствительно, надо вставать.

— Я думаю, надо будетъ взять для рыбы прикормки,—дѣловито замѣчаетъ Володя и при этомъ морщитъ лобъ.—Безъ прикормки рыба будетъ плохо браться.

— Что жъ, хорошо,—соглашаюсь я, торопливо умываясь и разбрызгивая во всѣ стороны воду.—Возьмемъ прикормки.

— А сколько жерлицъ взять?—съ тѣмъ же сосредоточеннымъ видомъ допытывается Володя.—Вѣдь ты знаешь, какъ голодны щуки на разсвѣтѣ...

По зрѣломъ обсужденіи, мы захватываемъ съ собой пять удочекъ: три для маленькой рыбы и двѣ жерлицы для щукъ. Я ловлю рыбу сразу двумя удочками: на Володино счастье и за себя; третья же постоянно берется для нашего неизмѣннаго спутника на ловлю—хромоногаго кучера Семы Бездомнаго.

Удочки обыкновенно ношу я, сѣтку для рыбы Володя, хлѣбъ и сѣстные припасы (кромѣ конфетъ) кучеръ Сема. Осторожно мы выбираемся изъ дому по скрипящимъ половицамъ и бредемъ къ конюшнямъ, гдѣ на сѣновалѣ спитъ нашъ Бездомный спутникъ.

— Сема, вставай,—пора рыбу ловить.

Минуть съ десять зѣваетъ, чихаетъ и кашляетъ Сема хромоногій. Потомъ говорить деревяннымъ голо-сомъ, глотая спросонья слова:

— Куда итти-то? Ну, выду-мли! Какое тутъ рыба-ченье? Ништа-о!

— Просыпайся же, Сема,—просимъ мы.—А то рыба перестанетъ клевать.

— А куда надум-ли?

Переглядываемся съ Володей и рѣшаемъ:

— Къ Окуневому озеру.

По давнему обыкновенію, кучеръ Сема начинаетъ ворчать и приводить резоны для того, чтобы отговорить насъ отъ задуманнаго похода. Но не отвѣчаемъ на его ворчанье; всѣмъ отлично извѣстно, что Сема Колченогій—страстный рыбакъ, и ворчитъ лишь по давней привычкѣ, вошедшей въ обычай... Но какъ пахнетъ на сѣновалѣ сѣномъ, и какъ лошади внизу фырчатъ сонно и скребутъ полъ копытами, и какъ заря на востокѣ разгорается,—можно ли это забыть!.. Устаетъ ворчать Сема и, ковыляя, со вздохами направляется съ сѣнника внизъ къ лѣстницѣ, съ которой, несмотря на свои больныя ноги, сползаетъ на землю съ ловкостью акробата.

— А хлѣба-то взяли?—освѣдомляется онъ у насъ. Хлѣбъ насущный—для Семы главное.

— Много...—отвѣчаетъ Володя.—Бѣлаго взялъ... витушку цѣлую.

— Ай-яй?..—недовѣрчиво переспрашиваетъ Бездомный и лѣзетъ въ саквояжъ, чтобы убѣдиться, правда ли?

— Ну, *файда!*—говоритъ онъ по осмотрѣ.—Пойдемте... чего тутъ. Выдум-ли этта... ищо.

Нашъ путь до Окуневаго озера, которое мы такъ называли за обиліе этой красивой рыбы, лежитъ черезъ оврагъ, мельницу, лѣсъ. Въ оврагѣ, куда крестьяне сваливаютъ навозъ, мы обыкновенно копаемъ червей. Роетъ

навозъ постоянно самъ Сема; насъ онъ, «по нерадѣнію», до этого «не допускаетъ»; самъ же ведетъ его съ такой сноровкой, что мы удивляемся его умѣнью всякій разъ. Обычно Сема долго расхаживаетъ по оврагу и одно за другимъ «отводитъ» мѣста, гдѣ, по нашему мнѣнію, должны водиться черви.

— Да нѣтъ, развѣ вы умѣете?—говорить онъ.— Червя надо тоже... понимать!

Найдя наконецъ подходящее мѣсто, онъ становится на колѣни и начинаетъ разбрасывать навозъ своимъ «подожкомъ». Находить червей онъ дѣйствительно умѣетъ въ совершенствѣ и всегда радуется отъ души, когда ихъ находится много.

— Червякевъ-то,—съ наслажденіемъ кричитъ онъ, ухмыляясь во весь свой ротъ и блестя желтыми глазами,—червякевъ-то сколько! Файда! Нешто не говориль? Эка,—купеческій! Держи!

Набравъ въ баночку червей, мы проходимъ къ мельницѣ и идемъ по совершенно круглому пруду, похожему на громадную серебряную тарелку. Какъ блеститъ въ травѣ зеленой его спокойная, невозмущенная поверхность; какъ знакомъ онъ намъ, этотъ прудъ: мимо него мы ходимъ почти ежедневно; а иногда и въ немъ самомъ, въ пасмурную погоду, ловимъ красноперокъ и пучеглазую плотву. Нескончаемой плотиной, по бокамъ которой высятся тополи, мы огибаемъ половину пруда и вступаемъ въ низкую, всю заросшую зеленью ложбину, ведущую въ душистый липовый лѣсъ. На прудѣ всегда, даже ранней порою, и суетно и шумно: стучить мельница, скрипятъ колеса телѣгъ, лаютъ собаки; пріѣхавшіе на помоль варятъ кашицу въ котелкахъ; у плотины кувыркаются пузатые ребятишки; тутъ же молодые парни купаютъ лошадей и весело гогочуть.

— Го-го-го!

Но сходимъ мы въ заросшую кустарникомъ котловину,—и сразу воцаряется тишина. Точно все проваливается куда-то; тишина ненарушимая. Насъ съ Володей немного страшитъ она, поглотившая общій шумъ жизни людей; въ самомъ дѣлѣ, куда дѣвались люди? Мы переглядываемся нерѣшительно и, можетъ быть, готовы ужъ отступить, но здѣсь происходитъ забавная сцена. Сема вдругъ съ трескомъ хлопается на землю, ухмыляется и говорить:

— Стопъ!

Мы улыбаемся, но неособенно весело; мы знаемъ, что значить этотъ «стопъ»: Сема дѣлаетъ привалъ для того, чтобы закусить. Appetitъ у него ни съ чѣмъ не сообразный. Такой онъ тощій, а ѣсть какъ волкъ. Развязавъ мѣшокъ, онъ сразу отламываетъ себѣ половину огромной витушки и начинаетъ глотать ее съ такимъ чавканьемъ и такими большими кусками, что мы не безъ удивленія слѣдимъ какъ работаютъ у Семы челюсти, какъ по всему лицу надуваются жилы, и какія усилія дѣлаетъ онъ для того, чтобы, не разжевывая, проглотить кусокъ, составляющій безъ малаго нашу обѣденную порцію. Съ нетерпѣніемъ мы ждемъ когда нашъ спутникъ насытитъ свою утробу.

— Поторопись же, Сема!—говоритъ наконецъ Володя.—Ты подумай: щуки!

Но Сема неумолимъ. «Покедова не насытится мамонъ» ему итти «неспособно»; и отправляется въ путь онъ не иначе какъ напившись изъ пруда воды; для этого онъ ложится на животъ и, упершись въ плоскій берегъ плотины руками, вытягиваетъ во всю длину свою худую, изрѣзанную вдоль и поперекъ морщинами шею.

— Буль, буль, буль!—хлопаетъ около него вода, и испуганныя лягушки отскакиваютъ въ разныя стороны. Но вотъ завтракъ оконченъ; мы собираемъ удочки и

идемъ черезъ лѣсъ въ степь. Ужъ довольно высоко поднялось солнце, но воздухъ необыкновенно чистъ и ясенъ. Можно видѣть стоящія въ огромномъ отдаленіи горы; и такъ четко доносится съ голубого верха невинный птичій голосокъ. Идемъ дальше; становится жарко; пахнетъ травою, кричитъ перепелъ, трещитъ дергачъ-коростель; неподвижно, плавно, точно подвѣшенный на стрункѣ, виситъ въ небѣ беркутъ, или дикій орелъ; невольно, совсѣмъ невольно мы замедляемъ шаги; а Сема и весь ушелъ въ слухъ; на лицѣ его блаженство, и такъ примиренно-радостно блестятъ его круглые совиные глаза.

— Ишь ты!—бормочетъ онъ, счастливо ухмыляясь, и сейчасъ же, изображая пѣтуха, кричитъ тонкимъ голосомъ для нашего удовольствія:

— Кукарикъ!

Далеко-далеко скрипитъ неподмазанная мужицкая телѣга; маленькая, точно игрушечная, лошадь смѣшно и неслышно двигаетъ тонкими какъ спички ногами и совсѣмъ крошечный сидитъ въ телѣгѣ старичокъ.

Мы подходимъ къ Окуневому озеру.

Уже одинъ видъ его береговъ, зятянутыхъ кувшинками, двоящимися на поверхности, заставляетъ насъ забыть про птицъ и музыку степи. Съ лихорадочною поспѣшностью мы начинаемъ разматывать удочки. А сами все поглядываемъ на солнце: высоко ли оно? О, если бъ оно не закатывалось! Если бы никогда не надо было возвращаться домой!

Тихая сонная вода кружится невозмутимо; зеленые, тоже сонные, словно сказочные, камыши киваютъ головами; да откуда взялось это озеро, этотъ бархатъ зеленый, и солнце это лѣтнее, улыбающееся, и этотъ Сема желтоглазый,—милый, милый нашъ Сема, нашъ единственный спутникъ!

Поспѣшно насаживаемъ мы на крючки извиваю-

щихся червей—въ блаженномъ невѣдѣніи своей жестокости; вотъ уже заброшены удочки въ воду; непременно надо закидывать приманку поближе къ лопухамъ; вѣдь тамъ-то и отдыхаютъ въ прохладѣ окуни и лини. Пока не поймано маленькой рыбки—«животки», Сема съ удовольствіемъ насаживаетъ на жерлицу бѣлаго червя и гогочетъ, въ такомъ же дѣтскомъ невѣдѣніи, надъ его судорожными движеніями; а вотъ удалось поймать и пескаря, и спокойно насаживаемъ мы его за спину на стальной крючокъ и бросаемъ въ воду какъ приманку для щуки. Тишина стоитъ благоухающая; тишина радостная, дѣтская, шевинная. Кто опишетъ эту солнечную лѣтнюю тишину, когда хочется только одного: сидѣть и не двигаться подъ опаляющимъ солнцемъ и ждать: вотъ дрогнетъ поплавокъ, опрокинется и потонетъ... и тогда на берегу бьется испуганная, недоумѣвающая рыбка...

Обыкновенно въ полдень къ озеру является стадо коровъ; отъ пастуха, желтобородаго старика Власа, носящаго два странныхъ прозвища—«Бурдзя» и «Власъ съ Ногами»,—мы узнаемъ, что въ концѣ озера есть маленькій ручеекъ, гдѣ коровы пьютъ воду. Власъ Бурдзя подсаживается къ намъ и, по обычаю, сначала долго и сосредоточенно молчитъ. Сема вступаетъ съ нимъ въ смѣшливый разговоръ, показываетъ ему червей и для чего-то хлопаетъ по пойманной рыбѣ першавыми ладонями... Власъ слушаетъ его молча, съ угрюмымъ, озабоченнымъ видомъ, потомъ вдругъ, какъ-то некстати, замѣчаетъ протяжнымъ голосомъ:

— А барчата рыбачить пришли?.. Нда-а!..

Мы, однако, настораживаемся; мы знаемъ, что сейчасъ Власъ будетъ рассказывать страшную повѣсть.

— Глубокое озеро, камыши...—бормочетъ Бурдзя, точно ворчитъ.—Спать камыши, это точно, да. А ночью

здѣсь особливо жутко. Особенно, слышь: камыши спягъ. А дна и не видать, говорю; нѣтъ, куда тебѣ дно! А въ полночь выходитъ самъ Старый изъ воды; борода зеленая, глаза—какъ огни. Какъ искры глаза, говорю: такъ и жгутъ... Годовъ семь, никакъ, мой Васютка ненарокомъ сюда и выйди. Парень зрящій, ему бы съ отцомъ... А онъ—безъ отца,—вишь, грѣхъ попуталъ. Испить, видно, водицы захотѣлъ. На меня жъ, подика-сь, крѣпущій сонъ нашелъ. Онъ навелъ, водяной,—какъ есть. Ну, и склонись Васютка къ озеру, я и слышу пискъ: словно зайчикъ гдѣ тюкнулъ. Зайчикъ, какъ есть... А это С а м ъ Васяньку и уволокъ. Помануль его да и за шею... Вотъ...

«Власъ съ Ногами» показываетъ намъ, какъ водяной схватилъ Васю за шею, и угрюмо отворачивается въ сторону; на высохшей шеѣ его бьется толстая жила; видно какъ челюсть отвисла,—онъ забылъ ее пододбратъ... А мы съ Володей уже давно побросали удочки и сидимъ далеко отъ воды, прижавшись другъ къ другу; только Сема невозмутимъ; улыбаясь, онъ плюетъ на червя или, чаще, доканчиваетъ бѣлую витушку.

— С а м ъ Васяньку и уволокъ...

Робко посматриваемъ мы на озеро. Такъ жутко глядѣтъ намъ на камыши; вѣдь это тамъ—косматый водяной, утопившій у Бурдзи его сына Васю. Ну какъ же намъ жалко стараго Власа, какъ жалко-жалко!..

АГЛАЯ ИВАНОВНА.

Неистово гремятъ дробки. Въ звяканьи давно развитившихся приборовъ слышатся и флейты, и бубенчики, и турецкій барабанъ. Мы выбѣжали за ворота: по разногласному звону экипажа мы знаемъ, что къ намъ въ гости ѣдетъ бабушка Аглая Ивановна.

Бабушка еще далеко, но звонъ дѣлается все настойчивѣе и нестершимѣе. Экипажъ приближается. Вотъ надъ соломенными крышами покосившихся избъ столбами взвилась пыль; поворотъ,—и на улицу выбѣгаютъ деревенскіе мальчишки, а за этой свитой выплываетъ диковинный, ни съ чѣмъ несравнимый экипажъ.

Когда, по приѣздѣ въ городъ, насъ возили смотрѣть какую-то оперу, тамъ мы видѣли нѣчто подобное: нѣкоторая богиня выплывала изъ моря въ огромной раковинѣ. Именно на эту морскую раковину и похожъ бабушкинъ экипажъ.

Пылающее отъ жара, совершенно круглое лицо бабушки въ лиловомъ чепцѣ съ муаровыми отворотами нимало не похоже на ликъ сказочной богини, тѣмъ не менѣе бабушка очень эффектна: за спиною ея красуется гро-

мадный клѣтчатый зонть, который вѣтеръ то и дѣло выворачиваетъ наизнанку; на плечахъ—мантилья, привезенная бабушкѣ мужемъ изъ альпійскаго похода, чуть ли не въ суворовскія времена. Мантилья эта болѣе чѣмъ интересна: на бокахъ она темно-синяя, спина же ея напоминаетъ разноцвѣтную спину окуня: здѣсь всѣ цвѣта, начиная съ оранжеваго и кончая сѣро-зеленымъ.

Съ нетерпѣніемъ дожидаемся мы Аглаю Ивановну. Но у нея очень своенравная лошадь «Ахиллесъ». Ахиллесъ—тоже изъ какого-то похода; въ немъ онъ потерялъ свои зубы и отморозилъ ноги. Можетъ быть, по этимъ причинамъ онъ то бѣжитъ вскачь, пугая бабушку до послѣдней возможности, то идетъ шагомъ, несмотря на всѣ понуканія и угрозы древняго кучера Архимеда.

Почему-то, приближаясь къ дому, Ахиллесъ всегда замедляетъ шаги. Мы знаемъ, что это неизмѣнно; поэтому, будучи не въ силахъ сдержать свое нетерпѣніе, мы опрометью бросаемся къ Аглаѣ Ивановнѣ.

Лицо ея выражаетъ ужасъ.

— Тише, тише, дѣточки,—говоритъ она по-французски,—обивку оборвете. Будьте деликатными.

Чтобы быть деликатными, намъ приходится бѣжать взапуски за напугавшимся Ахиллесомъ... При такой обстановкѣ бабушка вѣзжаетъ во дворъ.

— Мамаша, мамаша!—слышится пронзительный голосъ.

На террасѣ показывается съ кучей бумажекъ на головѣ, еще не закончившая свой туалетъ тетя Анфиса. На ходу она срываетъ съ сѣдѣющихъ кудрей палильотки и, достигнувъ бабушки, принимаетъ ее въ свои пухля объятія.

Намъ же предоставляется только одно: почтительно поцѣловать бабушкину ручку и удалиться во-свояси. И ручка у бабушки такъ же интересна, какъ и сама она: на

каждомъ пальцѣ надѣто по нѣскольку священныхъ и таинственныхъ колець. Есть кольца сѣрыя, есть кольца черныя, есть кольца бурья,—съ надписями и безъ надписей. Кольца эти сплавлены изъ разныхъ металловъ: изъ золота съ оловомъ,—эти помогаютъ отъ лихорадки; изъ золота со свинцомъ,—во избѣжаніе ревматизмовъ; есть колечко платиновое,—отъ дурного глаза; есть кольца, сплавленные изъ трехъ металловъ, и каждое кольцо и цѣлить, и помогаетъ, и избавляетъ отъ бѣдъ.

— Позвольте, мамаша, я вамъ помогу,—говорить тетя Анфиса и дѣлаетъ неимоверныя усилія, чтобы закрыть бабушкинъ зонть.

— Мой другъ, надо осторожно!—озабоченно замѣчаетъ Аглая Ивановна.—Зонть можно испортить!

Обѣ дамы идутъ въ домъ. Когда пріѣзжаетъ бабушка, тетя Анфиса не допускаетъ насъ въ свои апартаменты, чтобы чѣмъ-либо не помѣшать высокой гостьѣ. Аглая Ивановна имѣетъ привычку внезапно засыпать даже среди самаго оживленнаго разговора. Въ это время надо сидѣть тихо и, главное, никакъ не подавать вида, что кому-либо извѣстно о бабушкиномъ снѣ.

Аглая Ивановна и сонъ свой прерываетъ незамѣтно. Пробудившись, она говоритъ всегда одну и ту же фразу:

— Такъ въ чемъ же дѣло, мой другъ?

И тетя Анфиса продолжаетъ развивать свою тему.

Бабушку у насъ боятся всѣ. Не боялся ея въ свое время только ея мужъ, покойный генераль-отъ-артиллеріи и кавалеръ. Всегда мирно настроенный и, кажется, никогда даже не бывавшій на войнѣ, генераль-отъ-артиллеріи становился крайне воинственнымъ въ день своихъ именинъ.

Старый поваръ Фроль выкатывалъ изъ каретника позеленѣвшую пушку, не то отбитую у врага, не то купленную у старьевщика; пушку заряжали холостымъ

зарядомъ. Артиллерійскій генераль самъ наводилъ орудіе на свой собственный домъ, затѣмъ садился подлѣ него въ бархатное кресло и во все горло командовалъ повару:

— П-п-ер-р-р-вая... пли!!.

— Бумъ!—дѣлала пушка.

Въ домѣ, среди не успѣвшихъ выбраться изъ обстрѣливаемыхъ комнатъ гостей, начиналось смятеніе. Бабушка въ страшномъ испугѣ бѣгала по террасѣ, махала руками и кричала въ ужасѣ:

— Иліодоръ Павловичъ, Иліодоръ Павловичъ, оставитесь!..

Но генераль былъ неумолимъ.

— Вторр-рая... пли!!—командовалъ онъ.

Пушка опять ухала.

— Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!—визжала бабушка, мечась по террасѣ съ подушками, которыми она закрывала себѣ уши.

А свирѣлость генерала все росла. По его повелѣнію пушку втаскивали на сѣноваль, устанавливали противъ дома, и канонада продолжалась до тѣхъ поръ, пока Иліодоръ Павловичъ, сморенный подвигами, не засыпалъ тутъ же, на сѣновалѣ. Неслышными шагами подкрадывались тогда къ сонному генералу лакеи, забирали безчувственное тѣло на руки и относили въ постель.

А на слѣдующій день генераль появлялся въ будуарѣ Аглаи Ивановны нафабренный, причесанный и, кося глаза въ сторону, говорилъ извиняющимся голосомъ:

— Вчера я... былъ виноватъ, Аглая Ивановна. Прошу извинить: военная кровь, вспомнились походы... враги... боевая жизнь... военная косточка... Такъ ужъ вы не сердитесь на меня, Аглая Ивановна.

И цѣловалъ ручку.

ФЕДОРЪ НЕ-КЛАДИ-ПЛОХО'ВЪ

(Какъ наши дѣды на лошадяхъ въ Москву ѣздили).

— Федоръ, принеси сливокъ.

— Монументально-съ!

Не-Клади-Плохо'въ какъ-то особенно выгибаетъ спину, расправляетъ фалды своего фрака и, мотая изъ стороны въ сторону головой, выскальзываетъ изъ столовой. Ходилъ онъ тоже необыкновенно: «выбрасывая» ногами, какъ рысистая лошадь, очень быстро и безшумно, точно подошвы его сапогъ были сдѣланы изъ гуттаперчи.

Я такъ и запомнилъ его съ вихляющей походкой, съ вѣчнымъ проборомъ на жирно напوماженной головѣ, съ сонными мутными глазами въ пестрыхъ крапинкахъ, съ салфеткой подъ мышкой и съ какимъ-то огромнымъ камнемъ, похожимъ на кусокъ кирпича, на лѣвомъ мизинцѣ.

Помимо своихъ вѣшнихъ странностей Не-Клади-Плохо'въ отличался отъ прочей прислуги и своеобраз-

ною манерою говорить. И не то, чтобы онъ очень любилъ выражаться по-книжному (хотя это въ немъ и замѣчалось); его языкъ былъ совсѣмъ особенный и малопонятный. Нѣкоторыя вещи онъ называлъ совершенно иными названіями, чѣмъ тѣ, которыя установились за ними въ обиходѣ. Такъ, самоваръ онъ называлъ «душегрѣей», отдыхъ — «равнодушіемъ», мозги — «размышленіями», вино—«спасеніемъ».

Получивъ отъ кого-нибудь просимое, Федоръ обязательно говорилъ: «мерси апплике», а встрѣчая пріѣзжавшихъ къ намъ помѣщицъ, постоянно привѣтствовалъ ихъ сладкимъ голосомъ:

— Мадамъ, сильвупле, санъ-фасонъ!

Одѣвался Не-Клади-Плохо въ чрезвычайно франтовато: несмотря на то, что въ нашей семьѣ не требовали отъ него «парада» въ то время, когда не бывало гостей,— онъ никогда, даже лѣтомъ, не вытѣзалъ изъ крахмальной сорочки съ бѣлой тесемочкой вмѣсто галстука и фрака съ гербовыми пуговицами. Можетъ быть въ этомъ и таилась причина его чрезвычайной популярности въ дворнѣ; мнѣ же съ Володей обаяніе лакея Федора было непонятно: онъ не имѣлъ такой длинной серебряной бороды, какая была у пчеловода Александра,—ей мы втайнѣ очень завидовали; не было у него и такого ружья, какъ у одноглазаго Ивана Ивановича Кочергина... Однако, мы все же не бывали окончательно равнодушны къ напомаженному франту; мы любили его за то, что онъ часто рассказывалъ намъ о своихъ путешествіяхъ вмѣстѣ съ помѣщиками на лошадахъ въ Москву и Питеръ.

Повѣствовалъ Не-Клади-Плохо въ своимъ особеннымъ, мало понятнымъ языкомъ; но именно въ этой загадочности выраженій мы и находили для себя интересъ.

Обыкновенно мы забирались къ нему въ комнату

послѣ обѣда, когда, по его выраженію, «господа откушали и костями полегли», т.-е. почивали. Это время бывало для Федора самымъ свободнымъ, и онъ охотно болталъ съ нами.

Усѣвшись къ нему на кровать, на одѣялѣ, сшитомъ изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ, суконныхъ и шелковыхъ треугольничковъ,—подаренномъ ему одной изъ его безчисленныхъ «невѣсть»,—мы прежде всего задавали ему вопросъ:

— Федоръ, почему тебя зовутъ Не-Клади-Плоховымъ?

Федоръ постоянно отвѣчалъ одинаково:

— Злоба человѣческая!

При этомъ онъ дѣлалъ такую уморительную гримасу, что мы начинали хохотать.

Тѣмъ временемъ Не-Клади-Плоховъ вынималъ изъ ящика чайникъ съ изюмомъ и, открывъ крышку, предлагалъ намъ:

— Освѣжайтесь! Прошу санъ-фасонъ!

Мы не заставляли себя долго упрашивать. Угощаясь сладкими ягодами, мы не сводили съ Федора внимательныхъ глазъ, зная, что сейчасъ начнутся его рассказы изъ «Тысячи и одной ночи». (Свои рассказы онъ велъ намъ по числамъ и считалъ по ночамъ, наподобіе сказокъ Шехеразады).

— Ночь девяносто девятая!—возглашалъ онъ, и мы, оставивъ изюмъ, превращались въ слухъ.

— Надо вамъ сказать, — начиналъ Не-Клади-Плоховъ,—что съ вашимъ дѣдушкой я ѣзживалъ въ Москву, будучи, говоря по секрету, вотъ этакимъ окуркомъ (Федоръ отмѣривалъ рукою аршинъ отъ полу). Человѣкъ они были съ большой фанаберикой: сидятъ себѣ, сидятъ, и вдругъ ни съ того ни съ сего зыкнуть:

—«Приготовить монументально «Ноевъ ковчегъ!»

— Сами посудите,—фургонъ этотъ вы видѣли,— развѣ можно приготовить его вдругъ, такъ спроста, мерси аплике? Тутъ работы кучерамъ по крайней мѣрѣ на четыре часа, а они и знать не хотятъ: чтобы въ тридцать *кувшинчиковъ* (минуть) имъ все было готово! Ну-съ, въ домъ поднимается, можно вообразить, столпотворенье языковъ. Одинъ укладываетъ въ чемоданъ бѣлье, другой платъе, третій завертываетъ въ бумагу *спасеніе* (вино), еще кто-нибудь собираетъ разныя вещи... а на дворѣ, говоря по секрету, уже идетъ самое вавилонское междоусобіе: выкатили ковчегъ, запрягаютъ *животы* (лошадей), тискаютъ подушки, ковры, *астролябію* (ружья)... Нельзя же, сами посудите, безъ оныхъ въ такой путь, коли на каждомъ шагу разбойники и прочая недостойность? А поваръ Власъ уже укладываетъ въ дорожное отдѣленіе замороженныя щи, котлеты и иную, можно сказать, *контрабанду* (снѣдь). Наберутъ, бывало, мѣшковъ пять одной провизіи! А щи въ кускахъ такъ постоянно мы и держали зимой на ледникѣ,—неравно взбрендить имъ въ головку куда-нибудь ѣхать... Ну-съ, а пока мы фургонъ-то приспособляемъ, у вашего дѣдушки съ Елизаветой Васильевной, ихней супругой, идутъ промежъ себя всякія междометія: баринъ говорятъ:—«къ сожалѣнію, ѣду»!.. а тѣ поперекъ... и все въ томъ же направленіи. Барыня сейчасъ же приходятъ въ *половодье* (слезы), а дѣдушка, какъ истый дворянинъ, снимаютъ этакъ образъ, крестятъ, цѣлуютъ и, не говоря дурного слова, уѣзжаютъ въ Москву. А вмѣстѣ съ ними отбываемъ въ дальнія страны и мы... то-есть, прежде всего, я, поваръ Власъ, кучеръ Платонъ Скипидаровъ, нынѣ *мнимоумершій* (Федоръ умершихъ почему-то всегда называетъ «мнимоумершими») и прочая пиль. Ёдемъ вѣдь мы, говоря по секрету, зимой; морозъ, можно выразиться, въ тридцать *графинчиковъ* (градусовъ), сами посудите,

какой дѣло приняло оборотъ. Сидишь это на козлахъ, замерзашь совсѣмъ санъ-фасонъ и всѣмъ родителямъ по-тустороннія письма пишешь!.. Ну, нечего грѣха таить, въ дорогѣ дѣдушка бывали любезны: увидятъ, что ты, напримѣръ, *сконфузился* (окоченѣлъ), сейчасъ же рюмку *спасенія* и предлагаютъ въ капернаумъ. Разумѣется, съ такого холоду не разберешь, что передъ тобою баринъ, а сейчасъ же—мерси аллике—и въ фургонъ. И такимъ-то манеромъ вся челядь попеременно въ ковчегъ и отогрѣваетъ кости. Даже кучеромъ не брезговали, а ужъ совсѣмъ былъ лядащій человѣкъ: посадятъ кого-нибудь за него, а самого въ «Ноевъ ковчегъ» включаютъ... Такъ-то вотъ мы ѣдемъ, говоря по секрету, съ утра до ночи. Въ каждой деревнѣ лошадей мѣняемъ, потому что денегъ у барина—нѣсть числа... А наступаетъ ночь,—сейчасъ же пріѣзжаемъ на станцію, распаковываемъ всякую *контрабанду*... Попьешь, закусишь, выкуришь сигару,—все это по порядку, а потомъ и ищешь себѣ, гдѣ бы *равнодушіе* (отдыхъ) найти. Зачастую, конечно, и не прямо отходишь ко сну, потому обстоятельства не дозволяютъ; познакомишься, напримѣръ, съ какимъ-нибудь хорошимъ человѣкомъ, въ родѣ того, что каморъ-лакей у какого-нибудь проѣзжачаго барина. Сейчасъ же тара-бара и все тому подобное, а время летитъ...

«А то однажды ѣхали мы въ томъ фургонѣ изъ Москвы. На этотъ разъ не одни катили, а везли съ собою изъ института трехъ барышень, мамашу вашу и двухъ тетенокъ. Время было, можно сказать, къ сожалѣнію, самое легкомысленное, весеннее, то *крупа* (снѣжокъ) посыплется, то *слезы* (дождь) польютъ. Словомъ, недоброкачественная пора. Ну-съ, такимъ манеромъ пріѣхали мы съ наступленію *междоусобія* (сумерекъ) въ городъ Симбирскъ. А оттуда намъ слѣдовало черезъ самую рѣку Волгу путь держать. Барышни-то, по своему жен-

скому легкомыслию, заробѣли и говорятъ:—«Давайте, папаша, остановимся здѣсь для *равнодушія* (отдыха), а завтра чуть свѣтъ и Волгу перемахнемъ».

«А дѣдушка, вы знаете, какой: человѣкъ буйный, потомственный дворянинъ и всякая штука.—Нѣтъ, ничего, поѣдемъ».

«Ну, ѣхать, такъ ѣхать. Позвали это баринъ къ себѣ деревенскаго *лоботряса* (старосту) и наказываютъ: «ты смотри, хорошаго *погоняя* (ямщика) мнѣ выбери. Если, говорить, я утону, я тебѣ всю шею измочалю».

«Ладно. Подумалъ, подумалъ *лоботрясъ* и отвѣчаетъ:—«Для-ча, дескать, утопать: можно и безъ душегубства, чтобъ все по уваженію».

«Запрягли они, голубчики, свои *животы* (лошадей), мы и поѣхали. Ёдемъ себѣ въ полномъ довольствіи, а темнота все увеличивается: скоро пальца своего не стали видать. И вдругъ это «Ноевъ ковчегъ» покатился быстротою самой лучшей молоньи—и подъ гору. Дѣдушка вашъ выпростали изъ шубы голову и кричатъ *погоняю*:—«Смотри, не утопи, я те дамъ!»

«А тотъ:—«Пошто,—говорить,—топить, чай у меня лошади».—И не успѣлъ это онъ про свои *животы* договорить, какъ фургонъ закачался да—ухъ въ полынью!

«Батюшки мои, какая катавасія пошла! Барышни кричатъ:—«Папочка,—къ сожалѣнію, утопаемъ!»—а дѣдушка никакъ шубы съ головы своротить не могутъ... при томъ же и дверцы открыть боятся, чтобъ воды не напустить».

— Дѣйствительно,—говорить,—дѣточки, утопаемъ. Простите меня, старика...

«Лошади въ полыньѣ бьются, *погоняй* взобрался на козлы съ ногами и, говоря по секрету, вопить:

— «*Животы, животы мои!*»—А фургонъ, какъ вещь физическое и внутри пустое, на манеръ корабля,

качается, это, къ сожалѣнiю, на волнахъ океана, а на дно нейдетъ.

«Ну-съ тутъ я, не будь плохъ, обрубилъ у одного *живота* постромки, снялъ съ себя шубу, сѣлъ верхомъ и говорю самъ себѣ: «Буду господь *единогласно* (по-одиначкѣ) изъ фургона таскать». Опустилъ оконную раму и кричу дѣдушкѣ: «Барышень давайте, а дверь открыть нельзя».

«Баринъ сейчасъ одну дѣвицу въ окошко и высуну. Сижу я верхомъ, вокругъ вода хлещетъ, животина подо мною шарахается и фырчитъ... а всего-то въ двухъ шагахъ отъ меня самый ледъ и начинается. Взялъ это я одну барышню на ручки, да на ледъ. Потомъ другую, третью, за дѣдушкой обратился. «Держитесь,—кричу,— за мою шею!» Баринъ такъ и вцѣпился; самъ трясется, зубы щелкають... весь глянecъ, къ сожалѣнiю, потерялъ...

«Вытащились это мы всѣ на льды, фонарь вздули и на шесть высоко подвязали... Ну, точно Робинзоны Крузовы, какъ есть. Только, къ сожалѣнiю, все еще *животы* въ водѣ оставались съ фургономъ, бьются, храпятъ, смотрѣть—одна меланхолия и недостатокъ духа.

«Спасибо еще,—недалеко отъ города отѣхали; догадало кого-то изъ нашихъ за *брюханами* (мужиками) скатать. Приволоклись *брюханы*, самъ *лоботрясъ* приѣхалъ... Живо и лошадей, и «ковчегъ Ноевъ» вызволили... А какъ вытащили, дѣденька вапъ и раскричись. Подошли это они къ самому *лоботрясу*, руками машутъ, слова толкомъ выговорить не могутъ, просто наружу себя идутъ.

— Ты, говорятъ, мошенникъ, разбойникъ кавказскiй! Изъ тебя, говорятъ, я сегодня же могъ *мнимомершiй* трупъ, къ сожалѣнiю, представлять! Я, говорятъ, тебя сейчасъ да на казенные хлѣба въ капернаумъ...» И по-

шли, и пошли. Въ окончаніи, однако, дали ему за стараніе три рубля, и мнѣ за храбрость канареечную бумажку...

«И только это взобрались мы на горку,—дѣденька вашъ какъ хватить себя по головкѣ!—«Картузъ мой съ ушами!—кричить,—картузъ мой съ ушами!» А надо вамъ выразить, что зимою они, какъ истый дворянинъ, картузикъ изъ лисьяго хвоста нашивали: отвернуть при холодѣ ему ушки—и сидятъ себѣ любо-дорого. Хоть сорокъ *графинчиковъ* (градусовъ),—вотъ какой любезный картузъ!

«А, значитъ, какъ начались при нашемъ потошленьи разныя междометія, шапочку-то дѣденька и обронили. Сгоряча и не замѣтили, потому: шуба! А начали *размышленія* (мозги) остывать, и хватились. «Поворотить лошадей!—кричатъ.—Сейчасъ же опять въ Волгу». Дѣлать нечего, повернули тарантасъ, только подхожу я къ барину и докладываю:—«Самъ для спасенія онаго картуза душу пожертвую».—«Жарь,—кричатъ,—голубчикъ, ничего не пожалѣю». Сначала, было, я къ той полынѣ въ обходъ, потомъ вижу словно перильца отъ моста утошпаго; ну, перекрестился да съ фонаремъ и пошелъ. А съ обѣихъ сторонъ, доложу вамъ, вода—мановенье одно и мномоумершій трупъ... Однако, ничего: дѣденькинъ картузикъ-то отыскалъ. Благодарили. Въ лобъ поцѣловали.—«Ты, говорятъ, не какой-нибудь песъ, а вѣрный мой личарда!»—И опять канареечную бумажку.

«Такимъ-то путемъ доѣхали мы до городу, а ужъ съ той поры никогда по ночамъ черезъ Волгу не ѣздили!..»

Въ концѣ своихъ разказовъ Не-Клади-Плохо'въ, по обыкновенію, заливался дребезжащимъ, похожимъ на звонъ жестяной посуды смѣхомъ, и мы съ легкимъ сердцемъ уходили къ себѣ домой.

ТЕТЯ АНФИСА.

Какъ хорошо знакомо, какъ интересно мнѣ это лицо! Всю я вижу ее, эту тетю Анфису, пухлую, тучную, похожую на кубарь, необыкновенно добродушную и вѣчно улыбающуюся... Вотъ точно звуки мѣдной тарелки разносится по двору ея тонкій, пронзительный голосъ:

— Володичка! Павликъ! Идите ко мнѣ кушать пирожки!

Приглашеніе это раздается обыкновенно по праздникамъ, послѣ обѣдни, и насъ живо интересуесть по многимъ причинамъ: прежде всего, насъ интересуютъ пирожки сами по себѣ; они такіе румяные и сочные! Затѣмъ, послѣ пирожковъ слѣдуетъ варенье; наконецъ намъ интересно попасть и въ домъ тети Анфисы, гдѣ почти всегда огромныя окна полуприкрыты ставнями, гдѣ пахнетъ мыломъ и нафталиномъ, и всѣ вещи блестятъ какъ отлакированныя, потому что содержатся онѣ въ поразительной чистотѣ.

Ежедневно не менѣ двѣнадцати разъ проходить по своему дому дозоромъ тетя Анфиса, и горе цыпленку, наслѣдившему на полу! Его провожаютъ такими воплями, что куриное сердце его трепещетъ невыразимо; всѣ же дремлющія подъ террасой гуси и утята съ криками вылетаютъ изъ темноты и вертятся по двору какъ угорѣлыя кошки.

Приглашенію въ домъ мы радуемся еще и потому, что отлично знаемъ: за пирожками и вареньемъ послѣдуетъ чай съ мягкими булками, по специальной тетушкиной методѣ... Все это заставляетъ насъ дожидаться въ воскресный день пригласительнаго зова почти съ самага пробужденія тети Анфисы.

По праздникамъ она встаетъ нѣсколько позже своего «положенія», а положеніе ея таково: ложиться спать зимой и лѣтомъ въ семь вечера и вставать не позже шести утра.

Проснувшись, мы послѣшно выходимъ на террасу или, какъ называетъ ее нянька Агафоновна,—«галдарею» посмотрѣть, открыто ли у тети Анфисы окно. Она живетъ въ томъ же дѣдовскомъ домѣ, въ лѣвой его половинѣ, съ жестяными «драконами» на дымовыхъ трубахъ.

Приплюснувъ свои носы къ оконнымъ стекламъ, мы стараемся разглядѣть, пьетъ ли тетушка свой утренній чай. Сначала мы видимъ два самовара; затѣмъ разглядываемъ, что одинъ самоваръ намъ мигаетъ и не весьма одобрительно (тетя Анфиса не любитъ, когда мы заглядываемъ въ ея окна).

— Озорники, озорники!—кричитъ она.—Уйдите отсюда. Господи Вседержителю!

Чтобы не лишиться угощенія, мы съ Володей отходимъ къ старымъ каретникамъ, гдѣ необыкновенно худой и высокій какъ верста парень, по имени Федя,

«заправляетъ» дрожки къ выѣзду «барышни» въ церковь.

Федя—человѣкъ тихій, богобоязненный и больной. У него почему-то постоянно подвязана щека.

— Вѣчный хлюсть!—загадочно объясняетъ Федя.

Фамиліи его никто не знаетъ; зовутъ его просто «Федя Ненилинъ», такъ какъ старуха Ненила—его мать. Онъ уже пять лѣтъ состоитъ у тетки въ кучерахъ, и единственная обязанность его—въ будни спать въ каретникѣ до вечера и затѣмъ до утра, а въ воскресенье снарядить старую тетушкину лошадь «Бураго» и ѣхать къ обѣднѣ. Остальное время Федя, какъ уже сказано, спитъ. Мы заставляли его постоянно спать: и утромъ, и днемъ, и вечеромъ; онъ даже и ѣсть какъ-то сонно; единственно когда Федя говоритъ не спросонокъ, настоящимъ голосомъ,—это когда кто-нибудь начинаетъ при немъ бранить Бураго. На щекахъ у Феди выступаютъ красныя полосы, онъ фырчитъ и размахиваетъ руками словно вѣтряная мельница.

— Федя, а вѣдь Бурый плохая лошадь,—говорю я, а Володя одобрительно улыбается.

Федя кипятится.

— Ну, васъ, пошли-те отсюда! Закладать мѣшаете, а барышня гнѣваются. Ужъ ежели Бурый не лошадь,— всю совѣсть заложу!

Окончивъ подмазку колесъ, Федя надѣваетъ на Бураго сбрую, которая намъ очень нравится: вся она унизана мѣдными бляшками; затѣмъ онъ впрягаетъ Бураго въ экипажъ; Бурый выступаетъ солидно, но почему-то всегда, когда Федя подтягиваетъ ему хомутъ, шлепаетъ губами на самую маковку Феди.

Когда лошадь снаряжена окончательно, мы бѣжимъ къ дому торопить тетку ѣхать къ обѣднѣ. Передъ крыльцомъ даже въ самую жаркую погоду разостланъ поло-

вичокъ, на ту надобность, чтобы всякій, дерзающій проникнуть въ appartаменты хозяйки, чисто-на-чисто отеръ прахъ отъ ногъ своихъ.

Попшаркавъ передъ крыльцомъ ногами, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы набросать на ступени какъ можно больше песку, мы вбѣгаемъ въ покои тетки съ отчаяннымъ крикомъ:

— Тетя Анфиса! Ваца сѣрая курица пропала!

Хотя та и знаетъ, что мы всегда придумываемъ всевозможныя небылицы, однако, пугается, багровѣетъ и, выбѣжавъ колеблющейся походкой на крыльцо, кричитъ взволнованнымъ голосомъ:

— Дунька!.. Дуняшка!.. Дрянъ этакая, гдѣ ты?..

Появляется Дуняшка, толстая рябая баба, съ усами и угрюмымъ четырехугольнымъ лицомъ.

— Слышу, чай не оглохла... Чего зѣвлаете?— спрашиваетъ она.

— Гдѣ сѣрая курица?!—набрасывается на нее тетка.—Я тебя спрашиваю: гдѣ сѣрая, дрянъ, курица? а?

Къ нашему неудовольствію, «пропавшая» курица внезапно показывается въ травѣ. Тетя Анфиса обращаетъ къ намъ взглядъ, полный негодованія... Но, къ счастью, всегда случается такъ, что она замѣчаетъ въ своей половинѣ двора какой-либо вопіющій безпорядокъ и переноситъ свой гнѣвъ на преступниковъ.

— Теленокъ! Теленокъ!—гнѣвно кричитъ она.—Чей теленокъ? Кто смѣлъ?.. Дуняшка, Федька, Прохоръ, Анатолій, гоните теленка! Володичка, помогите!.. Господи Вседержителю!

Операція изгнанія продолжается долго: теленокъ, поднявшій хвостъ трубою, съ жалобнымъ мычаніемъ носится по двору «взглягушки», какъ выражается Федя, и реветъ, напуганный хворостинами... Мы же тѣмъ временемъ благоразумно скрываемся во-свояси.

Но вот во дворѣ воцаряется спокойствіе, и готовый къ отъѣзду въ церковь Одея Ненилинъ лихо подкапываетъ къ крыльцу. Въ это время изъ дверей дома выходитъ въ парадномъ облаченіи и тетя Анфиса. Она въ необыкновенной шляпѣ съ тропическимъ растеніемъ, при красномъ шелковомъ зонтикѣ; зонтикъ этотъ она всегда держитъ не за ручку, а за набалдашникъ. Сѣвши въ экипажъ, тетя Анфиса дѣлаетъ краткія распоряженія Дунышѣ насчетъ пирожковъ и уже совсѣмъ готовится къ отбытію со двора, когда вдругъ замѣчаетъ нанесенные нами на ступени ея крыльца «пески».

— Кто насорилъ?— снова негодуетъ она.

— Навѣрное, теленокъ,—вырастая изъ земли, объясняемъ мы, и тетка, побранивъ теленка, отъѣзжаетъ со двора.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ждемъ мы колокольнаго звона, возвѣщающаго о концѣ службы; отчего такъ долго? Отчего такъ долго?.. На всѣ уговоры няньки Агафоновны позавтракать мы отвѣчаемъ, что будемъ ѣсть «на той половинѣ» пирожки.

Наконецъ-то мы слышимъ «суставное» звяканье «барышнинаго экипажа»; тутъ ужъ не усидѣть: громкими криками мы встрѣчаемъ въ воротахъ багровую отъ солнца тетю Анфису, которая въ желтыхъ лентахъ очень походитъ на какое-то индійское божество.

Но она такъ долго раздѣвается и такъ долго чиститъ парадное платье; лишь черезъ часъ послѣ торжественной встрѣчи обыкновенно слышится съ крыльца долгожданное приглашеніе «на пирожки».

Не теряя времени, мы подбѣгаемъ къ крыльцу и, забывши необходимое условіе входа, стремимся взлетѣть на ступени прыжками... Но слышится обычное повелѣніе:

— Володичка... Павликъ... ноги оботрите.

Со страхомъ и трепетомъ мы вступаемъ въ домъ тети Анфисы: такъ много тамъ блестящихъ въ его сумракѣ старинныхъ иконъ и столько портретовъ предковъ, лица которыхъ красны, какъ ихъ воротники.

— Садитесь и кушайте... Вотъ салфеточки для рукъ; на скатерть не капните: Боже упаси!

Тетя Анфиса суетится, превращаясь въ любезную хозяйку, а мы ужъ усѣлись на старинные желтые стулья и съ почтеніемъ смотримъ то на вазочки съ вареньемъ, то на талію тетки, изъ которой легко можно выкроить еще четырехъ такихъ, какъ я съ Володей.

Рябая Дуняша входитъ изъ кухни и съ такимъ видомъ ставитъ на столъ жестяную тарелку съ пирожками, какъ будто бы даетъ намъ вмѣсто пирожковъ отравы.

— Пригорѣли пирожки-ти... Натѣ, кушайте,—сквозь вамъ пройти!

Тетя Анфиса сжимаетъ одинъ пирожокъ пухлыми пальцами и говоритъ съ наслажденіемъ:

— Отличные пирожки! Превосходные пирожки!

Намъ очень хочется пирожковъ, но это можно лишь тогда, когда они остынутъ; до тѣхъ же поръ намъ представляется лишь наблюдать, съ какимъ аппетитомъ тетя Анфиса кушаетъ сама.

И это продолжается не малое время; но, наконецъ, и намъ дается свобода дѣйствій съ пирожками. А послѣ пирожковъ мы переходимъ къ чаю съ вареньемъ; а послѣ чая—булки «по тетушкиной методѣ».

Но какъ тщательно надо наблюдать за собою во время праздника! Надо всемерно смотрѣть, какъ бы сладкой каплею не запятнать бѣлоснѣжную скатерть тети Анфисы. Наложить пятно—значить, быть изгнаннымъ изъ эдема.

Во время чая тетя Анфиса рассказываетъ намъ свои новости, которыя, однако, большею частью заключаются въ соображеніяхъ насчетъ завтрашняго обѣда...

— Ничего нѣтъ лучше клюквеннаго киселя!—говорить она намъ свое обычное изреченіе.

А къ двѣнадцати часамъ къ теткѣ уже являются гости, и насъ довольно прозрачнымъ образомъ выпроваживаютъ... Разумѣется, мы уходимъ. Да намъ тутъ ужъ и дѣлать-то больше нечего... до слѣдующаго воскресенья.

КОЧЕРГИНЪ.

Вся комната Ивана Ивановича загромождена сундукомъ, служащимъ ему въ то же время и постелью. Сундукъ коротокъ, и для удлиненія ложа къ нему приставляется табуретъ, но Кочергинъ не желаетъ ничего лучшаго. Крошечное оконце, немного кривое и засиженое мухами, едва пропускаетъ свѣтъ въ маленькую каморку. Длинной она въ три аршина да шириной около двухъ. Вся мебель ея и заключается въ сундукъ и табуретъ, но стѣны украшены, какъ выражается Иванъ Ивановичъ, съ роскошью.

На одной изъ нихъ висятъ огромныя крылья грифа; на другой бродятъ тараканы; чучела ястребовъ и коптиковъ прикрѣплены къ третьей стѣнѣ; старое одноствольное шомпольное ружье, изъ котораго Кочергинъ стрѣляетъ поразительно мѣтко, повѣшено надъ окномъ, возлѣ сундука; тутъ же и рыжій патронташъ и старомодная пороховница изъ бычьего рога; на самомъ потолкѣ прибиты крашенныя гравюры, изображающія какъ

битву русскихъ съ кабардинцами, такъ и похищеніе Елены.

Я сижу на отведенномъ въ мое пользованіе табуретѣ въ углу, а Иванъ Ивановичъ—на своемъ сундукѣ, облокотившись на двѣ пестрыя ситцевыя подушки, и серьезно смотритъ на меня своимъ единственнымъ, чернымъ какъ пуговица глазомъ. Вся фигура Кочергина чрезвычайно любопытна. Высокій, почти саженнаго роста, онъ прямъ и тонокъ какъ жердь; волосы его желтзнаго цвѣта, съ большою сѣдиною, слегка вьются; никто не зналъ, у кого стрижется, живя въ деревнѣ, Иванъ Ивановичъ, но шевелюра его всегда неизмѣнна по длинѣ; лицо Кочергина все въ морщинахъ и смуглое, почти коричневое; носъ орлиный, изогнутый, падающій на подбородокъ; брови черны какъ сажа и косматы; усы и борода совершенно отсутствуютъ, точно ихъ не было никогда.

И одѣвается онъ оригинально: вѣчно въ синей каленкоровой рубахѣ, заправленной въ панталоны по-малороссійски; черные панталоны придерживаются одной ременной помочью, перекинутой наискось черезъ плечо; только тогда, когда Иванъ Ивановичъ надѣваетъ на себя ружье, кажется, что у него на плечахъ двѣ подтяжки... Насколько я помню его, онъ постоянно бывалъ въ этомъ своемъ неизмѣнномъ костюмѣ; случался ли у насъ въ домѣ праздникъ или на дворѣ стояла зима,—Кочергинъ всегда появлялся въ синей рубахѣ и смазныхъ охотничьихъ сапогахъ, въ которые вправлены черныя брюки.

Въ то время, когда я знавалъ Ивана Ивановича, я никакъ не могъ догадаться, что онъ происходитъ изъ такъ называемыхъ однородцевъ и проживаетъ при старомъ помѣщичьемъ домѣ изъ милости; никогда я не задавался вопросомъ, почему Кочергина то посылаютъ на базаръ за керосиномъ, то зовутъ подсобить чѣмъ-ни-

будь на дому, и почему онъ обѣдаетъ не за нашимъ столомъ, а въ кухнѣ, впрочемъ сидя на самомъ почетномъ мѣстѣ, подъ образами.

Я интересовался личностью Ивана Ивановича постольку, поскольку онъ умѣлъ давать мнѣ и братьямъ развлеченія. Мнѣ почему-то нисколько не казалось удивительнымъ, что его посылаютъ за покупками въ лавки, и никогда не удавалось уловить и тѣни неудовольствія на его строгомъ, въ то же время добродушномъ лицѣ.

Сидимъ мы, бывало, съ Иваномъ Ивановичемъ на завалинкѣ старой, почернѣвшей и кривой кухни; онъ, по обыкновенію, ведетъ длиннѣйшіе разговоры о жизни птицъ и звѣрей... Вдругъ на террасѣ появляется пухлая фигура тетки, и раздается визгливый голосъ:

— Иванъ Иванычъ! И-ва-анъ И-ван-нычъ! Гдѣ вы?..

— Ну,—усмѣхаясь говоритъ Кочергинъ,—закудахтала.

Онъ встаетъ съ завалинки и не спѣша подходитъ къ невысокому балкону.

— Что вамъ?—спрашиваетъ онъ.

— А вотъ, вотъ,—тоненькимъ голоскомъ объясняетъ тетка.—Сходите, Иванъ Ивановичъ, на базаръ. Купите керосину, пожалуйста.

Она сбрасываетъ ему на руку жестянку для керосина и деньги; и то и другое Кочергинъ ловко схватываетъ налету, но отправляется не сейчасъ; сначала садится на ступени крыльца и съ громкимъ пыхтѣньемъ закуриваетъ «трубку-ахеронъ».

— А и много у насъ съ тобой тутъ ось завелось, Павелъ,—говоритъ онъ мнѣ, указывая длиннымъ коричневымъ пальцемъ на искусныя ихъ гнѣздышки, приклеенныя по стѣнамъ.—А это, вишь ты,—къ счастью. Къ счастью служить и моя «трубка-ахеронъ».

— Я съ вами тоже пойду, Иванъ Ивановичъ,—про-

шу я, не слушая его рѣчи про ось и трубку, весь схваченный интересомъ совмѣстнаго путешествія на базарь.

— Пойдемъ-то мы пойдемъ, только что найдемъ,— посмѣиваясь говорить Кочергинъ и встаетъ съ крыльца.—А то лучше тебѣ, Павелъ, дома посидѣть?..

— Нѣтъ, пожалуйста, пожалуйста...—упрашиваю я, и мы оба отправляемся за керосиномъ. Иванъ Ивановичъ идетъ такими огромными шагами, что мнѣ приходится поспѣшивать изо всѣхъ силъ, чтобы держаться наравнѣ... а смотрѣть на его лицо мнѣ такъ же высоко, какъ на церковную колокольню.

Дорога къ базару очень живописна; нашъ старый домъ стоитъ особнякомъ отъ села и окруженъ водами и лѣсами; я въ особенности люблю Ивана Ивановича за то, что онъ всегда предпочитаетъ самую краткую дорогу; вслѣдствіе этого мы идемъ очень странными путями для пѣшехода: сначала прямокомъ вбродъ черезъ маленькую рѣчушку; здѣсь Кочергинъ сажаетъ меня на плечи и прыгаетъ по камнямъ мелководной рѣки какъ козелъ; затѣмъ мы вступаемъ въ лѣсъ, переполненный ежевики, красной смородины, собакъ и галочьяго крика. Трава тамъ высока,—гораздо выше меня; какія-то колючія растенія обсыпаютъ насъ своими сѣроватыми гроздьями, похожими не то на выпсѣвшій овесъ, не то на моль; бѣлый мохъ и летающій цвѣтъ вязовъ усѣиваютъ платье какъ снѣгомъ; по временамъ въ куртку вцѣпляется репейникъ... Но вотъ путешествіе по лѣсу окончено; мы выходимъ къ довольно глубокому, съ черной стоячей водой, озерку; Иванъ Ивановичъ снова беретъ меня въ охапку; мое сердце дрожитъ, когда Кочергинъ вступаетъ на неширокую доску, перекинутую на другой берегъ озера, и я спрашиваю его съ опаской:

— А она не подломится?

Иванъ Ивановичъ что-то бурчить; его ворчанье меня немного успокаиваетъ; но вотъ мы уже на томъ берегу; нѣсколько шаговъ,—и мы упираемся въ изгородь. Теперь Кочергинъ беретъ меня подъ мышки, высоко и легко, какъ полуфунтовую гирьку, приподнимаетъ надъ головой и, согнувшись, опускаетъ на землю по ту сторону забора. Я съ любопытствомъ смотрю, что будетъ дальше. Черезъ минуту необыкновенно длинная нога Ивана Ивановича показывается на заборѣ, и вслѣдъ затѣмъ и весь онъ появляется на немъ, солидно усмѣхающійся и важный.

„Я морякъ, красивъ собою,
„Мнѣ отъ роду двадцать лѣтъ“.

поетъ онъ, сильно ударяя на «о».

Мы идемъ по огороду, по тыквамъ, огурцамъ капустѣ.

„По морямъ, по волнамъ
Нынче здѣсь! Завтра—тамъ!..“

Собака, лохматая и куцая, набрасывается на насъ; Иванъ Ивановичъ кричитъ на нее такимъ уничтожающимъ голосомъ, что Шавка, поджавши хвостъ, взвизгиваетъ и, боязливо косясь на Кочергина, стремится улизнуть во-свояси.

Выбираемся на улицу, настоящую деревенскую: кособокую, изъѣденную ухабами, изрѣзанную лужами; уныло посматриваютъ на насъ крытыя соломою избы, но намъ весело: даже Иванъ Ивановичъ ухмыляется.

— Пойдемъ-ка мы, Павелъ, съ тобой на базаръ и купимъ тыквенныхъ сѣмянъ,—говоритъ онъ.

Я восторгаюсь. Ъсть тыквенныя сѣмечки научилъ меня мой одноглазый наставникъ и другъ. Они кажутся

мнѣ неособенно вкусными, но вѣдь покупаетъ ихъ самъ Иванъ Ивановичъ Кочергинъ.

Вступаемъ на базаръ, переполненный мужиками, дѣтьми, бабами, лошадьми, собаками, коровами; воза съ дегтемъ, дровами и углемъ заполнили площадь; народъ толчется какъ будто все на одномъ и томъ же мѣстѣ; надъ толпою виситъ пыль, а мнѣ почему-то кажется, что это поднялся надъ народомъ тотъ гамъ, который онъ издаетъ... Въ одной кучкѣ продаютъ старые сапоги и кричатъ изо всей силы; тамъ съ вытаращенными глазами хлопаютъ для чего-то по рукамъ и держатся за полы кафтановъ; въ сторонкѣ мужикъ съ слезящимися глазами пьетъ водку, и мнѣ жалко мужика, потому что онъ плачетъ, а водка горькая; за каменной лавкой чумазые ребяташки ѣдятъ сушеную воблу; мнѣ очень хочется попробовать эту рыбу, но Иванъ Ивановичъ объясняетъ мнѣ, что отъ нея болитъ голова.

Идемъ дальше, и я съ любопытствомъ смотрю, какъ заѣзжій малороссъ глядитъ лошади въ ротъ.—Не болятъ ли у лошади зубы?—спрашиваю я. Кочергинъ очень пространно объясняетъ мнѣ, для чего лошадямъ смотреть въ зубы.

Но вотъ мы у той лавки, гдѣ намъ слѣдуетъ купить керосину. На широкомъ помостѣ передъ нею разлеглись приказчики и играютъ съ хозяиномъ въ шашки; Иванъ Ивановичъ пріятельски здоровается со всѣми и начинаетъ съ указанія на то, какимъ путемъ обезпечить себѣ вѣрный выигрышъ.

Повидимому, его предложеніе проваливается съ трескомъ; Кочергинъ горячится, когда надъ нимъ начинаютъ смѣяться, и размахиваетъ жестянкой отъ керосина съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто бы хочетъ пришибить ею хозяина.

Я уже опасаюсь за цѣлость лавочника, какъ вдругъ Иванъ Ивановичъ начинаетъ добродушно хохотать и, обнявъ хозяина за спину, идетъ вмѣстѣ съ нимъ въ лавку.

Косой босоногій мальчикъ, съ бѣлыми какъ воскъ волосами, цѣдитъ въ жестянку керосинъ, мрачно нахмурившись, двигая губами съ самымъ озабоченнымъ видомъ, а хозяинъ уже сидитъ съ Кочергинымъ на прилавкѣ, и оба курятъ табакъ. Иванъ Ивановичъ съ важностью держитъ между двумя пальцами данную ему хозяиномъ папиросу и пускаетъ ему въ розовое лицо клубы дыма. Лавочникъ наконецъ замѣчаетъ и меня и даетъ мнѣ завернутыхъ въ крошечномъ фунтикѣ мятныхъ сладкихъ лепешекъ.

Я недоумѣваю: братъ или нѣтъ, и посматриваю на Кочергина. Иванъ Ивановичъ киваетъ головой утвердительно и даже мигаетъ своимъ единственнымъ глазомъ.

Забравши керосинъ, мы возвращаемся домой тѣмъ же путемъ. Жестянка теткѣ сдана, и мы идемъ въ кочергинскую комнату, и тамъ снова заводимъ разговоры. Я почти всегда начинаю съ просьбы о разрѣшеніи посмотрѣть, что спрятано въ сундукѣ Ивана Ивановича.

— Да что ты, братъ Павелъ! Нешто тебѣ жизнь не мила?—всегда говорить въ этихъ случаяхъ Кочергинъ,—Кощей Безсмертный тамъ запертъ: открыть сундукъ—и сейчасъ же онъ съѣстъ всѣхъ какъ только вырвется.

Для того, чтобы отвлечь меня отъ сундука, Иванъ Ивановичъ начинаетъ рассказывать мнѣ повѣсть о разбойникѣ Чуркинѣ, но она уже давно мною выучена; на крайнее средство приходится рѣшаться Кочергину:

— Сейчасъ сдѣлаю тебѣ изъ вяза лучокъ и стрѣлы.

— Стрѣлы!..—Это приводитъ меня въ восхищеніе; я забываю о Кощеѣ Безсмертномъ и тащю Кочергина

въ вязники. Онъ забираетъ съ собою огромный кривой ножъ, который, по его словамъ, подарилъ ему самъ разбойникъ Чуркинъ. и мы отправляемся въ лѣсъ.

Долго ходитъ Иванъ Ивановичъ между молодыми вязками и разсматриваетъ вѣтви.

— Вотъ хорошій! Вотъ хорошій!—говорю я. Но онъ все бракуетъ и рѣжетъ по собственному усмотрѣнію.

Очистивъ съ вѣтки кору, онъ достаетъ изъ глубочайшаго кармана своихъ панталонъ бичевку и съ удивительными гримасами натягиваетъ тетиву.

Остается добыть стрѣлы. Кочергинъ выбираетъ прямые вѣтви между тѣми же вязками:—Самыя счастливыя стрѣлы—вязовыя,—увѣряетъ онъ,—вязовыя выше летаютъ, но прямые между ними попадаютъ рѣдко... Вотъ почему приходится обращаться къ шиповнику.

Срѣзавъ нѣсколько палочекъ, онъ продѣлываетъ въ концѣ ихъ продольное отверстіе и вставляетъ кусочки пѣтушиныхъ перьевъ. Стрѣлы готовы, но для того, чтобъ онѣ летали какъ можно прямѣе, необходимо налѣпить на концы ихъ сухого дегтя.

Мы возвращаемся на дворъ, заросшій лебедой и репейникомъ, и начинаемъ осматривать колеса у телѣгъ. Съ большимъ трудомъ находимъ мы требуемое количество дегтя. Надѣлавъ изъ нихъ катышки, Иванъ Ивановичъ обваливаетъ ихъ на песокъ, чтобы деготь не приставалъ къ рукамъ, и надѣваетъ на концы стрѣлъ по шишечкѣ; стрѣлы, дѣйствительно, улетаютъ въ самое поднебесье; выпустивъ ихъ въ вѣсь, я смотрю, когда онѣ вернутся, и отъ солнца на глазахъ моихъ показываются слезы. Возвращаются съ высоты не все изъ пущенныхъ стрѣлъ.—Можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ воткнулись въ плывущія облака?—говоритъ Кочергинъ. Желаніе попасть стрѣлою въ летящую надъ домомъ галку появляется во мнѣ. Но галки такъ осторожны;

гораздо спокойнѣе стрѣлять въ заборъ: онъ вѣдь не летаетъ. Начинаю стрѣлять въ заборъ, гдѣ Иванъ Ивановичъ нарисовалъ углемъ круги; но не удается попасть въ черную точку середины круга, какъ близко я ни подхожу; между тѣмъ стоитъ только Кочергину прищуриться и языкомъ щелкнуть, какъ стрѣла—въ самой серединкѣ. Неудачи еще болѣе разжигаютъ мое самолюбіе,—я готовъ стрѣлять двѣ недѣли подъ рядъ, но Кочергина зовутъ обѣдать въ кухню. Мнѣ очень интересно смотрѣть, какъ Иванъ Ивановичъ обѣдаетъ; я бросаю лукъ и отправляюсь вмѣстѣ съ Кочергинымъ на кухню.

Обыкновенно она ко времени нашего прихода оказывается переполненной народомъ; всѣ кучера, кухарки, судомойки и мальчики встаютъ при появленіи Ивана Ивановича; торжественно онъ идетъ къ своему мѣсту въ уголь, садится подъ черные образа и, перекрестившись, начинаетъ рѣзать мелкими кусками лежащее на дубовой дощечкѣ вареное мясо; всѣ, не исключая меня, смотрятъ въ это время на него съ уваженіемъ; искрошивъ говядину, онъ кладетъ ее въ большую деревянную чашку, полную испускающихъ паръ щей, и всѣ приступаютъ къ обѣду.

Громкое чавканье прислуги прельщаетъ меня; я прошу у Ивана Ивановича позволенія присоединиться къ обѣдающимъ; разрѣшеніе получается лишь послѣ долгихъ переговоровъ, и я, осмотрѣвшись, не подступаетъ ли къ кухнѣ мой старшій братъ Саша, гимназистъ съ серебряными вѣточками на фуражкѣ, начинаю жадно уплетать жесткое вареное мясо. Саши я боюсь не безъ основанія: онъ нерѣдко доносилъ на меня теткѣ, и тогда всѣмъ доставалось за то, что допускали меня, какъ выражалась няня Агафоновна, «до грѣха».

За вторымъ блюдомъ всегда молчаливый съ прислу-

гой Иванъ Ивановичъ начинаетъ рассказывать объ Ильѣ Муромцѣ. Сказку эту я слышалъ отъ него много разъ, но она продолжаетъ мнѣ нравиться потому, что у Ильи былъ необыкновенный лукъ съ калеными стрѣлами; при томъ же Кочергинъ и очень разнообразно повѣствуетъ о богатырѣ: если Иванъ Ивановичъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ заставляетъ Илью долго ѣздить по всякимъ государствамъ и побѣждать другихъ богатырей; если же—въ дурномъ, то уничтожаетъ его въ первой же схваткѣ съ татарами подъ Кіевомъ.

И когда кто-нибудь изъ несмѣтливыхъ кучеровъ вмѣшивался иногда съ запросами по этому дѣлу, Иванъ Ивановичъ обрывалъ дерзкаго суровымъ замѣчаніемъ:

— Прошу не разговаривать!

ВЪ СТАРОМЪ КАРЕТНИКЪ.

По субботамъ, послѣ всенощной, мы съ Волсдей съ особеннымъ удовольствіемъ приходили на вечеринку въ нашъ старый каретникъ. Надворныя службы нашего деревенскаго дома представляли изъ себя чрезвычайно длинное, почти безконечное сооруженіе съ прогнившей тесовой крышей и крохотными круглыми окнами, въ которыхъ стекла, за древностью, отливали всѣми цвѣтами радуги. Интересны были и стѣны этого древняго, можно сказать, историческаго зданія; онѣ всѣ испещрены черными кругами съ точками посерединѣ и усыпаны дробью, картечью и пулями: на протяженіи вѣковъ наши предки такъ испытывали на этихъ стѣнахъ доброкачественность своихъ ружей, винтовокъ и пистолетовъ. Дѣдушки испытывали ружья, а что испытывали бабушки, когда мужья и братья ихъ занимались во дворѣ ружейной пальбой,—исторія умалчиваетъ; однако, больше всего насъ интересовали не стѣны, а внутренность службъ. Постройки эти распадались на два совершенно

особыя отдѣленія: конюшню и каретникъ. Въ конюшнѣ помѣщались наши лошади: Соколикъ, Дружокъ, Красавчикъ и Гнѣдко, и единственная лошадь тети Анфисы—старикъ Бурый. Лошади, однако, были ничѣмъ не примѣчательныя, и несравненно интереснѣе намъ казался каретникъ. Туда мы вступали всегда съ замираніемъ сердца. И чего-чего только не находилось тамъ, въ этомъ древнемъ каретникѣ! Верха, или второй этажъ, были заставлены всевозможными санями. На первомъ планѣ помѣщались одиночныя; затѣмъ, какъ выражался нашъ кучеръ Сема, шли сани «двужильныя»; далѣе—троечныя, за ними «кошельки»,—все это самоновѣйшихъ фасоновъ. Но стоило лишь миновать этотъ рядъ саней, и взгляду представлялись необыкновенныя рѣдкости. Прежде всего бросался въ глаза дѣдовскій зимній фургонъ или, какъ его называли иначе, «Ноевъ ковчегъ». Въ этомъ «ковчегѣ» наши предки въ снѣжное время ѣздили въ Москву.

Представьте себѣ огромнѣйшее четырехугольное зданіе (иначе назвать трудно) съ опускающимися двойными окнами, все обитое сукномъ изнутри и уставленное мягкими сидѣніями въ родѣ дивановъ или постелей. Стѣны фургона состояли изъ ящичковъ, ящичковъ, сундуковъ, сундучковъ, сумокъ и сумочекъ. На передней стѣнѣ имѣлось большое подобіе фонаря съ керосиновой лампой. Вѣсь этого фургона, по нашему мнѣнію,—въ полтораста пудовъ, а сколько лошадей возило его въ свое время,—мы и представить себѣ не въ состояніи... Мы знаемъ только, что въ «Ноевомъ ковчегѣ» ѣздило иногда по четыре помѣщика и трое прислужниковъ: два кучера и лакей, помѣщавшійся сзади, гдѣ находилось отдѣленіе для провизіи, то-есть замороженныхъ въ лепешки щей, пельменей и пирожковъ.

Кромѣ «Ноева ковчега», въ каретникѣ хранились

сани, въ которыхъ, по преданію, ѣзживалъ самъ Петръ Алексѣевичъ, основатель того села Петровскаго, гдѣ мы жили. Вида эти сани сверхъестественнаго: высокія какъ эшафотъ, красныя какъ клюквенное желе, проржавленныя, со сѣденымъ мышами сидѣньемъ.

Мы часто съ опасностью для жизни влѣзали на это сидѣнье... Но тамъ обыкновенно бывала такая пыль, что черезъ минуту изъ бѣлыхъ мы, къ ужасу няньки Агафоновны, превращались въ чернокожихъ. Поэтому мы быстро перебирались изъ саней Петра Алексѣевича въ карету бабушки Елизаветы Васильевны, а оттуда—въ не менѣе необыкновенное чѣмъ фургоны произведеніе природы и рукъ человѣческихъ: въ *ланду*, какъ называлъ его кучерь тети Наташи, Федя Ненилинъ.

Это «ланду» представляло изъ себя почти столь же огромное помѣщеніе, какъ и «Ноевъ ковчегъ», но на поминало оно исполинское корыто, поставленное на колеса. Со всѣхъ четырехъ сторонъ «ланду» было снабжено скамьями и обито синимъ бархатомъ. Изъ cadaго угла вверхъ поднимались саженные шесты, поддерживавшіе раму, крытую кожей, съ которой внизъ спускались такія же кожаныя занавѣски, двигавшіяся по проволокамъ для того, чтобы пассажиры при желаніи могли любоваться дорожными пейзажами. Таково было «ланду», въ которомъ ѣздили наши прадѣды.

Для полноты описанія всѣхъ рѣдкостей нашего каретника слѣдуетъ указать на массу рессорныхъ и нерессорныхъ бричекъ, тарантасовъ, дрожекъ и повозокъ, очень разнообразныхъ по внѣшнему виду, но и очень схожихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что при малѣйшемъ движеніи всякій изъ экипажей издавалъ приблизительно такое же дребезжаніе и позвякиваніе какія испускали изъ себя дрожки старосвѣтской помѣщицы Пульхеріи Ивановны.

Но Володю и меня не столько привлекали диковинные экипажи нашихъ предковъ, сколько то общество, которое аккуратно по субботамъ собиралось въ каретникъ на вечеринку.

Это общество состояло: изъ Ивана Ивановича Кочергина (предсѣдателя), кучера Семы, лакея Прохора, имѣвшаго странное прозвище «Пивожраловъ», дворника Никифора, стараго повара Фрола и еще изъ двухъ-трехъ случайныхъ личностей, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій.

Дворникъ Никифоръ былъ огромнаго роста мужчина, лѣтъ подь сорокъ, съ добродушнымъ, вѣчно ухмыляющимся лицомъ, съ вытаращенными фіолетовыми глазами, русобородый и кудластый. Именно къ нему мы прежде всего и подходили съ Володей, являясь на вечеринку въ каретникъ.

Завидѣвъ насъ, Никифоръ дружелюбно усмѣхался, бралъ на свои желѣзныя руки и, поигравши нами въ воздухъ какъ шарами, помѣщалъ на козлы парадной кареты, съ которой мы и слушали разговоры.

Общество всегда размѣщалось въ каретникѣ слѣдующимъ образомъ: на рундукѣ, то-есть на длинномъ крытомъ ящикѣ для овса, садился съ неизмѣннымъ своимъ подожкомъ Сема (колченогій), возлѣ него, на пнѣ, помѣщался Прохоръ Пивожраловъ; Иванъ Ивановичъ Кочергинъ, во вниманіе его привилегированнаго положенія, усаживался на единственномъ въ каретникѣ, правда, трехногомъ стулѣ; Никифоръ садился прямо на земляной полъ, подобравши подъ себя по-турецки ноги; поваръ Фролъ, по-старости, укладывался на суконномъ «чапанѣ», а случайные посѣтители обыкновенно стояли вдоль незанятой экипажами стѣны.

Бесѣду всегда начиналъ Кочергинъ. Давши ей известное направленіе, онъ всегда солидно смолкалъ и

во все остальное время съ достоинствомъ покуриваль трубку, блистая въ сумракѣ каретника своимъ единственнымъ глазомъ. Первое время мы не спускали глазъ съ Никифора и его неизмѣнной ситцевой рубахи съ зелеными тараканами. Эта рубаха была самая любимая вещь Никифора; ею онъ даже гордился и рассказываль, что ему подарили ее «въ самой Рассеѣ» за тушеніе пожара на фабриктѣ.

Мало-по-малу разговоръ принималь интересный характеръ; въ бесѣду вступался древній поварь Фроль, который на вечеринкахъ обычно разглагольствовалъ больше всѣхъ. И говорить онъ ужъ отвыкъ, и рассказываль съ прищептываніемъ, и рассказовъ-то его мы боялись, но не слушать не могли, и невольно со жгучимъ интересомъ тянулись къ нимъ: они всегда касались домовыхъ, лѣшихъ, русалокъ, чертей и прочей нечисти, которыхъ мы такъ боялись... особенно въ су-мерки.

Какъ увѣрять Сема, старикъ всегда враль безшабашно, и Кочергинъ часто его останавливаль... Въ такихъ случаяхъ поварь кипятился, краснѣль и клятвенно увѣрять, что все сказанное онъ видѣль лично, а что если не видѣль, то «провалиться ему на этомъ самомъ мѣстѣ...» А такъ какъ Фроль послѣ этой клятвы не проваливался, то приходилось вѣрить истинности его словъ.

Лакей Прохоръ тоже нерѣдко рассказываль про сверхъестественное, но его рѣчи наводили на насъ далеко не такой страхъ: онъ больше любилъ распространяться насчетъ явленій природы, задавался вопросами, отчего идетъ дождь, гремитъ громъ?

— Ежели громъ гремитъ, развѣ это не сверху установлено?...—любилъ спрашивать онъ. Онъ же вѣрилъ, что облака состоятъ изъ льда, и что наши солдаты въ

русско-турецкую войну отламывали отъ нихъ кусочки и для утоленія жажды сосали какъ леденцы...

— Мой дѣдушка, Тихонъ Данилычъ, даже къ себѣ на побывку въ деревню эти леденцы приносилъ!—разсказывалъ онъ при дружномъ хохотѣ всѣхъ слушателей, при чемъ предсѣдатель Иванъ Ивановичъ Кочергинъ останавливалъ его съ досадою:

— Ну, ты!.. Не вдругъ! Полегче на поворотахъ!

Для этого же Прохора не подлежало никакому сомнѣнью, что дождь въ солнечную погоду предвѣщаетъ утопленника, что три удара грома говорятъ о пожарѣ и что крестообразная молнія знаменуетъ голодный годъ.

— А ежели,—увѣрялъ онъ,—ежели въ крутящійся по дорогѣ пыльный вихрь бросить раскрытый перочинный ножикъ, то онъ, по прекращеніи вихря, обязательно будетъ въ крови!

— Почему же?—спрашивали его любопытные.

— Да потому, что имъ обязательно уколется вѣдьма, которая вихрь этотъ устроила... А вотъ если этимъ ножомъ съ засохшею кровью вѣдьмы ткнуть въ Ивановъ день какое-нибудь мѣсто въ лѣсу, то непременно подъ нимъ очутится кладъ, ей-Богу, лопни глаза!

Дойдя до клада, Пивожраловъ становился очень краснорѣчивымъ. Сонные глаза его оживлялись, и весь онъ преображался... Въ разговорахъ его все чаще и чаще начинали мелькать вѣдьмы, лѣшіе съ ихъ дикими криками: «шелъ—пошелъ, нашелъ, ушелъ», русалки и всякіе бѣсы... Намъ опять становилось страшно. Замѣтивъ это, Никифоръ быстро подходилъ къ намъ, весело ухмылялся и спрашивалъ:

— А не спѣтъ ли «петербургскую дачу»?

Мы съ восторгомъ изъявляли свое согласіе, и Никифоръ стаскивалъ насъ съ козелъ. Поставивъ насъ пе-

редь собою, онъ садился самъ, чтобъ уравниваться съ нами въ ростъ, на-корточки и начиналъ свою «дачу», вездѣ вмѣсто звука «е» ставя, по своему выговору, «я».

„Съ пятабургской новай дачи
Да—ваяжалъ мужикъ на клячѣ,
Чавой-то вязеть,
Чавой-то вязеть...“

Здѣсь Никифоровъ останавливался и смотрѣлъ на насъ. Мы знали, что это значило: Никифоровъ долженъ былъ во время этой остановки «закусить». Поэтому Володя протягивалъ къ его рту палецъ. Пѣвецъ дѣлалъ: «гамь!»—и начиналъ, строя гримасы, щелкать зубами какъ волкъ. Это намъ казалось очень забавнымъ, мы смѣялись, а Никифоровъ тѣмъ временемъ продолжалъ:

„Во второмъ возу горячиха,
Да—подбегалъ я,—рогачиха;
Стали торговать,
Стали торговать...“

Все общество съ вниманіемъ прислушивалось къ пѣнію Никифорова. За «петербургской дачей» слѣдовало: «Ключникъ Микита», «Собачка», «Чепуха» и много много другихъ пѣсенъ.

Репертуаръ Никифорова приходилъ къ концу, а мы, разохотившись, все просили его пѣть, зная, что финаломъ будетъ «татарская» сказка «Игергàга».

Собственно говоря, и вся пѣсня состояла изъ одного намъ непонятнаго слова «игергàга», въ которомъ Никифоровъ, по своему произволу, мѣнялъ первый звукъ... Басурманская сказка получалась въ слѣдующемъ видѣ:

„И—гергàга, Гу—гергàга,
Я—гергàга, Дà—гергà...“

Всѣ хохотали и надъ остроуміемъ Никифора, и надъ нами... Но въ то время мы были вполне увѣрены въ томъ, что Никифоръ поетъ по-басурмански, и приходили въ восторгъ отъ этой «татарской» пѣсни...

Послѣ «Игергàги» старый каретникъ засыпалъ. Всѣ расходились...

НАШИ ПРАЗДНИЧНЫЯ ЗАБАВЫ.

На Пасху и святки къ намъ съѣзжалось довольно много гостей, большею частью родственниковъ. Приѣзжали помѣщики, по деревенскому обычаю, всей семьей, зная, что въ нашемъ домѣ найдется достаточно мѣста.

Насъ интересовали, конечно, не столько взрослые, сколько наши сверстники, въ обществѣ которыхъ мы проводили время очень нескучно.

Во время Пасхи у насъ преобладали театральныя развлечения, на Рождествѣ—костюмированныя вечера.

Устроительницей спектаклей являлась всегда мама. Она выписывала пьесы, шила костюмы, клеила бутафорию; она же бывала и главнымъ режиссеромъ.

Ставили мы большею частью коротенькія сценки. Изъ большихъ пьесъ мы облюбовали только одну, постановку которой наши теткі считали для насъ неприличной (shoking), а именно,—«Петрушку». Мама тоже сначала протестовала, но потомъ не стѣсняла насъ, и мы съ большимъ увлеченіемъ играли сатирическую

картинку, которая, дѣйствительно, была очень безтолкова и грубовата, но не содержала въ себѣ ничего неприличнаго.

Заглавную роль игралъ обыкновенно я. И костюмъ мой, въ которомъ я представлялъ Петрушку, былъ довольно оригиналенъ. Я надѣвалъ красные шерстяные чулки матери, въ которые уползалъ до самаго живота, а на плечи натягивалъ ея же фуфайку, тоже краснаго цвѣта,—ее мама носила, будучи еще институткой. На голову надѣвался большой колпакъ изъ сахарной бумаги, оклеенный красною бумагой и снабженный такой же кисточкой. Что касается до гримировки, то она была крайне несложна: старшій братъ мой, Саша, обжигалъ на свѣчѣ пробку и усердно намазывалъ мнѣ ею брови, подводилъ усы,—Петрушка былъ готовъ.

Громадная бабушкина простыня, повѣшенная на кольцахъ въ залѣ, изображала занавѣсь. Мѣсть для зрителей въ просторной комнатѣ было много. Первые ряды состояли изъ кресель, затѣмъ шли вѣнскіе стулья для болѣе простой публики, и въ концѣ помѣщались скамьи для прислуги.

Зала освѣщалась десяткомъ лампъ. Публика, обыкновенно, переполняла зрительную комнату, и, пока артисты загримировывались и приготавливались къ выходу, въ ней стоялъ гомонъ, заставлявшій замирать наши сердца. Въ первыхъ рядахъ усаживались дѣды, тетки и дяди; затѣмъ размѣщались хорошіе знакомые, далѣе сидѣли лавочники, за ними—наша прислуга и, наконецъ, наши постоянные спутники по лѣсамъ и лугамъ—крестьянскіе ребяташки.

Иванъ Ивановичъ Кочергинъ исполнялъ обязанности «помощника режиссера»,—иными словами—звонилъ въ колокольчикъ и отдергивалъ занавѣсь.

Послѣ троекратнаго перезвона начинался спектакль.

Затаивая дыханіе, я выходилъ на сцену и говорилъ неу-
вѣреннымъ голосомъ:

Бонжуръ, нарумяненные старушки,
Молодые старички!
Я, мусье фонъ-герръ Петрушка,
Вась забавлю своей шуткой
Да и съ праздничкомъ поздравлю.

— Shoking!—доносится до меня послѣ словъ: «на-
румяненные старушки»... Но я уже не робѣю; я знаю,
кто это протестуетъ въ переднихъ рядахъ: наша те-
тушка Аглая Леонидовна, скорбящая о томъ, что дво-
рянскія дѣти изображаютъ клоуновъ.

Послѣ нѣкотораго вступленія, которое я выпаливала
передъ публикой, на сцену является съ огромнымъ кну-
томъ въ рукахъ Саша. Изображаетъ онъ цыгана, и на
этомъ основаніи одѣтъ въ вывороченный тулупчикъ, а
лицо свое онъ вымазаль углемъ до такой степени, что
его зубы и бѣлки глазъ блестятъ какъ брилліанты.

Его появленіе вызываетъ продолжительный смѣхъ
въ публикѣ, сидящей на скамьяхъ и табуретахъ. Для
увеличенія произведеннаго эффекта онъ изо всей силы
щелкаетъ кнутомъ и говоритъ басомъ:

Здравствуй, славный герой Петрушка,
Мнѣ понравились твои прибаутки,
И готовъ я самъ себя заложить,
Чтобы только тебѣ удружить.

Я уже забылъ, какими словами заставляю я плуто-
ватаго цыгана «удружить» мнѣ. Въ результатѣ, одна-
ко, мы начинаемъ торговаться; цыганъ предлагаетъ мнѣ
купить у него лошадь. Я спрашиваю: «гдѣ лошадь?», и
цыганъ зазываетъ меня за кулисы. Мы преспокойно ухо-
димъ туда. Публика вѣритъ намъ на слово, что ло-

шадь—за кулисами,—не приводить же въ самомъ дѣлѣ лошадь сюда въ залу?..

Мы возвращаемся на сцену, уже совершивъ сдѣлку. Но тутъ кто-то объявляетъ, что лошадь у цыгана краденая... Что происходитъ дальше, я ужъ не помню. Кажется, бьютъ цыгана, и Кочергинъ задергиваетъ занавѣсъ при дружномъ хохотѣ деревенскихъ ребятишекъ.

Послѣ «Петрушки» наступаетъ литературно-вокальное отдѣленіе. Первымъ номеромъ выходитъ на сцену самый маленькій изъ насъ—Володя и важно декламируетъ:

Пряникъ шоколадный—чудо, заглядѣнье,
Если его скушать,—просто объяденье.

Интеллигентная публика аплодируетъ. Володя раскланивается и, счастливо улыбаясь, покидаетъ эстраду.

На сцену является хоръ. Трое изъ насъ и человѣкъ пять двоюродныхъ братьевъ; между ними—кадетикъ—первоклассникъ Гриша, который увѣряетъ, что у него бась.

Выстраиваемся полукругомъ. Сапа начинаетъ, за нимъ слѣдуетъ весь хоръ, кромѣ Гриши:

Всѣ мы пѣсни перепѣли
Всѣ мы пѣсни перепѣли.

Хоръ смолкаетъ, и кадетъ Гриша выводитъ соло своимъ «басомъ», для полноты звука вмѣсто «е» изображая «э»:

Перепѣлъ! перепѣлъ, перепѣли!..

Сапа запѣваетъ хорошимъ дискантомъ:

Одной пѣсни не допѣли,

и Гриша, вновь напыжившись, якобы баситъ:

Нэ допѣлъ! Нэ допѣлъ! Нэ допѣ-эли!

Лицо его багровѣетъ и покрывается потомъ, глаза мечутъ молніи... но самъ онъ въ восторгѣ, потому что искренно вѣритъ въ свой «басъ».

И эта пѣсня оставляетъ въ зрителяхъ хорошее впечатлѣніе. Насъ вызываютъ безконечное количество разъ.

Въ заключеніе вечера—мой выходъ. Въ то время у меня была такая чудесная память, что я могъ наизусть слово въ слово читать цѣликомъ излюбленныя мною произведенія. Выходилъ я на сцену и читалъ отрывки разныхъ повѣстей, стихи и цѣлыя сказки, а нѣкоторые изъ зрителей слѣдили за тѣмъ, точно ли я говорю слово въ слово, по книгамъ. Изъ стихотвореній я въ особенности любилъ декламировать переводную поэму Жуковскаго о жадномъ епископѣ Гаттонѣ. Эту очень длинную сказку я читалъ безъ запинки.

Вечеръ кончался. Въ награду исполнителямъ раздавались сласти. Насколько помню, мама аплодировала намъ больше всѣхъ.

На Святкахъ у насъ обыкновенно происходили костюмированные балы. Одна изъ безчисленныхъ тетушекъ любезно принимала на себя обязанности таперши. Гостей съѣзжалось видимо-невидимо; не мало пріѣзжало и барышень, т.-е. дѣвочекъ, нашихъ ровесницъ. Разумѣется, мы одѣвались по-бальному,—въ самыя лучшія платья. Въ началѣ, часовъ до восьми, вечера не бывали костюмированными; а затѣмъ мы обычно ожидали пріѣзда масокъ; тогда становилось шумнѣе, оживленнѣе; мы маскировались и сами.

Та зала, въ которой на Пасху ставились театральныя представленія, теперь преобразалась въ танцевальную и такъ же ярко сіяла отъ множества лампъ и канделябровъ; и вся-то она была переполнена расфранченными маленькими парочками! Казалось, что въ за-

лѣ—царство сказочныхъ карликовъ. Большіе входили къ намъ лишь для того, чтобы посмотрѣть на танцы; въ наши же разговоры они обыкновенно не вмѣшивались.

А разговоровъ было такъ много!.. И были они такъ оживленны! Каждый кавалеръ изъ всѣхъ силъ старался занимать свою даму и въ порывѣ самоотреченія отказывался для нея даже отъ своей порціи десерта... Но вотъ тетушка усѣлась за фортепіано, всѣ становятся въ пары, начинается полонезъ.

Этотъ танецъ у насъ велся особенно: всѣ танцоры состояли изъ мелкоты, за исключеніемъ лишь одной первой пары. А этой первой парой у насъ всегда бывали самые старые изъ нашихъ гостей: прадѣдъ Петръ Петровичъ, генералъ чуть ли не екатерининскихъ временъ, весь бритый, согнутый въ дугу и нюхавшій табакъ, и бабушка Елизавета Дмитриевна, хотя и напоминавшая собою какую-то королеву, но писавшая «каракулями» въ четверть аршина.

Полонезъ всегда проходилъ очень оживленно; за нимъ начинались вальсы, кадрили и польки. Мы съ интересомъ смотрѣли на часы, зная, что какъ только пробьетъ восемь, появятся маскированные. О появленіи ихъ мы догадывались по тому, что двери танцевальной залы въ моментъ ихъ пріѣзда запирались. Правда, черезъ десять минутъ онѣ вновь раскрывались,—и тутъ-то начиналось веселье!

Огромная зала наполнялась ряжеными. Съ жаднымъ любопытствомъ разсматривали мы пеструю толпу взрослыхъ, для нашего удовольствія изъ мирныхъ російскихъ помѣщиковъ обратившихся въ длинноносыхъ грековъ, черныхъ негровъ, арабовъ, турокъ, испанцевъ.

Среди костюмированныхъ мы находимъ одного весельчака-дядю, который одѣлся поваромъ, заложилъ се-

бя со всѣхъ сторонъ для полноты талии подушками. На головѣ его красуется бѣлый колпакъ. Дядя ходитъ между нами, добродушно усмѣхаясь и отпуская на всѣ стороны шутки, а мы чуть ли не десятками виснемъ на шею этому богатырю, который носить насъ, какъ пушинки.

Ближе подвигается вечеръ и ночь, и все шумнѣе и оживленнѣе становится въ залѣ. Среди маскированныхъ появляются разныя животныя: медвѣди, волки, ослы, львы; два или три козла пресмѣшно пляшутъ въ сторонкѣ. Молодая публика старается какъ можно основательнѣе пощипать ихъ... Затѣмъ въ залу входитъ слонъ, чрезвычайно похожій на тѣхъ, которыхъ мы видѣли на картинкахъ, только ноги слона обуты въ лакированные башмаки. За слономъ шествуетъ лошадь, постукивая копытами. Въ ней мы узнаемъ нашего повара Флора. Только онъ умѣлъ такъ хорошо наряжаться лошадью.

Но вскорѣ наше ликующее свѣтлое настроеніе смѣняется паническимъ ужасомъ. Залу наводняютъ лѣшье, вѣдьмы, водяные, бѣсы и всякая нечисть. Въ воздухѣ пахнетъ чѣмъ-то въ родѣ сѣры; появляется въ разныхъ углахъ пламя, синее, красное и зеленое, навѣвающее жуть даже на самыя храбрыя сердца... Бѣсы подступаютъ къ намъ съ пронзительнымъ воемъ; а мы уже забыли свою обязанность защищать нашихъ дамъ до послѣдней капли крови. Мы сами прячемся въ углы... Въ наивномъ страхѣ мы вѣримъ, что предъ нами не дяди Васи, Миши, Алеши, а сущіе враги человѣческаго рода.

Но вотъ бѣсы начинаютъ хохотать и разговаривать по-французски... Мы приходимъ въ себя и, смѣясь своему маленькому малодушію съ нѣкоторымъ смущеніемъ поглядываемъ на своихъ дамъ. И ужъ такъ-то весело пляшемъ мы, набравшись храбрости, съ этими

вѣдьмами и бѣсами!.. Танцуя съ ними, мы стараемся подергать злыхъ духовъ за хвосты, за бороды и вообще какъ-нибудь насмѣяться надъ нечистью.

Зато ночью, когда мы, по окончаніи бала, укладываемся спать... ночью намъ страшно. Черныя рожи мерещатся въ сумракѣ спальни...

Съ трепетомъ жмемся мы на своихъ постеляхъ и, чтобы не видѣть бѣсовъ, съ головою закрываемся одѣялами...

АЛЕКСАНДРЪ КОНЮШЕКЪ.

Припоминается мнѣ теперь длинная, сѣдая, почти серебряная борода, похожая на вѣеръ, красное, изъѣденное рябинами лицо, съ добрыми, свѣтлыми глазами, утонувшими гдѣ-то въ морщинахъ щекъ, большая лысина, обнаруживающая неровный черепъ, и нависшія косматыя черныя брови.

Александръ сидитъ на крыльцѣ своего древняго покосившагося дома. Весь утонулъ онъ въ ласковой зелени липъ; липами засажень и небольшой кособокій дворикъ, плохо загороженный ветхимъ, какъ и самъ хозяинъ, плетнемъ; цвѣтуція тыквы и хмель ползутъ по плетню; подъ деревьями пріютились огромные ульи, полные меда и пчель. Эти пчелы гудятъ и вокругъ насъ.

Александръ сидитъ, опустивъ голову, и медленно, съ наслажденіемъ набиваетъ старую, полусъѣденную огнемъ трубку махорочнымъ табакомъ, смѣшаннымъ съ липовымъ цвѣтомъ для того, чтобы «груди легчало».

Я разлежся на крыльцѣ подлѣ старика и то съ за-

вистью смотрю на его серебряную бороду, то мысленно уношусь за хилый, почернѣвшій плетень, за которымъ сейчасъ же, посреди мелкаго березняка, бѣжитъ шумящая рѣчка съ необыкновенно прозрачной и холодной водой, полная жирныхъ ельцовъ и пискарей. Въ воображеніи своемъ я уже бѣгу за рѣкой по тянущемуся за березнякомъ осокоревому лѣсу, переполненному вороньемъ и галками.

Шумно въ осокорѣ; галки кричатъ, ломаютъ сухія вѣтви и носятся на неизмѣримой высотѣ.

Съ любопытствомъ смотрю я и на лѣтнее небо, полное бродячихъ тучекъ-«бычковъ», и на закорузлыя руки стараго Александра, которыми онъ мнетъ табакъ и набиваетъ трубку. Трубка готова.

— А ну, курнемъ разокъ,—съ наслажденіемъ говоритъ Конюшокъ.

Мнѣ тоже нестерпимо хочется «курнуть», хотя я и не курилъ никогда.

— Дай, Александръ, и мнѣ затянуться,—прошу я. Старикъ дѣлаетъ озабоченное лицо.

— Не поже, Павлинька,—строго говоритъ онъ, хмуря косматая брови.—Вамъ ли, барчукамъ, таковскій табакъ курить? Да отъ него сгорить.

Это производитъ на меня впечатлѣніе. Замѣтивъ, что я опечаленъ, Александръ добродушно прибавляетъ:

— А вотъ медкомъ я васъ побалую.

И ужъ выносить изъ прихожей старое рѣшето, глиняную чашку и ножикъ. Надѣвши рѣшето на лицо, онъ идетъ, помахивая ножомъ, и я со страхомъ слѣжу, какъ старикъ раскрываетъ улей, какъ облѣпляютъ его пчелы, и какъ спокойно и увѣренно рѣжетъ онъ сочный медъ.

— Кушайте, Павликъ,—говоритъ онъ мнѣ, подавая чашку. И я жадно ѣмъ теплый медъ.

— А много ѣсть не годится,—останавливаетъ меня Александръ, добродушно усмѣхаясь.— Золотушнымъ сдѣлаетесь.

Мнѣ разъ объяснили, что кучеръ нашъ Сема захромалъ отъ золотухи, и я очень боюсь сдѣлаться хромымъ.

— Теперь бы «въ поле» поѣхать,—раздумываю я.

Выраженіе «въ поле» мы понимаемъ съ Александромъ широко. «Въ поле»—для насъ значитъ: ѣхать въ лѣсъ, въ луга или горы, но непременно съ тѣмъ, чтобы варить тамъ, на вольномъ воздухѣ, супъ, жарить на угляхъ «шашлыкъ» и пить чай съ медомъ.

— Право, хорошо бы поѣхать,—повторяю я, поворачиваясь къ Александру.

Конюшокъ почти всегда соглашается.

— Что же,—говоритъ онъ,—«въ поле» такъ «въ поле». Извольте только маменьку спроситься, да велите «карандасъ» заложить. А я и медку наломаю.

Въ восторгѣ я бѣгу черезъ улицу въ нашъ старый домъ и по дорогѣ натыкаюсь на братьевъ, играющихъ въ горѣлки съ крестьянскими мальчиками. Старшій—Саша смотритъ гораздо солиднѣе меня. Онъ уже гимназистъ второго класса и знаетъ наизусть латинскіе предлоги въ стихахъ:

„Анте, апудъ, адъ, адвераусъ,
Циркумъ, цирка, цитра, цисъ“...

Какъ завидно мнѣ, что онъ знаетъ стихи латинскіе; какъ завидно смотрѣть мнѣ на его форменную фуражку съ двумя серебряными вѣточками!.. Боже мой, когда у меня будетъ такая фуражка!..

Когда я ему сообщаю свое рѣшеніе, онъ одобряетъ съ большой солидностью, замѣтивъ, что возьметъ съ собой сѣтку для ловли бабочекъ. Вмѣстѣ съ младшимъ,

Володей, мы бѣжимъ домой и сразу, безъ предисловій, какъ балованныя дѣти, осаждаемъ мать своими просьбами.

Та не соглашается лишь тогда, когда нѣтъ свободной лошади или вѣрнаго человѣка для сопровожденія насъ на пикникъ. Съ Александромъ же насъ отпускаютъ охотно; взапуски бѣжимъ мы къ хрому кучеру Семѣ сообщить ему о томъ, что пора закладывать «Гнѣдышку» въ тарантасъ.

Колченогій Сема радуется предстоящей поѣздкѣ не меньше насъ, хотя онъ и дѣлаетъ видъ, будто недоволенъ тѣмъ, что его потревожили. До этого момента онъ, по обыкновенію, спалъ на сѣновалѣ въ душистомъ сѣнѣ.

— Ъхать-то ъхать,—ворчливо говоритъ онъ,—а вѣдь у меня и «карандасъ» не подмазанъ. Да!

Мы торопимъ его; Сема вздыхаетъ, чешетъ затылокъ и начинаетъ сползать съ сѣновала на землю. И съ любопытствомъ мы смотримъ, какъ онъ, хромой, ловко и смѣло спускается по лѣстницѣ.

Между тѣмъ Саша съ ватагой мальчиговъ уже вывозитъ изъ каретника тотъ «карандасъ», на которомъ мы поѣдемъ въ поле. Бѣловолосые ребяташки съ гиканьемъ скачутъ по старой, вылинявшей обивкѣ длинныхъ дрогъ съ громадными, словно птичьими желѣзными крыльями; это и есть нашъ полевой «карандасъ». Особенно примѣчательно въ немъ кучерское сидѣнье; оно открывается и снабжено цѣлой системой клѣточекъ для посуды и провизіи... Аккуратный «карандасъ», что и говорить!

А въ домѣ няня Агафоновна уже собираетъ намъ разныя пожитки: въ наволочку—хлѣбъ и закуски, въ холщевый мѣшочекъ—сахаръ, въ микроскопическую жестянку—чаю. Тутъ же кладетъ она три сере-

бряныхъ ложки и одну мельхіоровую для Александра и ворчливо говоритъ мнѣ, грозя согнутымъ пальцемъ:

— Смотри, не потеряй. Намедни одна ложка *кинула!*

Иду въ слѣдующую комнату. Тамъ мама накладываетъ въ баночку варенья. Въ узелкѣ здѣсь же лежатъ и карамели. Онѣ попадаютъ ко мнѣ въ карманъ, и мы крѣпко цѣлуемся.

Снова выхожу на заросшій подорожникомъ дворъ и вижу, что Сема уже ведетъ отъ колодца «Гнѣдышку», напоивъ ее передъ дорогой. На тарантасѣ уже сидитъ готовый къ выѣзду Александръ. На немъ черный удивительно смятый картузь, очень большой, смѣшно оттопыривающій ему уши, и коричневый пиджакъ съ клѣтками.

— Взяли бы вы рачни!—говоритъ онъ.—Раковъ бы маменька покушали.

Мы съ радостью ухватываемся за эту мысль и выносимъ изъ каретника рачни. А Саша уже тащитъ изъ погреба мясо, которое Александръ на мѣстѣ немного прокоптитъ, чтобы шель «рачій духъ»...

Тарантасъ оказывается подмазаннымъ. Выясняется, что Сема говорилъ о неготовомъ къ дорогѣ «карандасѣ» исключительно изъ желанія поворчать. Съ воркотней же закладываетъ онъ Гнѣдого, разсуждая съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, а той порой Саша уже набиваетъ удивительное кучерское сидѣнье всякаго рода провіантомъ.

Мы усаживаемся на мѣста еще много раньше, чѣмъ лошадь заложена; мама выноситъ теплыя пальто, и мы подкладываемъ ихъ подъ себя на случай дождя. Няня Агафонова снова держитъ краткую, но сильную рѣчь Александру и намъ, остерегая первого отъ небрежно-

сти, а насъ отъ лихой бѣды и кончая рѣчь напомина-
ніемъ о серебряныхъ ложкахъ, изъ которыхъ одна «на-
медни *кикнула*».

Наконецъ лошадь готова. Сема взваливается на
облучокъ, переполненный снѣдьями; подъ дрожина-
ми уже прикрѣплены Александромъ «рачни»; мама на-
поминаетъ намъ о томъ, чтобы мы не упали съ экипажа
и не сломали руки и ноги; тутъ же вкратцѣ приводитъ
давно извѣстное намъ содержаніе нѣсколькихъ излюб-
ленныхъ ею анекдотовъ о несчастныхъ случаяхъ съ
знакомыми и родственниками. Сюжетъ во всѣхъ «слу-
чаяхъ» одинаковый: нельзя выскакивать на ходу, ибо
нѣкій поручикъ Фикстель сломалъ себѣ ногу, а у ба-
бушки Татьяны Львовны, упавшей изъ экипажа, вскорѣ
сдѣлался тифъ.

Сема вытягиваетъ губы и говоритъ лошади неувѣ-
реннымъ голосомъ:

— Ну, пошла!

«Гнѣдышка» сразу дергаетъ; отъ неожиданнаго
толчка мы стукаемся другъ о друга головами; мама
насъ креститъ и идетъ къ воротамъ, убѣждая хромого
Сему, чтобы онъ «не гналъ лошадей».

Ватага мальчишекъ сопровождаетъ насъ по улицѣ;
на поворотѣ мы оборачиваемся, зная, что за нами смо-
трить мама, и машемъ ей шляпами.

И вотъ мы ѣдемъ уже за селомъ, миновавъ пышущія
огнемъ «кузни» (кузницы). Дорога наша лежитъ мимо
«горжениковъ», полныхъ хлѣба и соломы. Тучи дикихъ
и домашнихъ голубей сидятъ по копнамъ и ометамъ;
немало ихъ разгуливаетъ и по дорогѣ, и съ горящими
глазами рассказываетъ Сапа, что на будущій годъ ку-
пить себѣ ружье и будетъ стрѣлять.

Но неодобрительно отзывается объ охотѣ Але-
ксандръ. Онъ называетъ ее грѣхомъ; самъ онъ никогда

не стрѣлялъ, и пространно и горячо рассказываетъ о томъ, какъ тоскуетъ голубь по убитой голубкѣ:

— Ходить онъ, ходить, и крыльями бьетъ по землѣ и все стонетъ: «курр... курр...», а голубки ужъ нѣтъ: ее убили...

Мы сидимъ, придавленные рассказомъ, держась за руки и переглядываясь; да и самъ охотникъ Саша отворачивается въ сторону, потому что чувствуетъ, что у него зачесались глаза...

Тонкая черная пыль клубится подъ ногами лошади; насъ удивляетъ, почему она вьется у экипажа только съ одной стороны; пересаживаемся на другую, слушаемъ слегка монотонное пѣніе Семы о томъ, какъ «на серебряной рѣкѣ на золотыхъ песочкахъ» онъ «отъ дѣвы молодой ожидалъ слѣдочковъ», и посматриваемъ на переполненные простенькими цвѣтами поля... Какіе они милые, какіе милые!

Александръ знаетъ какъ называется каждый цвѣтокъ и любитъ рассказывать о томъ, какъ они живутъ. У него есть травы любимыя и нелюбимыя, цвѣты праведные и грѣшныя. Къ любимымъ цвѣтамъ онъ относитъ кашку и колокольчики, не любитъ репейникъ, грѣшными почему-то считаетъ «волчьи ягоды», а нѣжные, разлетающіеся отъ дуновения одуванчики пресмѣшно называетъ «ветеранами».

Подъѣзжая къ мѣсту стоянки, мы соскакиваемъ съ «карандаса» и бѣжимъ взапуски, обгоняя лошадь, что очень легко. А за нами бѣжитъ и Саша, забывши, что на немъ фуражка съ серебряными вѣточками, и громко кричитъ:

— Стойте, вы! «Анте, апудъ, андъ, адверзусь!..»

Съѣзжаемъ внизъ, къ небольшой рѣчушкѣ «Асель» и останавливаемся подъ тѣнью вяза. Старый Александръ разстилаетъ мохнатый коврикъ и разгружаетъ

сидѣнье кучера Семы; а вотъ и Сема ужъ распрягъ Гнѣдого и, ковыляя, сводить его въ прохладу.

Мы лежимъ и смотримъ:

Александръ разводитъ огонь, набравши сухихъ сучьевъ и коры. Весело трещитъ огонь, ѣдкій дымокъ распространяется вокругъ; съ любопытствомъ глядимъ мы, какъ старый пчеловодъ коптитъ на дыму куски мяса «для рачьяго духа», и бѣжимъ вмѣстѣ съ нимъ ставить рачни. На берегу неглубокой рѣчки мы уже находимъ Сему. Онъ страстно любитъ ловить раковъ и говорить намъ, улыбаясь во весь ротъ:

— А ну-ка! Дай-ко-ся, я закину!

И съ завистью мы смотримъ, какъ онъ то и дѣло вытаскиваетъ полныя темно-шоколадныхъ раковъ рачни. Счастье ему въ ловлѣ всегда бываетъ поразительное. Маленькаго Володю одинъ изъ раковъ наказываетъ за любопытство; онъ принимается голосить, но пришедшій на помощь Александръ прикладываетъ къ ранкѣ на его пальцѣ какую-то травку,—и Володя уже улыбается.

Вмѣстѣ со старикомъ мы идемъ къ костру. Сема остается ловить раковъ въ одиночествѣ, но это его нисколько не печалитъ. Онъ очень суевѣренъ; ему въ особенности не нравятся мои глаза, которые, по его мнѣнiю, могутъ «озадачить охоту». (Сема ловлю рыбы, птицъ и раковъ одинаково называетъ охотой).

— Глазъ у тебя не свѣтлый,—объясняетъ онъ мнѣ.—Ракъ боится такого глазу. Не пойдетъ, нѣтъ. Я знаю... А вотъ мой глазъ—свѣжій. Раки меня любятъ.

Александръ варитъ супъ, который въ полѣ кажется намъ необыкновенно вкуснымъ; масса комаровъ, что кружатся въ воздухѣ, не лишаютъ насъ ни хорошаго расположенiя духа, ни аппетита; въ особенности же нравится намъ поджаренный на угляхъ и прокопченный въ дыму шашлыкъ.

Сема приходитъ къ обѣду и тутъ же, громко чавкая, опорожняетъ одну посудинку за другою... Александръ ѣсть мало и все рассказываетъ о прежнемъ житьѣ помѣщиковъ. Онъ любитъ рассказывать и повѣствуетъ съ увлеченіемъ, особенно о своихъ, давно уже умершихъ «господахъ», о томъ, какъ ѣзживали они въ горы варить малиновое варенье,—съ гостями ѣзживали, всѣми семьями; какъ веселились они, богатые бары, какія пѣсни пѣвали, какія угощенія устраивали. Рассказываетъ и о томъ, какое небо бывало тогда утромъ—легкое да ясное, а ночью—темное и «прозорливое»; какая луна восходила въ тѣ поры—большая и красная, какіе вечера падали на землю—темные, безпросвѣтные; какъ къ стоянкамъ баръ волки подхаживали, и какъ разгonyли ихъ огнемъ помѣщики...

А мы, лежа на коврѣ, слушаемъ, не сводя глазъ съ тускнѣющаго неба, уже мѣняющаго чудную лазурь на бирюзу и опаль и алѣющаго на закатѣ...

И жутко, и хорошо... Свѣтлое весеннее время, гдѣ ты?..

ВЪ СУМЕРКИ.

Какъ-то разъ передъ вечеромъ мы жестоко поссорились съ Володей. Поводъ былъ ничтожный. Онъ унесъ изъ моего сундучка чучело голубя и хотѣлъ подвергнуть его разстрѣлянiю изъ самострѣла, который смастерилъ ему Кочергинъ.

Я замѣтилъ Володю въ то время, когда онъ несъ голубя подъ мышкой къ каретникамъ, гдѣ и должна была произойти смертная казнь. По самострѣлу, который лежалъ у него на плечѣ, я догадался, какая судьба постигнетъ Володину жертву; первымъ намѣренiемъ моимъ было—вырвать чучело изъ рукъ брата, изорвать тетиву его самострѣла, но сейчасъ же я передумалъ: для того, чтобъ у него не было пустыхъ отговорокъ, я рѣшилъ поймать его на мѣстѣ преступленiя.

Поэтому я не крикнулъ ему ни слова, а, затаивъ дыханiе, послѣдовалъ за братомъ, извиваясь въ лебедѣ и репейникахъ такъ осторожно, какъ это дѣлали въ свое время индiйцы Густава Эмара.

Съ замиранiемъ сердца слѣдилъ я за быстро удалявшеюся фигурой Володи; чтобы не открыть себя, мнѣ приходилось ползти медленно и безшумно; пришлось значительно отстать и приползти къ мѣсту казни уже

въ то время, когда чучело голубя было поставлено Володею на березовый пенъ, и онъ уже доставалъ изъ кармана набранныя у тетушкинаго крыльца разноцвѣтныя гальки.

Сидя въ густой лебедѣ, я съ ярой злобой слѣдилъ за движеніями брата; я видѣлъ, какъ онъ осторожно оглядѣлся по сторонамъ, какъ бы желая убѣдиться въ томъ, что за нимъ никто не подсматриваетъ.

И уже положилъ онъ камень на желобокъ самострѣла, какъ я, не сдержавшись, выбѣжалъ изъ засады и бросился на Володю. Что-то я крикнулъ, — теперь ужъ не помню, — задыхаясь, я схватилъ его за руку.

Помню, Володя испугался, покраснѣлъ, замигалъ глазами, сдѣлался такимъ жалкимъ-жалкимъ... но я не разсудилъ въ то время, что своимъ испугомъ и раскаяніемъ онъ уже загладилъ свою вину, а оттолкнулъ его въ сторону, наступилъ ногами на самострѣлъ, ухватился за тетиву и рванулъ ее изо всей силы. Должно быть, тетива была крѣпкая, потому что раздался трескъ дерева, и лукъ переломился надвое... Самострѣлъ былъ загубленъ безвозвратно; это я тотчасъ же замѣтилъ по поблѣднѣвшему лицу брата и по его отчаянному плачу.

О, конечно, я не хотѣлъ испортить его самострѣла; я желалъ только проучить его, оборвать бечевку, которую легко было найти черезъ минуту... но слезы Володи и въ особенности его крикъ привели меня въ состояніе какого-то тупого, темнаго раздраженія. Я снова подбѣжалъ къ нему, ущипнулъ за руку и бросился бѣжать къ дому, смутно надѣясь, что причиненная Володѣ боль заставитъ его прекратить плачь.

Такъ оно и случилось. Все стихло, и я бѣжалъ, задерживая дыханіе, съ тяжелымъ чувствомъ собственной вины и упорнаго, несправедливаго ожесточенія. Вско-

чивъ на площадку крыльца, я обернулся назадъ и съ тѣмъ же неприятнымъ чувствомъ замѣтилъ, что обиженный молча и жутко бѣжитъ за мною; я почувствовалъ внезапно, что должно совершиться что-то нелѣпое и отвратительное... и вбѣжалъ въ домъ.

На бѣгу я соображалъ куда бы укрыться отъ Володи; сначала мнѣ захотѣлось пробѣжать въ дѣтскую, но я сейчасъ же раздумалъ и скрылся въ пустой, темноватой, огромной залѣ. До сихъ поръ не забыть мнѣ запахъ резеды, переполнявшій комнату; вихремъ пронесся я мимо старухи няньки Агафоновны, вязавшей косынку, — и это помню...

Забившись въ темный уголъ около огромнаго, чернаго дерева, кивота, полнаго старинныхъ образовъ, я съ томленіемъ ждалъ, что братъ прибѣжитъ сюда; я уже былъ увѣренъ, что онъ прибѣжитъ, — это казалось мнѣ почему-то необходимымъ.

Помнится, слышавъ топотъ его ногъ, я инстинктивно посмотрѣлъ на противоположную дверь. Еще была возможность избѣгнуть того, что должно было произойти... я уже колебался... но внезапно всю душу мнѣ наполнило огромное и тяжелое чувство гордости; мнѣ стало вдругъ *стыдно бѣжать*, и я гордо выпрямился.

Въ это время на порогѣ залы показался Володя, — все такой же блѣдный, съ широко раскрытыми глазами; въ одной рукѣ у него былъ изломанный самострѣлъ. Близко подбѣжавъ ко мнѣ, онъ бросилъ на диванъ свое оружіе и вытянулъ впередъ руки... черезъ секунду мы впились другъ другу въ плечи руками и щипали одинъ другаго въ отвратительномъ молчаніи, не издавая ни звука, несмотря на боль, и было что-то особенно скверное и страшное въ этой молчаливой, безобразной дракѣ.

Теперь у меня ужъ вычеркнулось изъ памяти, какъ мы разошлись и скоро ли; я могу лишь припомнить,

что хотя мы и помирились, но намъ было очень совѣстно подходить другъ къ другу; все это произошло въ сумерки, и было легче, когда тьма распространилась по комнатамъ...

Спать мы легли раньше обыкновеннаго. Лежать на постели было душно. Мнѣ не спалось. И я лежалъ долго, съ открытыми глазами, устремленными на потолокъ, и тяжело думалъ о происшедшемъ.

У насъ въ первый разъ въ жизни случилось это съ Володей; конечно, мы ссорились другъ съ другомъ, бранились; но всегда отъ этихъ вспышекъ не оставалось никакого слѣда; обыкновенно мы бѣжали жаловаться къ матери или, чаще, къ нянькѣ Агафоновнѣ; та ворчливо корила насъ обоихъ и, сердито нахмурившись, грозила намъ своимъ согнутымъ пальцемъ; грозила она одинаково и правому, и виноватому,—и это было смѣшно; мы улыбались, смотрѣли другъ на друга невозмутимо ясно, и поводъ недоразумѣнія казался намъ такимъ ничтожнымъ и вздорнымъ...

Въ этой же послѣдней ссорѣ все носило серьезный и мрачный характеръ,—все, начиная съ моего нелѣпаго щипка, молчаливаго бѣгства и этой нѣмой, отвратительной драки...

Лежа я припоминалъ лицо Володи и задавался неразрѣшимымъ вопросомъ о томъ, отчего оно было блѣднымъ,—отъ боли или отъ той несправедливости, которую я допустилъ?.. Моя жестокость почему-то представлялась мнѣ въ видѣ огромной, ядовитой змѣи, которая ужалила брата, и тотъ долженъ былъ умереть.

Осторожно приподнимался я на своей кровати и смотрѣлъ на постель Володи; его не было видно,—онъ весь былъ прикрытъ одѣяломъ и поднявшимся угломъ подушки, но можно было безъ труда рассмотреть лежащій у постели, поломанный мною, его самострѣль; постеле-

пенно душу мою стало охватывать желаніе загладить свою нелѣпую вину. Я старался заснуть, забыться, но не удавалось это. Жажда загладить свой грѣхъ дѣлалась все нестерпимѣе... Лежать становилось уже трудно... и я сѣлъ на кровати.

Затѣмъ почти мгновенно созрѣло во мнѣ рѣшеніе: надо идти къ Кочергину и просить его сдѣлать къ само-стрѣлу новый лукъ!..

Неслышно я соскользнулъ съ постели, забралъ ле-жалціи подлѣ Володи самострѣлъ и ползкомъ выбрался изъ комнаты. Миновавъ спальную, я на цыпочкахъ про-брался въ комнату горничной Даши, которая, какъ я зналъ, имѣла привычку спать съ открытымъ окномъ. Черезъ это окно я спустился на террасу и побѣжалъ по двору къ старой кухнѣ, гдѣ обиталъ Кочергинъ. Со-баки залаяли на меня и окружили съ ворчаніемъ; но, узнавъ, лѣниво разошлись въ стороны, махая хвостами. Я подошелъ къ кухнѣ; входная дверь никогда не запи-ралась, а прямо противъ нея находилась каморка Кочер-гина. На мой стукъ послышалось сердитое сипѣнье... Ко-чергинъ крикнулъ заспаннымъ голосомъ:

— Чего булгачите?

— Отворите, Иванъ Ивановичъ,—просилъ я.—Отво-рите скорѣе!

Долго стояло молчаніе... Наконецъ зашлепали ста-рыхъ туфли, и Кочергинъ спросилъ черезъ дверь:

— Это ты, Павликъ? Чего тебѣ, малецъ, ночью по-надобилось?

Ничего не отвѣчая, я съ воплями забарабанилъ въ дверь кулаками. Дверь отворилась почти моментально.

— Иванъ Ивановичъ, самострѣлъ!—всклипывая за-кричалъ я, протягивая къ нему поломанное оружіе.

Лицо Кочергина внезапно побурѣло.

— Чего?—грозно протянулъ онъ.

— Самострѣль... Володя... я сломалъ,—лепеталъ я.

Иванъ Ивановичъ близко склонился къ моему лицу, какъ-то странно, разгнѣванно зашипѣлъ, молча взялъ меня за плечи, повернулъ и, выведя изъ кухни, захлопнулъ дверь на ключокъ.

Все это совершилось въ нѣсколько секундъ... Я даже пересталъ плакать,—до того было мнѣ больно и совѣстно. Крадучись, я снова неслышно пробрался въ спальную и улегся на кровать.

Уже начинало свѣтать; въ окна сквозь щели ставней проползали тонкіе, какъ листы бумаги, голубые лучи свѣта; они постепенно мѣшались съ темнотою, нападая на нее; дѣлалось свѣтлѣе; стали выступать съ нѣкоторой ясностью контуры предметовъ... А я все лежалъ съ раскрытыми глазами, и медленно двигались въ моей головѣ медленныя и печальныя мысли...

Вдругъ легкій вздохъ долетѣлъ до слуха; печально и жутко вздрогнула подъ нимъ душа. Я приподнялся на подушкахъ, всмотрѣлся. На Володиной кровати не было замѣтно движенія, но я зналъ и чувствовалъ, что вздохнулъ именно онъ, а не Агафоновна, мирно хралѣвшая въ уголкѣ.

— Володя, Володя!—крикнулъ я.—Ты не спишь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Почему?

— Не хочется...

Молчаніе повисло въ воздухѣ. Я чувствовалъ, что было необходимо что-нибудь сказать, но слова не срывались съ губъ, и языкъ былъ какъ свинцовый. Только послѣ долгой паузы удалось мнѣ проговорить:

— Это ты вздыхаешь?

— Нѣтъ,—тихо проговорилъ Володя.

Мы опять помолчали.

— Позволь мнѣ притти на минутку къ тебѣ,—не-

увѣреннымъ голосомъ попросилъ я, чувствуя, что братъ мнѣ въ этомъ откажетъ.

Но я ошибся. Володя не промедлилъ ни минуты своимъ отвѣтомъ:

— Приходи!

Съ виноватымъ, растеряннымъ смущеніемъ полѣзъ я къ нему на кровать. Улеглись оба подъ его одѣяломъ и молчали. Непримѣтно я разглядывалъ его лицо, ожидая найти въ немъ гнѣвъ или раздраженіе; но оно было спокойно, и именно это спокойствіе принижало меня. Съ жуткимъ интересомъ заглядывалъ я ему въ глаза и внезапно вздрогнулъ: на обнаженныхъ плечахъ его я замѣтилъ большія черныя пятна.

— Что это, Володя?—со страхомъ и стыдомъ проговорилъ я, внутренно зная, что это сдѣланные ему мною синяки.

— Ничего; я ушибся,—отвѣчалъ братъ.

— И тебѣ больно?—съ трудомъ проговорилъ я.

— Нѣтъ,—сказалъ Володя и отвернулся.

Опять молчаніе. Я уже не могъ не смотрѣть на большія круглыя пятна, которыя въ сумеркахъ казались черными.

— Володя, тебѣ больно?—опять спросилъ я.

Тотъ молчалъ.

— Володя, это я тебѣ сдѣлалъ,—тихо, съ раскаяніемъ пробормоталъ я, и что-то теплое и тонкое забѣгало, щекоча, по моему лицу.

— Я сдѣлаю тебѣ самострѣль... Я уже просилъ Ивана Ивановича... Нѣтъ, я самъ сдѣлаю!.. Володя, ты слышишь?..

... И теперь прошло сколько лѣтъ... И умеръ Володя. Столько огромныхъ, скучныхъ, тяжелыхъ и медленныхъ лѣтъ, свидѣтелей весны отходящей.

Умеръ Володя.

СЪ БРЕДНЕМЪ.

Гораздо раньше нашего выхода крыльцо стараго дома переполняется крестьянскими ребятишками, нашими постоянными спутниками на рыбную ловлю.

Бѣлыя, черныя и коричневыя, но больше всего бѣлыя какъ расчесанный ленъ головы усѣяли перила крыльца. Еще не вполне одѣтые для выхода, мы смотримъ въ окно на эти кудластыя головы, и онѣ представляются намъ исполинскими грибами: подосиновиками, опенками и груздями.

Среди собравшейся публики идетъ оживленный разговоръ. Темой его служить, конечно, предстоящая «охота съ бреднемъ», то-есть сѣтью, укрѣпленной съ двухъ сторонъ на «клевши», или колья. Ребятишки называютъ эту сѣтку «бредешкомъ» и за удовольствие прикоснуться къ ней готовы отдать чуть ли не полжизни.

Новенькій бредень, красиво сплетенный, съ отлакированными «клевнями», возбуждаетъ въ нихъ почти-

тельное восхищеніе. И они не только наперерывъ предлагаютъ себя въ «бродильщики», но даже ссорятся изъ-за этой лестной должности, и мнѣ съ Володей приходится чинить судъ и вести межъ ними очередь.

Сидя на крыльцѣ, мальчики строятъ предположенія, куда «барчата» направятъ сегодня свой путь. Одни высказываются за то, что «рыбалка» будетъ происходить въ Животкиной канавѣ (названіе, данное нами одной изъ канавъ мельницы въ виду обилія тамъ мелкой рыбы, или животки), другіе стоятъ за «Аполлоновъ прудъ», третьи—за «вершинники», или запруду.

Между бродильщиками поднимается такой шумъ, что на крыльцо выходитъ согнутая и подслѣповатая няня Агафоновна и, грозно потрясая клюкою, кричитъ на рыбаковъ:

— Пошли, пошли-те, полоротые! Чего гаркаете: «га-га»! Ишь, зѣвластые!

Рыбари на одну минуту приходятъ въ оцѣпенѣніе... Но послѣ словеснаго предупрежденія нянька внезапно дѣйствуетъ клюкою, и ребятишки стремительно срываются съ своихъ мѣстъ. Отбѣжавъ на почтительное разстояніе и показывая нянкѣ языки, они кричатъ:

— Хрычевка! Хрычевка!

Но тутъ, къ счастью, изъ дверей дома выходимъ мы. Володя является въ большой соломенной шляпѣ съ лентами и надписью «Мореходъ»; за поясомъ у него заткнута очень похожій на пилу дѣдовскій кинжалъ, а въ рукахъ болтается сѣтка для рыбы; я, какъ старшій, одѣтъ въ турецкую феску съ кокардой, на моемъ ремennomъ кушакѣ болтается четырехгранная шпага гражданскихъ чиновниковъ, похожая на вертелъ и называемая моими домашними «мышеколкой». Но у этой «мышеколки» такой красивый золоченый эфесъ, что, когда я появляюсь на дворѣ со шпагой, уваженіе ко

мнѣ крестьянскихъ ребятишекъ увеличивается по крайней мѣрѣ вчетверо. Съ жаднымъ любопытствомъ разсматриваютъ они мою пшагу и считаютъ большой для себя честию пройти рядомъ со мною съ той стороны, гдѣ виситъ у меня оружіе.

Поднятый старой Агафоновной и маленькими рыбаками шумъ моментально стихаетъ при нашемъ появленіи; нянька обращается ко мнѣ съ укоризною и сердито говоритъ:

— Вотъ, какую ораву напустили!

Но она быстро уходитъ въ свой чуланчикъ и предается тамъ прерванному чаепитію.

А мы вытаскиваемъ изъ сѣней бредень, который немедленно забираютъ ребятишки, накладываемъ въ мѣшокъ провизію и уже собираемся уходить со двора, какъ насъ останавливаетъ знакомый мягкій голосъ:

— Володичка... Павликъ... не утоните.

Мы оборачиваемся и видимъ за собою маму. Слова «не утоните» нѣсколько обижаютъ мое самолюбіе: точно мы, въ самомъ дѣлѣ, маленькіе, и какъ будто бы мама не знаетъ, что въ тѣхъ канавахъ, гдѣ мы ходимъ съ бредешкомъ, никогда не бываетъ выше полуаршина глубины. Оскорбленный, я холодно прощаюсь съ матерью и, съ достоинствомъ оправляя на ея глазахъ свою «мышкеолку», стремлюсь сдѣлать такъ, чтобы она увидѣла столь украшающее меня оружіе. «Съ такою-то пшагой, да утонуть... Какія глупости!.. Нисколько не затронутый въ своихъ чувствахъ Володя прощается съ нею гораздо сердечнѣе. Тѣмъ не менѣе мама доводитъ насъ до воротъ усадьбы и на прощаніе держитъ рѣчь къ ребятишкамъ, смыслъ которой заключается въ томъ, чтобы они не баловались, не завели бы насъ далеко и не утопили бы гдѣ-нибудь въ озерѣ.

Каждое слово ея терзаетъ мою гордость; я вижу,

что на маму мое оружіе не производит впечатлѣнія. Слезы подступаютъ къ моему горлу, чешутся глаза; судорожно сжимая въ рукахъ бесполезную шпагу, я быстро отхожу впередъ, но и тамъ слышу уничтожающій меня возгласъ:

— Павликъ, не торопись: еще зашнешься, упадешь и уколешься. Отдай лучше шпагу. Я отнесу домой.

На это я отвѣчаю лишь мановеніемъ руки: обернуться я ужъ не въ силахъ.

Но вотъ мы вступаемъ въ овражекъ; заботливаго голоса ужъ не слышно. Я понемногу успокаиваюсь, но пережитое волненіе еще замѣтно на моемъ лицѣ. Внимательнымъ взглядомъ Володя выражаетъ мнѣ свое сочувствіе и великодушно подаетъ мнѣ карамель. На оскорбленномъ сердцѣ становится легче.

Мы вступаемъ на плотину Аполлонова пруда, переходимъ мостикъ и торжественно идемъ по канавѣ мимо купающихся крестьянскихъ дѣвочекъ. Наши рыбаки не выдерживаютъ характера и бросаютъ въ купающихся комки земли. Въ отвѣтъ на это на насъ летятъ такія струи воды, что мы съ Володей, придерживая оружіе, стремительно убѣгаемъ прочь отъ берега и идемъ по капустѣ, луку и моркови, гдѣ попало, лишь бы избѣжать холоднаго душа.

Однако, уже близко «вершинники», гдѣ въ этотъ день должно происходить «броженье».

«Вершинники» представляютъ изъ себя мелководную канаву, прорытую по наклонной плоскости отъ пруда въ заросшую деревьями ложбину. Высота пруда надъ ложбиной превышаетъ сажень, но «вершинники» намъ кажутся еще выше оттого, что вода запружена широкими балками, поднимающимися надъ поверхностью пруда еще аршина на два.

За балками, чтобы не пробѣгала вода, наложены

пласты хворосту, но вода прорывается через доски и прутья, и шумными каскадами бьет вниз. Этот шум, по увѣренію дѣтвора, привлекает рыбу; такъ ли это на самомъ дѣлѣ,—мы съ Володей не знаемъ, но только часто уходимъ съ «вершинниковъ» съ полною сѣткой ершей, окуней, ельцовъ и плотвы.

Наша ловля происходитъ такъ: двое изъ ребятшекъ становятся внизу, въ ложбинѣ, и загораживаютъ бреденкомъ рѣчку. Съ этими ловцами обыкновенно остаюсь и я; Володя же и вся остальная ватага отправляются вверхъ къ каскадамъ. Тамъ, по знаку Володи, рыбаки шумно бросаются на хворостъ и съ криками бѣгаютъ по нему, желая выгнать засѣвшую подъ прутьями рыбу. Но этого мало: для полного концерта пускаются въ ходъ трещотки. А тѣмъ временемъ часть мальчиковъ раздѣвается и влѣзаетъ съ кольями въ воду. Галдѣніе усиливается; своими палками косматые рыбаки переворачиваютъ все въ рѣчущкѣ вверхъ дномъ. Они залѣзаютъ подъ нависшія надъ водою вѣтви ивъ, березокъ и тополей, трясутъ ихъ нещадно, бороздятъ кольями дно канавки, бросаютъ въ воду камни... Чистая и прозрачная вода канавы принимаетъ цвѣтъ кофейной гущи.

— Щуренокъ, щуренокъ!—кричитъ одинъ изъ бродильщиковъ.—Эвона какой: въ руку! Эхъ, шмыгнулъ!

— Гдѣ щуренокъ?—допытывается Володя. Весь розовый отъ волненія и бѣготни по берегу, онъ размахиваетъ ножомъ и шорывается броситься подъ корни, куда указываютъ ему кричащіе ребяташки.

— Вреть, вреть!—отвѣчаютъ ему другіе.—Это коряга торчитъ, а онъ щуренка увидѣлъ! Филя!

— Налимъ, налимъ!—визжать въ другомъ углу.—Какой склизкой!

Володя бросается туда, гдѣ нашелся налимъ. Дѣйствительно, иногда одинъ изъ рыбаковъ, засунувъ руку

въ нору за раками, вытаскиваетъ оттуда за жабры большоголового налима.

Но вотъ шумящая процессія спускается ниже и приближается къ тому мѣсту, гдѣ разставлены сѣти. Наступаетъ торжественный моментъ. Даже самые за-
взятые говоруны смолкають. На всѣхъ лицахъ по-
является выраженіе тревоги.

Я взглядываю на Володю. Онъ рѣшительно по-
блѣднѣлъ, потому что сознаетъ на себѣ всю отвѣтствен-
ность, какъ руководитель «захода». Сейчасъ же, отвер-
нувшись въ сторону, глухимъ голосомъ я командую вы-
нимать бредень. А ну, какъ ничего не окажется?!

Володя смотритъ на ловцовъ растерянно, пока одинъ
изъ нихъ дѣлаетъ поворотъ къ берегу, двигаетъ руками,
хмуритъ брови... Всѣ рыбаки сбиваются въ кучу, и двѣ
дюжины испытующе встревоженныхъ глазъ устремлены
на мутную воду.

Но вотъ бредень подведенъ наконецъ къ берегу.
Одинъ изъ рыбаковъ спотыкается и, вмѣсто налима,
едва не попадаетъ въ сѣтку самъ. Его высвобождаютъ
съ лихорадочной поспѣшностью, тащатъ общими уси-
ліями «бредешокъ» изъ воды. Холодные струи убѣгаютъ
назадъ съ промокшаго песка... А на разостланной по
землѣ сѣткѣ барахтаются и подпрыгиваютъ, сверкая
на солнцѣ серебряной чешуей, заловленные гольцы,
окунь, плотва и малявки... «Заходъ» удаченъ!..

Съ гордымъ торжествомъ смотритъ на меня Володя.

АГАФОНОВНА.

Крошечная, высохшая, изогнутая въ дугу, съ лицомъ, состоящимъ словно изъ одной сплошной расщепленной морщины, съ довольно густыми сѣрыми волосами, рѣзко выдавшейся впередъ нижней губой и зоркими мышинными глазками, въ минуты раздраженія мечущими молніи,—вотъ какую рисуется мнѣ моя старая няня Агафоновна. Я не знаю ни ея имени, ни фамиліи—и не зналъ никогда. Больше того, я недостаточно увѣренъ въ томъ, что «Агафоновна»—ея настоящее отчество. Мнѣ вспоминается, что отца няни звали какъ-то иначе; Агафоновной же ее всѣ зовутъ лишь потому, что мужъ ея назывался Агафономъ.

Сейчасъ живетъ она у насъ, въ деревнѣ, въ нашемъ старомъ помѣщичьемъ домѣ. За три тысячи верстъ, чудится мнѣ, вижу я нянину сѣрую ватную кацавейку, которую она неизмѣнно носить и зимой и лѣтомъ,—кацавейку, изъ которой вата вылѣзаетъ ежедневно хлопьями, и однако кофта все такая же плотная и удобная...

Вижу я Агафоновну и въ ея клѣтчатомъ платкѣ съ райскими птицами, какъ-то особенно уморительно подвязанномъ на головѣ: когда няня въ платкѣ, ея голова напоминаетъ мнѣ березовый грибъ.

Какая она расчетливая и какъ бережетъ наше добро, а въ особенности—серебряныя ложки,—я уже говорилъ. Рассказывалъ я и о томъ, какъ ссорится она съ деревенскими мальчиками, нашими спутниками на рыбныя ловли, какъ свирѣпо грозитъ шалунамъ своею сучковатой клюкою и неразгибающимися отъ времени пальцами.

Я теперь расскажу, какъ наша няня занимается на скотномъ дворѣ коровами.

Агафоновна вообще очень любитъ хозяйство; какъ-то, разъ навсегда, ей удалось захватить въ свои руки власть на скотномъ дворѣ, и теперь за эти права она энергично борется со всеми домочадцами. Сначала ея власть выражалась въ томъ, что никто, даже мама, не смѣлъ кушать безъ ея совѣта ни одной коровы; потомъ, мало-по-малу, въ ея вѣдѣніе перешли овцы и телята, а въ настоящее время, говорятъ, ея власть распространилась и на куръ.

Говорятъ (самъ я достовѣрно не знаю), теперь каждое утро въ сараяхъ появляется съ клюкою и рѣшетомъ въ рукахъ Агафоновна и, ступая хлопающими по грязи калошами, созываетъ на кормленіе все куриное царство. Брови ея мрачно сдвинуты, одна рука скупно,—это ея отличительная черта,—разбрасываетъ зерна, а глаза зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ни одно зернышко не пропало безслѣдно. Говорятъ, не мало достаётся отъ Агафоновны жаднымъ пѣтухамъ; но этихъ сценъ я самъ не видалъ; я нарисую лишь ту, что стоитъ у меня передъ глазами при самомъ воспоминаніи о нянѣ,—картину, какъ она добываетъ парное молоко.

Агафоновна сидитъ передъ коровой Чернавкой, доить ее и говорить ей:

— Вѣдь сказывала я тебѣ, Марья Петровна (это относится къ моей матери),—спортили въ стадѣ твою корову,—не слушала! Теперь пляши вотъ. Совсѣмъ корова отлукавилась: нешто это молоко? Это вода колодезная, а не молоко. Стой, ты... Настоящее молоко густое, а это... а-алчхи! Здравствуйте! (Няня всегда, чихнувъ, говорить сама себѣ «здравствуйте»). Стой же! Я тебѣ завсегда скажу, Марья Петровна... не лягайся, ну! Вотъ купила корову безъ моего спросу, а я нешто обязана слѣдить: по мнѣ ты хоть лошадей покупай. А вотъ тебѣ мое крѣпкое слово: слушай старыхъ людей, и будетъ тебѣ любо-дорого. А-алчхи! Правда! Здравствуйте... а-ахъ, разлила, негодная!

Этимъ всегда кончаются нянины рѣчи, потому что корова не стоитъ и брыкается; погоревавъ надъ молочной лужей, няня опять ставитъ подъ Чернавку опрокинутое ею ведро и, не замѣчая, что въ него напали комья глины, продолжаетъ прерванное занятіе.

Въ это время изъ каретника выходитъ мой старшій братъ, гимназистикъ Сапа. Хитро улыбаясь, онъ подходитъ къ Агафоновнѣ и заискивающимъ тономъ замѣчаетъ:

— А я тебѣ, няничка, подсоблю.

Агафоновна досадливо отмахивается лѣвой рукой.

— А, ну тебя! Помощникъ выискался! Ступай лучше по-добру, по-здорову!

Сашѣ этого только и надобно. Сдѣлавъ смиренное лицо, онъ отходитъ къ конюшнѣ и скрывается за дверь. Отсюда-то и начинаются его козни. Черезъ двѣ минуты непокорная корова Чернавка слышитъ зазывающій ее нѣжный голосъ:

— Тпрсе... тпрсе...

Чернавка дѣлается внимательнѣе, вскидываетъ кверху голову, начинаетъ махать хвостомъ и вообще всячески выражаетъ свое нетерпѣніе. Между тѣмъ ничего не подозрѣвающая Агаѳоновна (она плохо слышитъ) продолжаетъ свое дѣло и недовольнымъ голосомъ высказываетъ коровѣ свое удивленіе... Внезапно въ дверяхъ конюшни показывается Саша съ огромнымъ ломтемъ бѣлаго хлѣба. Чернавка издаетъ оглушительный вопль и мгновенно срывается съ мѣста. Изъ-подъ няни выскальзываетъ ея скамейка. Изъ опрокинутаго ведра текутъ во всѣ стороны молочныя рѣки. Агаѳоновна въ ужасѣ.

Озорникъ Саша притаился на сѣновалѣ.

ЗА РУССКІЙ РАЗГОВОРЪ.

(POUR LA LANGUE RUSSE).

Въ старомъ деревенскомъ домѣ у насъ проживала въ гувернанткахъ молодая дѣвушка, дочь чиновника, Евдокія Петровна. Мы ее любили, несмотря на то, что она была очень взыскательна на урокахъ. Но не любили мы съ Володей французскаго языка, на которомъ насъ заставляли разговаривать какъ между собою, такъ и со взрослыми.

Ни я ни Володя не понимали, зачѣмъ отъ насъ требовалось знаніе французскаго языка; тѣмъ не менѣе требованія эти къ намъ предъявлялись съ большой строгостью и съ наложеніемъ жестокой кары за ослушаніе.

Тому изъ насъ, кто, забывшись, произносилъ вмѣсто иностраннаго русское слово, надѣвали на голову огромный конусообразный колпакъ изъ синей сахарной бумаги, съ длинными разноцвѣтными бумажными лентами.

Колпакъ этотъ изобрѣлъ нашъ дѣдъ по отцу, Александръ Ивановичъ, маленькій, сѣдой, строгій человѣчекъ, съ необычайно добродушными глазами и съ пряжкой за «сорокалѣтнюю безпорочную службу».

Нужно сказать, что наказанія эти практиковались надъ нами только во время проживанія у насъ Александра Ивановича; когда же онъ переѣхалъ въ городъ, всѣ ненавистныя вещи были сожжены нами въ кухонной печи.

Александръ Ивановичъ лично наблюдалъ за тѣмъ, чтобъ наказанія были производимы безъ послабленій. Онъ самъ ставилъ виновныхъ въ уголъ и самъ надѣвалъ имъ на голову колпакъ, а на шею изобрѣтенную имъ же огромную картонную медаль, на одной сторонѣ которой была нарисована акварелью длинноухая ослиная голова, а на другой стояла надпись: «pour la langue russe» (за русскій разговоръ).

Какъ живо помню я картину изготовленія этихъ страшныхъ вещей! Дѣдъ Александръ Ивановичъ, великій инквизиторъ, сидитъ на своемъ верстакѣ, окруженный топорами, клещами-плоскозубцами и другими инструментами. Съ удовольствіемъ, которое такъ и брызжетъ изъ его выпѣвшихъ глазъ, рѣжетъ онъ огромными ножницами разноцвѣтную бумагу, приготовляя изъ нея длинные лоскутки для султана колпака.

Ножницы лязгаютъ... А мы съ замирающими сердцами стоимъ подлѣ столярнаго станка и упрашиваемъ Александра Ивановича, разумѣется, по-французски:

— Дѣдушка, милый дѣдушка! Не дѣлайте колпака!

Александръ Ивановичъ весело намъ подмигиваетъ и, съ удвоеннымъ азартомъ принимаясь за страшное дѣло, говоритъ съ большимъ добродушіемъ:

— Нельзя, молодчики! Евдокія Петровна велѣла,—
ничего не подѣлаешь!

Мы знаемъ, что Александръ Ивановичъ только сваливаетъ на Евдокію Петровну, и чтобы не видѣть ужасныхъ предметовъ, уходимъ изъ кабинета дѣда. Мы направляемся къ мамѣ съ жалобой; но и она бессильна передъ строгимъ дѣдомъ съ добродушными глазами...

Помню я и другую картину. Въ огромномъ синемъ колпакѣ и съ безобразной медалью стою я, позорно наказанный, въ углу столовой подъ осипшими часами, стучащими монотонно и скучно: «Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!»

Дверь столовой растворяется, и на порогѣ показывается Антонычъ, «оберъ-камердинеръ» Александра Ивановича, бритый старикъ, съ красными глазами, шоколадная ливрея котораго испускаетъ какой-то древній, точно кипарисовый запахъ.

Антонычъ прищуриваетъ свои подслѣшоватые глаза, особенно тонко складываетъ сморщенные, безкровныя губы, взмахиваетъ руками, словно удивленный, и, прислонивъ одну руку ко лбу, говоритъ, почти вездѣ, по своему обыкновенію, вмѣсто звука «а» ставя «о»:

— Позвольте узнать: изъ кокого царства-государства пріѣхалъ къ намъ зоморскій король?.. А може, и королева?

Старикъ склоняется къ моему лицу и, какъ бы только что признавъ меня, восклицаетъ удивленно:

— Ба, ба, ба! Да это мой Павлянько! Поздравляю съ такимъ именитымъ званіемъ! Поздравляю!..

Задерживая дыханіе, я отворачиваюсь отъ Антоныча и становлюсь въ уголъ лицомъ. Еще одно слово, и я разрыдаюсь...

А теперь... теперь эти когда-то мучительныя минуты представляются мнѣ такими чудесными, такими ми-

лыми! Люблю я и дѣда съ его страшными ножницами, и камердинера Антоныча съ его ливреей, такъ пахнувшей кипарисомъ, люблю даже мучившую меня когда-то медаль...

И все это потому, что бѣжить драгоцѣнное время. Мгновенія тѣ прмелькнули, какъ вешнія воды, и—не вернутся...

ПЕТРОВСКИЙ ПОЛКЪ.

Мысль на вербовать изъ крестьянскихъ ребятишекъ рекрутовъ принадлежала не намъ, а двоюродному брату Гришѣ. Какъ-то на каникулы онъ пріѣхалъ въ нашъ деревенскій домъ. Жестоко щеголяя передъ нами кадетской формой, онъ, несмотря на то, что былъ еще въ первомъ классѣ, держался уже настоящимъ офицеромъ: старался говорить басомъ, носилъ обручальное кольцо и такъ щелкалъ каблуками, какъ будто бы вблизи стрѣляли изъ ружья...

Володя и я охотно показывали ему игрушки и рассказывали о своихъ дѣлахъ; но Гриша все критиковалъ и съ высоты своего величія дѣлалъ небрежныя замѣчанія, что мы не умѣемъ заполнять свой досугъ. Онъ тутъ же предложилъ намъ заняться обученіемъ крестьянскихъ мальчиковъ военному искусству.

Мы съ радостью ухватились за его мысль, которая заинтересовала насъ какъ новинка. Въ тотъ же вечеръ мы собрали передъ собой своихъ вѣрныхъ спутниковъ

по лѣсамъ и полямъ и объявили имъ, что завтра начнется фронтное учение.

Сначала наши рыбаки заробѣли и стали нерѣшительно переглядываться. Военное ремесло,—вѣдь это нѣчто опасное!.. Но, узнавъ, что за отличія по службѣ будутъ выдаваться медали, кресты и даже мармеладъ,—пришли въ восторгъ и изъявили полную готовность подвергнуться рекрутчинѣ.

— Главное, нужно всѣмъ забрить лбы!—серьезно говорилъ Гриша.

Чуть ли не до глубокой ночи занимались мы въ тотъ день изготовленіемъ погонъ, эполетъ, крестовъ и медалей. Картону и золотой бумаги было у насъ пропасть; эполеты и погоны вышли великолѣпные. На каждомъ изъ нихъ стояла буква «П», такъ какъ полкъ нашъ мы, послѣ долгаго совѣщанія, назвали Петровскимъ, въ честь того села, въ которомъ проживали.

Изготовленіе орденовъ и въ особенности медалей оказалось сопряженнымъ съ большими трудностями. Ордена походили на кренделя, а медали Володя ухитрился вырѣзать такъ, что онѣ больше напоминали лимоны. Тѣмъ не менѣе, благодаря блестящей бумагѣ и краснымъ лентамъ (мы изрѣзали на орденскіе банты старый дѣдушкинъ носовой платокъ), знаки отличія выглядѣли великолѣпно.

Плохо спалось намъ въ ту ночь. Володя, произведенный мною въ тотъ же вечеръ въ генераль-фельдмаршалы, до позднего вечера дѣлалъ маневры съ оловянными солдатами и, вѣроятно, ночью спалъ еще хуже меня... А наутро, еще прежде моего пробужденія, онъ уже облачился въ свой гусарскій костюмъ изъ синяго бархата, а на плечи прицѣпилъ генеральскіе эполеты.

Благодаря его нервности, я утромъ не успѣлъ какъ слѣдуетъ выпить чаю. На дворѣ уже галдѣло пол-

чище новобранцевъ и вело себя съ полнымъ незнаніемъ военной дисциплины.

Ихъ очень заинтересовало припиливаніе къ плечамъ солдатскихъ погонъ; но когда мы приступили къ обязательной для военной службы забривкѣ лбовъ,—ее мы, за неимѣніемъ бритвы, производили ножницами,—среди рекрутовъ поднялся ропотъ. Дѣло это пришлось оставить, и только двое—мордвинъ Яковъ и сынъ солдатики Акимъ—изъявили полное согласіе подчиниться воинскому артикулу... за что тутъ же они и были произведены указомъ Гриши въ фельдфебели...

Началось фронтовое ученіе, и мы замѣтили, что дали форму своимъ рекрутамъ слишкомъ поспѣшно. Новобранцы обнаруживали крайнее непониманіе команды. Когда Володя, еще самъ не особенно твердо знавшій фронтовое ученіе, командовалъ: «правое плечо впередъ», солдаты не знали, что дѣлать и хлопали глазами... Володя командовалъ: «направо»,—рота поворачивала направо, а когда онъ объяснялъ, что начинать маршировку слѣдуетъ обязательно съ лѣвой ноги,—новобранцы только и дѣлали, что съ любопытствомъ разсматривали свои лѣвыя ноги.

Мы уже приходили въ отчаяніе и подумывали: не лишить ли недостойныхъ знаковъ воинской чести, какъ на наше счастье изъ своихъ апартаментовъ вышелъ Иванъ Ивановичъ Кочергинъ и, увидѣвъ наши тщетныя усилія, взялся за дѣло обученія самъ.

Онъ не объяснялъ солдатамъ, что надо непременно маршировать съ лѣвой ноги, а велѣлъ каждому изъ нихъ запомнить, что у нихъ вмѣсто лѣвой ноги—сѣно, а вмѣсто правой—солома.

— Когда я скажу: «сѣно», идите лѣвой ногой, а какъ крикну: «солома»!—выступайте правой.

Я и Володя думали, что Иванъ Ивановичъ смѣется

надъ нами, и приготовились было обидѣться, но, къ нашему изумленію, маршировка рекрутовъ пошла съ успѣхомъ.

— Сѣно! солома!—во все горло рывкалъ Кочергинъ.

Его одинокій глазъ наливался кровью, и онъ, поднявъ кверху руку, шествовалъ за новобранцами съ такимъ видомъ, какъ будто бы хотѣлъ стереть въ порошокъ каждаго, кто забудетъ, гдѣ у него «сѣно» и гдѣ «солома».

Черезъ часъ все воинство изрядно походило на отварныхъ раковъ, зато уже почти безошибочно различало правило команды.

— Сѣно, солома! Сѣно, солома!—надрывался Иванъ Ивановичъ, вращая своимъ единственнымъ глазомъ.

И босоногая команда мѣрно отстукивала на песокъ коричневыми пятками:

— Разъ, два! Три, четыре!

Черезъ недѣлю начались правильныя строевыя занятія, и двое изъ новобранцевъ получили за усердіе какъ знаки отличія, такъ и обѣщанный мармеладъ. Начались военныя прогулки за село. Мы становились въ полѣ лагеремъ и производили разслѣдованіе мѣстностей; было открыто нѣсколько невѣдомыхъ земель, неозначенная на картѣ рѣчка Владимировка и островъ подъ названіемъ «Земля св. Григорія». Была открыта въ одномъ старомъ погребѣ богатая залежь сырыхъ плодовъ, оказавшихся по дознаніи рѣпой и картофелемъ; были найдены въ одномъ изъ лѣсовъ соломенная шляпа псаломщика и нѣсколько паръ изношенныхъ лаптей, пожертвованныхъ нами въ нашъ Петровскій музей. Рекогносцировки назначались каждые два дня и иныя производились не безъ опасностей для войска. Особенно хорошо переправлялся нашъ полкъ черезъ неглубокія воды. Такъ какъ существовало предположеніе,

что войско состояло не изъ пѣхоты, а изъ конницы, то по прибытіи къ рѣкѣ давался сигналъ: «въ галопъ», и Петровскій полкъ со всѣхъ ногъ бросался въ воду. Разумѣется, переправлялись мы на тотъ берегъ промокшими до того, что по возвращеніи домой намъ задавались строгіе выговоры, а съ генераль-фельдмаршала (Володи) снимались штанишки и вывѣшивались на солнце.

Такимъ образомъ, въ селѣ Петровскомъ существовало въ лѣтніе мѣсяцы правильно организованное войско. Отъ многихъ авторитетныхъ лицъ, каковы, на примѣръ, Иванъ Ивановичъ Кочергинъ, оно нерѣдко получало самое лестное одобреніе. Однако, генераль-фельдмаршalomъ тщательно скрывалось отъ всѣхъ одно неподлежащее огласкѣ обстоятельство: какъ расположившійся на земляничномъ полѣ лагеремъ Петровскій полкъ дважды бѣжалъ отъ стада коровъ, сдѣлавшихъ нашествіе въ его лагерь, при чемъ самъ главнокомандующій во время отступленія потерялъ свою шляпу, офицерскіе эполеты и старинный дѣдовскій кинжалъ.

Свѣтлыя страницы полковой лѣтописи я долженъ, однако, омрачить упоминаніемъ о своихъ собственныхъ, неблагоприятныхъ по службѣ, поступкахъ: въ то время, какъ Володя, въ бытность свою генераль-фельдмаршalomъ, постоянно пребывалъ на высотѣ воинскаго достоинства,—я охотно награждалъ нижнихъ чиновъ орденами и медалями за различныя услуги хозяйственнаго характера (на примѣръ, за доставку для соловьевъ муравьиныхъ яицъ) и давалъ—страшно вымолвить!—Георгія первой степени за десять раковъ къ своему завтраку...

СТАРЫЯ СОКРОВИЩА.

Не говорилъ я еще объ огромномъ чердакѣ нашего деревенскаго дома, куда мы лазили за добываніемъ самыхъ рѣдкихъ и интересныхъ вещей.

Представьте себѣ огромное полутемное помѣщеніе, въ которое свѣтъ проходилъ лишь откуда-то сверху, въ круглыя окошечки, полныя осѣ. Жуть всегда забирала насъ, когда, поднявшись по скрипящей лѣстницѣ, влѣзали мы въ крошечную дверь чердака, за которой сейчасъ же начинался сумракъ. Полъ тамъ былъ земляной; множество голубей ютилось на полу и по стропиламъ крыши; не мало жило тамъ и противныхъ летучихъ мышей, одинъ видъ которыхъ повергалъ насъ въ отчаянье... Но желаніе добычи почти всегда брало верхъ надъ всякими страхами, и въ сопровожденіи стараго повара Фрола мы рѣшались проникать въ нѣдра знаменитаго чердака.

«Знаменитымъ» называлъ чердакъ нашъ поваръ Фролъ, тотъ Фролъ, разговоры котораго всегда касались только домовыхъ, русалокъ и другой нечисти; который рассказывалъ, что въ день своихъ именинъ видѣлъ въ лицо самого водяного.

Склонный ко всему сверхъестественному, онъ всегда съ охотой забирался съ нами на чердакъ.

Тѣсно прижавшись къ его костлявымъ рукамъ, мы шли по земляному полу, а глаза робко бѣгали по сторонамъ, точно ожидая найти въ углу одного изъ нечистыхъ, которыми былъ такъ начиненъ нашъ ветхій поварь. А Фролъ что-нибудь всегда говорилъ, и древній голосъ его гудѣлъ какъ старая виолончель.

Прежде всего на чердакъ мы подходили къ громадному стеклянному шкапу, который былъ переполненъ мѣдными касками, аршинными киверами и трехаршинными саблями. Когда мы спрашивали Фрола, зачѣмъ военные носили раньше такія длинныя сабли, онъ всегда отвѣчалъ:—«Для того, чтобы доставать супостатовъ издали»,—и рассказывалъ при этомъ что-нибудь такое страшное, что мы переставали дышать.

Много было на чердакѣ и портретовъ, писанныхъ масляными красками; они всегда изображали бритыхъ сморщенныхъ генераловъ съ красными воротниками мундировъ и съ чрезвычайно воинственнымъ выраженіемъ глазъ. Руки генераловъ всегда бывали заложены за борты сюртуковъ; только у одного, самаго стараго, правая рука была вытянута впередъ, и указательный перстъ ея упирался въ восходящее солнце.

Къ нашему стыду, долженъ признаться, что мы не пощадили этихъ портретовъ; нерѣдко по вечерамъ мы съ Володей тайкомъ выбирались съ ними въ березовый лѣсокъ и тамъ пускали въ генераловъ камешки изъ своихъ самострѣловъ; нашими жертвами оказались и великолѣпныя бабушки, гордыя красавицы въ желтыхъ шпаляхъ; въ тѣ далекія времена мы не признавали родства и чиновъ и не цѣнили старины и искусства...

Но кромѣ описанныхъ, мы находили на чердакѣ

массу такихъ предметовъ, назначенія которыхъ не могъ объяснить намъ даже нашъ всезнающій Фроль.

Были, напимѣръ, вазы, похожія на кофейники, и кофейники, похожіе на вазы; были самовары, смахивающіе на лампы, были и лампы, похожія на самовары; были вещи—не то бритвенные приборы, не то салатники; были щипцы не то для завивки волосъ, не то для сниманія нагара съ восковыхъ свѣчей. Я не могу даже приблизительно описать тѣхъ необыкновенныхъ, совершенно уже непонятныхъ намъ издѣлій, которыя были развѣшены подъ самой крышей и въ которыхъ мирно гнѣздились теперь голуби и осы; насъ интересовали тогда главнымъ образомъ разныя сабли и мелочь,—то, что можно было унести внизъ; и мы часто стаскивали въ свои комнаты кучи самаго разнообразнаго хлама, теряли его, приносили новый,—и все же чердакъ казался попрежнему переполненнымъ...

Помнится, разъ мы забрались туда для поисковъ клада. Къ этому подговорилъ насъ древній Фроль, любитель необычайнаго. Забрались мы на чердакъ въ сумрачный лѣтній день, и тучи низко плавали надъ домомъ, казалось,—вотъ-вотъ задѣнутъ за крышу; и старикъ былъ тогда весь сумрачный. Посадивши насъ на опрокинутую ванну, онъ сдѣлалъ вокругъ себя черту, посыпалъ на землю какого-то порошку и долго-долго бормоталъ какія-то заклинанія... Но кладъ не являлся. А кладъ, по словамъ Фрола, былъ великій; зарылъ его дѣдъ нашъ въ день объявленія воли, и многіе пытались найти золотую кубышку,—только злой духъ отводилъ всѣмъ глаза.

Тщетно старикъ присѣдалъ, пошлевывалъ въ сторону, шевелилъ губами, размахивалъ какимъ-то корешкомъ и кланялся: все оставалось безъ измѣненія, и, разочарованные, мы поделались тогда съ чердака во-свои.

ЛЕВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БАЛЫЧКОВЪ.

Левъ Григорьевичъ сидитъ на крылечкѣ нашего стараго деревенскаго дома въ своемъ старомъ пиджакѣ страннаго брусничнаго цвѣта, при цѣпочкѣ и въ голубыхъ панталонахъ. Въ сморщенныхъ рукахъ его—старая балалайка, на которой играетъ онъ чернымъ какъ гвоздь указательнымъ пальцемъ.

„Проторила я дорожку чиризъ яръ,
Ч-чиризъ гору, мой сердечный, на базаръ“,

поетъ Левъ Григорьевичъ.

Володя, Сапа и я сидимъ подлѣ него въ своихъ чесунчовыхъ костюмчикахъ. Все намъ смѣшно: по зеленому безконечному двору бѣгаетъ теленокъ; старая нянька Агафонова кормитъ куръ и грозитъ согнутымъ отъ старости пальцемъ рыжему пѣтуху. На террасѣ тетя Анфиса, полная, какъ не знаю что, съ ожесточеніемъ трясетъ въ тазу малиновое варенье и дѣлаетъ отъ гнѣва

такія гримасы, что не засмѣялся бы развѣ только слѣпой...

Но смѣшнѣе всего этотъ милый, славный Левъ Григорьевичъ въ его диковинныхъ голубыхъ панталонахъ, съ высохшимъ, тщательно выбритымъ лицомъ, на которомъ торчитъ плутовски вздернутый носъ. Сѣдые, чисто охотничкіе усы свисаютъ къ шеѣ. И пѣсню свою поетъ онъ забавно. Слова—«черезъ гору» онъ забираетъ такой высокой трелью, точно жаворонокъ, а «на базаръ» выводитъ такимъ неистовымъ басомъ, словно реветъ фабричная труба.

Никто изъ насъ троихъ не знаетъ, какъ и когда завелся у насъ въ домѣ Левъ Григорьевичъ Балычковъ. Дядя Алексѣй, который всегда такъ смѣшно рассказываетъ, увѣрялъ насъ, что Левъ Григорьевичъ, какъ одна древняя богиня, явился изъ пѣны морской. Онъ же рассказывалъ и все что угодно изъ жизни Льва Григорьевича. Но ни одинъ человѣкъ не вѣдалъ въ точности, откуда онъ взялся, и кто его родители. Всѣмъ казалось, что какъ только отстроился нашъ старый помѣщичій домъ, въ немъ немедленно завелся и Левъ Григорьевичъ и занялъ себѣ угловую зеленую комнату съ венеціанскимъ окномъ.

Комната эта была для насъ чрезвычайно интересна: вся она была загромождена чучелами птицъ и звѣрей, волшебными фонарями, удочками, трапедіями. Пестрые диковинные костюмы и парики висѣли въ шкапу. Рассказывали, что Левъ Григорьевичъ когда-то игралъ на сценѣ, и рассказы эти были тоже забавны. Особенно интересенъ былъ первый выходъ Льва Григорьевича.

Рассказывали такъ, что для дебюта ему дали роль лѣснаго сторожа. Одѣтый по формѣ, Левъ Григорьевичъ долго ходилъ въ потемкахъ по сценѣ, стуча въ коло-тушку. Затѣмъ, по условіямъ роли, ему слѣдовало лечь

на заваленкѣ сторожки и заснуть. Левъ Григорьевичъ взгромоздился на заваленку, подложилъ подъ голову армякъ, долго говорилъ, что полагается, засыпающимъ голосомъ и наконецъ, сморенный ходьбою, и въ самомъ дѣлѣ заснулъ. Публика была поражена мастерскимъ исполненіемъ роли. Но надо было сторожу просыпаться. Суфлеръ долго ждалъ, наконецъ окрикнулъ негромко:

— Левъ Григорыичъ!

Левъ Григорьевичъ спалъ.

— Левъ Григорыичъ!—повторилъ суфлеръ громче.

Сторожъ былъ недвижимъ. Въ глубинѣ сцены метнулась встревоженная фигура режиссера.

— Левъ Григорыичъ! Чортъ!—вдругъ выкрикнулъ режиссеръ и, потерявъ самообладанье, бросился съ кулаками на заснувшего сторожа. Публика разразилась оглушительнымъ хохотомъ... Занавѣсъ опустили подъ рыданія режиссера.

— Bravo!—долго кричала публика въ тотъ вечеръ. Каждое появленіе Льва Григорьевича встрѣчалось бурей аплодисментовъ. Таковъ былъ первый выходъ Балычкова въ городскомъ театрѣ.

Особенно смѣшно представлялъ эту сцену намъ дядя Алексѣй. Онъ укладывался на диванѣ, говорилъ Балыковскіе монологи, потомъ храпѣлъ, затѣмъ изображалъ въ лицахъ публику и нервнаго режиссера... Тутъ же сидѣвшій Левъ Григорьевичъ, разумѣется, смѣялся громче всѣхъ.

— Дуракъ я вамъ что ли, Иванъ Ивановичъ!—говорилъ онъ, не безъ гордости осматриваясь по сторонамъ.

Разсказывали также, что молодость Льва Григорьевича въ свое время протекала и въ циркѣ. Объ этомъ свидѣтельствовали и оставшіяся отъ прошлаго трапеціи, и то искусство, съ которымъ маленькій, тще-

душный Левъ Григорьевичъ лазилъ по деревьямъ и крышамъ.

Вообще вся жизнь Льва Григорьевича была рядомъ скитаній. Онъ жилъ въ безчисленномъ множествѣ селъ и городовъ Россійской имперіи, бывалъ въ Азіи и въ Крыму, ѣздилъ съ какимъ-то генераломъ на «погибельный Кавказъ»; служилъ въ казначействѣ и контрольной палатѣ, былъ управляющимъ въ имѣніи губернатора и лѣчилъ отъ зубной боли. Только къ старости улеглись его исканія, и Левъ Григорьевичъ обосновался у насъ.

Со времени появленія его въ нашемъ домѣ занятія его сдѣлались несложны: онъ игралъ на гитарѣ и бала-лайкѣ; запаивалъ своимъ паяльникомъ проржавѣвшія хозяйственныя жестянки и рассказывалъ случаи изъ охотничьей жизни.

Милый Левъ Григорьевичъ! Въ то далекое время я не понималъ, что въ сущности онъ былъ очень несчастнымъ человѣкомъ и игралъ, можетъ быть, жалкую роль въ нашемъ домѣ. Видя его постоянно улыбающимся, рассказывающимъ веселые анекдоты, я думалъ, что такъ же весела и вся его жизнь. Какъ и куда дѣвался Левъ Григорьевичъ, когда мы выѣхали изъ деревни, я не знаю. Не знаетъ никто о немъ и изъ моихъ родственниковъ.

Былъ старый помѣщичій домъ,—былъ въ домѣ и Левъ Григорьевичъ Балычковъ; домъ разсыпался, домъ развалился—и, какъ продуктъ стараго помѣщичьяго дома, разсыпался и исчезъ и Левъ Григорьевичъ Балычковъ.

Домашніе мои еще повторяютъ разные анекдоты Балычкова и его любимую фразу: «Дуракъ я тебѣ, Иванъ Ивановичъ»,—но ужъ совсѣмъ неизвѣстно, гдѣ обрѣтается въ настоящее время авторъ безчисленныхъ

анекдотовъ... Мы не знаемъ даже, живъ онъ или давно ужъ покоится въ землѣ.

Въ памяти у меня еще только одна сцена изъ жизни Балычкова.

Левъ Григорьевичъ сидитъ за обѣденнымъ столомъ, кушаетъ варенецъ и говоритъ моей матери съ умиленнымъ лицомъ:

— О, это прелестная штука!

Больше я о немъ ничего не помню.

ГУБЕРНАТОРСКАЯ ДОЧКА.

Каждый годъ, 22 іюня, мы всеѣмъ семействомъ, то-есть мама, Саша, Володя и я, отправлялись въ городъ на «юбилей» бабушки Англи. Это была та самая бабушка, которая, по кончинѣ своей любимой лошади «Ахиллеса», съ горя перебралась въ городъ и стала жить въ немъ безвыѣздно, въ своемъ старомъ особнячкѣ на Дворянской улицѣ. «Юбилеємъ» назывался день ея рожденія.

Переѣзда въ городъ мы ожидали какъ праздника. Мы очень, очень любили наше милое село съ голубой дымящейся по утрамъ рѣчкой, съ прудомъ, полнымъ окуней, кувшинокъ и осоки, съ сѣдыми осокорями, квартирами галокъ и грачей; но ѣхать 120 верстъ въ тарантасѣ въ іюльскую жару, останавливаться каждыя десять-пятнадцать верстъ въ мужицкихъ избахъ съ диковинными картинами и скотными дворами, гдѣ блеяли и мычали тупоносые хвостатые друзья,—это было тоже большое удовольствіе!

Еще за три дня до отъезда мы начинали осаждать просьбами нашего кучера Сему Колченогаго. Вы помните, какой лѣнивый былъ этотъ Сема и какъ онъ любилъ ворчать?..

— Ну, вы-дум-ли...—скрипитъ онъ, бывало, по своему обыкновенію глотая излишнія буквы.—Пришли, эттъ, споз-ранокъ. Эка, выдум-ли: за трои дни!

— Да нѣтъ, ты осмотри колеса,—дѣловито замѣчаетъ Володя.—Вдругъ сломается колесо, ну, какъ ты поѣдешь?..

— «Сломается»! — презрительно повторяетъ Сема, прищуривая лѣвый глазъ.—Точно не ѣзживалъ я на трехъ колесахъ. И на двоихъ ѣзживалъ, эка невидаль, кто умѣетъ!

И въ доказательство тутъ же приводилъ свой любимый анекдотъ, какъ онъ ѣздилъ съ дѣдушкой-генераломъ къ зубному доктору, и какъ у дѣдушки, послѣ того, какъ сломалось колесо, перестали болѣть зубы.

— Бумажкой пожаловали!—хвастливо добавляетъ Сема въ заключеніе; но мы не оставляли его до тѣхъ поръ, пока онъ при насъ же не подмазывалъ колеса.

Надо ли говорить, что мы и не ложились спать накануне выезда? То-есть, собственно, спать мы ложились (иначе насъ, пожалуй, и въ городъ не взяли бы), но глаза наши не смыкались въ ту ночь ни на минуту.

Да и какъ было заснуть, когда надо было какъ можно лучше отточить за ночь дѣдовскую саблю на случай нападенія въ дорогѣ разбойниковъ,—да и точить надо было умѣючи: не производя шума,—во избѣжаніе внимательства взрослыхъ. Вѣдь проѣхать по степи 120 верстъ—дѣло не шуточное, и если всѣ наши поѣздки по постояннымъ дворамъ сходили благополучно,—то не потому ли, что у насъ устанавливались на всю ночь очередныя дежурства съ саблей?..

Мы отлично знали, какъ опасно ночевать на постоялыхъ дворахъ,—знали по картинамъ, которыя были наклеены на стѣнахъ тѣхъ же дворовъ. Какъ же было заснуть при подобныхъ обстоятельствахъ? Не только не заснуть, но даже ходить было необходимо съ опаской, и у каждаго изъ насъ на цѣпочкѣ висѣло по сигнальному свистку.

Я опускаю въ своемъ разсказѣ все подробности, которыя предшествовали нашему выѣзду. Миную и соблазнительное описаніе тѣхъ грудъ пирожковъ, которые испекать нашъ поваръ на дорогу (особенно хороши были пирожки на меду и съ макомъ!), обойду молчаніемъ и горькія сцены разставанія съ Трезоромъ, Валетомъ и Нельмой. Въ сомнѣніи, что въ своей любви къ намъ они готовы были пробѣжать не 120, а 200.000 верстъ, еслибъ ихъ предусмотрительно не запирали въ сараи.

Я упомяну лишь о томъ, какъ беззубый Сема сказалъ свое «п-у-у» (вмѣсто «тпру»), и мы остановились за околицей, чтобы «въ послѣдній разъ» взглянуть на родное село.

Звенить колокольчикъ, лошади въ тактъ ему продаютъ ушами; по бокамъ тарантаса вьется милая черная пыль, такъ искусно преображающая насъ въ индійцевъ Густава Эмара; съ трахтѣньемъ несутся надъ экипажемъ нѣжныя, непугливыя горлинки, а на широкой спинѣ Семы бесплатно переѣзжаетъ вмѣстѣ съ нами цѣлая коллекція самыхъ разнообразныхъ мухъ...

Дорога бѣжитъ между золотыми хлѣбными полями, по равнинамъ, пригоркамъ и лѣсамъ. Ласково и радостно синѣетъ небо; ни тучи, ни облачка; равномерно встряхивается тарантасъ; жжетъ неумолимое прекрасное солнце,—и столько новаго, необычнаго, милаго открывается взору съ каждой минутой!..

Въ ложбинѣ у дороги стоитъ покосившійся крестъ. Молва идетъ о немъ, что здѣсь убили залюбавшаго путника. На душѣ становится на мгновеніе грустно: что чувствуетъ и что переживаетъ въ тиши ночи эта бѣдная одинокая душа? Но сейчасъ не ночь; сейчасъ все охватываетъ безконечное солнце и нѣжно снимаетъ съ души налетающую грусть... Вотъ кудрявый вязокъ, отъ котораго мы мѣряемъ полдороги до хутора Завѣтнаго; а вотъ и онъ, этотъ хуторокъ, съ покосившимися хохлацкими избами, съ красной крышей господскаго дома и Серебрянымъ боромъ, полнымъ самыхъ диковинныхъ грибовъ.

Засыпая подъ солнцемъ, отвисающими губами бормочетъ Сема свою излюбленную пѣсню, какъ

„Во серебряномъ бору, во златыхъ песочкахъ

Онъ:

„Отъ дѣвы молодой
Ожидалъ слѣдочковъ“...

— Осторожнѣе, не упадите, дѣти,—говоритъ намъ мама.—Вмѣсто того, чтобы смотрѣть по сторонамъ, ты, Володя, повтори лучше свое стихотвореніе въ честь бабушки.

Володя не перечить. Онъ охотно соглашается продекламировать стихотвореніе въ честь бабушки, хотя въ немъ говорится только о шоколадномъ пряникѣ, и намъ, двоимъ, болѣе взрослымъ, не вполне ясно, какая собственно бабушкѣ отъ этого «честь».

Къ тремъ часамъ мы подъѣзжаемъ къ первой нашей остановкѣ, къ селу Оторвановкѣ, и, дразня тросточками лохматыхъ собакъ, мчимся по неровной улицѣ, съ ужасалющимъ трезвономъ. Это—уже слабость Семы. Обычно равнодушный ко всему земному (кромѣ пироговъ), онъ весь преображается, когда въѣзжаетъ въ деревню: суту-

лая спина его выпрямляется, въ рукахъ появляется кнутъ, и пронзительно свѣтлѣють его вѣчно мутные «оловянные» глаза.

— Эй, вы, б-боговы!—трескучимъ голосомъ выкрикиваетъ онъ, взмахивая кнутомъ,—и тройка мчится по деревнѣ сломя голову.

Кто бы его ни просиль, какова ни была бы дорога,—Сема неумолимъ. — «Эй, вы, б-боговы!..» — Лошади летятъ по мосту,—такъ, что скрипятъ и топорчатся бревна; по косогору—такъ, что экипажъ накреняетъ, словно судно на морѣ; но эффектъ всегда поразителенъ: вся улица оказывается переполненной нечесанными бабами и испуганными ребятишками. Все это глазѣть на насъ, наставивъ руки щиткомъ надъ глазами, а болѣе всего—на лихого кучера Сему,—и сколько бы ни было на душѣ его загубленныхъ куръ и индѣекъ,—Сема все равно въ неописуемомъ восторгѣ...

Такъ мелькаютъ передъ глазами одна станція за другой; солнце клонится къ западу, вѣтъ прохладой, сгущаются тѣни; порядкомъ разморила насъ ѣзда, и хорошо бы заснуть теперь на ночевкѣ,—но сознаться въ этомъ желаніи—преступная слабость: развѣ не на насъ и не на дѣдовской саблѣ виситъ все благополучіе нашей семьи?

Къ девяти часамъ вечера показывается, наконецъ, Ковровое,—мѣсто нашего ночлега. Маленькій Володя взволнованно взглядываетъ на меня. Сказать по секрету,—онъ немножко вздремнулъ передъ пріѣздомъ, но онъ сдѣлалъ это незамѣтно и за спиной мамы.

Теперь онъ выглядитъ совсѣмъ бодро и даже прочищаетъ къ боевой готовности своей свистокъ. Саша, какъ самый старшій, уже одѣлъ для предстоящаго дежурства саблю.

Скрипятъ старыя ворота; сердце обливается холод-

комъ. Такъ вотъ онъ, этотъ таинственный, на видъ столь гостепріимный ночлеги!.. Подбѣгаетъ въ громадныхъ валенкахъ хозяинъ и низко кланяется... Нечего хитрить,—знаемъ мы ваше гостепріимство! Какъ только погасятъ огни, сейчасъ же—въ подвалъ, и тамъ—лязг... лязг...—зазвенятъ на брускахъ острые ножи!..

Хозяинъ услужливо подбѣгаетъ къ Сашѣ и хочетъ помочь ему выпутаться изъ длиннаго сабельнаго шнура.

— Ну, нѣтъ,—значительно говоритъ Саша, отстраняясь и еще болѣе значительно подмигивая мнѣ глазомъ.—Нѣтъ... я самъ...

Мы смотримъ: поблѣднѣвшій Володя уже приложился губами къ спасительному свистку.

— Да будетъ тебѣ, Вовочка,—говоритъ мама.—И такъ свисталъ всю дорогу. Ступайте лучше, дѣти, чай пить... Здравствуй, Корнеичъ.

Мы идемъ. «Какая, право, довѣрчивая мама!—думаемъ мы.—Посмотрѣла бы, что нарисовано здѣсь на стѣнахъ!»

За чаемъ Володя уже совсѣмъ спитъ и вмѣсто сахару насыпаетъ себѣ въ стаканъ соли. Мама между тѣмъ раскладываетъ на постели три подушки. Потомъ ложится сама и понемногу начинаетъ дремать...

— Я пойду,—шепчетъ мнѣ Саша, выпрямляясь. Лицо его нѣсколько блѣдно. Если что-либо случится,—я даю свистокъ, а ты прямо съ *мѣшочкомъ* и бѣги!..

Здѣсь надо объяснить, что такое «съ мѣшочкомъ». Это обыкновенный мѣшочекъ, сшитый нами изъ носового платка, но наполненъ онъ самымъ лучшимъ, тончайшимъ просѣяннымъ пескомъ, имѣющимъ не малое назначеніе: засорить глаза разбойнику въ моментъ его нападенія.

— Да, я не сомкну глазъ,—говорю я Сашѣ, и онъ уходитъ.

Но неизвѣстно, была ли тому причиной дурная дорога

или пирожки, или то и другое вмѣстѣ,—только я заснулъ моментально, какъ только добрался до постели. Спать я, конечно, спокойно; и, помню, все время слышался мнѣ тревожный свистъ или звонъ...

Когда я, среди ночи, проснулся,—въ окно глядѣла круглая зеленоватая луна. Дѣйствительно, сонъ былъ въ руку: со двора раздавался звонъ колокольчиковъ, и не успѣлъ я схватиться за мѣшочекъ, какъ въ сѣняхъ слышался топотъ сапогъ и раскатистый голосъ, спрашивающій:

— Такъ они тамъ спятъ?

Сердце во мнѣ замерло.—«Мама!»—хотѣлъ, было, крикнуть я, но какъ разъ въ это время услышалъ шопотъ Корнеича:

— Спать, спать, съ дѣтками, ваше превосходительство!

Очевидно, это были не разбойники. Корнеичъ не сталъ бы величать ихъ «превосходительствомъ». Къ тому же, сапоги потопали въ прихожей и удалились. Однако, сонъ мой разлетѣлся какъ дымъ, и я быстро вышелъ во дворъ.

Луна стояла уже высоко на небѣ и была теперь не зеленоватая, а бѣлая; во дворѣ разсѣянно звякали бубенчики отводимыхъ въ сарай лошадей, а рядомъ съ нашимъ тарантасомъ стоялъ, задравъ кверху оглобли, еще другой такой же экипажъ.—«Что бы это значило?»—терялся я въ догадкахъ. Очевидно, на постоянный дворъ пріѣхалъ еще кто-то; но въ такомъ случаѣ, гдѣ же они, эти ночные гости? Вѣдь комната для пріѣзжихъ, я зналъ, была только одна.

— Сапа, Сапа,—осторожно позвалъ я.—Никто не откликнулся. Саши не было.

Я подошелъ было къ вновь прибывшему тарантасу, но изъ него раздался такой храпъ, что, принявъ его

сначала за рыканіе льва, я отлетѣлъ шарикомъ въ сторону. «Въ самомъ дѣлѣ, почему знать,—можетъ быть, это пріѣхалъ директоръ цирка или укротитель звѣрей, о которыхъ я читалъ у Майнъ-Рида, и при немъ въ экипажѣ его дикіе львы? Гораздо спокойнѣе было подойти къ нашему тарантасу,—тѣмъ болѣе, что тамъ, вѣроятно, и былъ Саша съ его отточенной саблей.

— Саша, ты здѣсь?—шепнулъ я, влѣзая на подножку тарантаса.—Ну, что, не приходили разбойники?

Вмѣсто отвѣта я услышалъ плачь. И странно: слышался ли я,—но голосъ какъ-будто принадлежалъ не Сашѣ... Но кому же въ такомъ случаѣ онъ могъ принадлежать? Безъ сомнѣнія, я слышался. Я осторожно взобрался на широкія козла.

— Саша, зачѣмъ ты плачешь?—спросилъ я.

Лежавшій зашевелился, вскрикнулъ сильнѣе, поднялъ голову, и...—представьте мой испугъ и мое изумленіе,—я увидѣлъ маленькую косичку, черные круглые испуганные глаза, соломенную шляпку съ розовой ленточкой, изогнутыя брови.

— Кто здѣсь?—спросилъ меня совсѣмъ чужой, но прекрасный голосъ.

Очевидно, передо мной находилось совершенно постороннее лицо; это была дѣвочка лѣтъ восьми, девяти... Но какъ могла она попасть сюда? Отъ изумленія и страха у меня отнялся языкъ.

— Извините, — проговорилъ я наконецъ. — Извините, но это нашъ тарантасъ.

— Ахъ, я ничего не знаю!—быстро отвѣтила дѣвочка и, подернувъ худенькими плечиками, снова заплакала.— Папа оставилъ меня здѣсь одну... Онъ не нашелъ въ домѣ комнаты... Онъ сказалъ... все занято... и... спать тамъ, въ экипажѣ... А мнѣ страшно!

Вся давняя дворянская, рыцарская гордость вспых-

нула во мнѣ при этомъ восклицаніи. Въ сомнѣнія, предо мной была брошенная на произволъ судьбы дѣвушка, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ я такъ много читалъ у Густава Эмара и которую я обязанъ былъ всѣми силами защищать. Не было сомнѣнія, что отецъ ея, зажиточный фермеръ Техаса, обладавшій стадами мустанговъ, долженъ былъ бѣжать изъ прерій, захвативъ дочь. Весьма возможно, что его домъ теперь разрушенъ злымъ Монтигомо, предводителемъ краснокожихъ, и онъ, съ томагаукомъ въ рукахъ, рыскаетъ по развалинамъ, ища ихъ скальпы.

— Я не покину васъ до утра!—воскликнулъ я.—Я понимаю чтó заставило васъ бѣжать изъ прерій; но пусть покажется сюда «Огненный Глазь»!..

— Мы ѣдемъ изъ Саратовской губерніи,—тихо отвѣтила дѣвочка.—Мы не нашли въ домѣ мѣста, и папа велѣлъ мнѣ спать здѣсь...

Ясно, она почувствовала во мнѣ защитника и улыбнулась, при чемъ на черныхъ рѣсницахъ ея сверкнули слезинки.—А вы тоже ѣдете въ городъ? Кто вы? И вамъ не холодно?

Она задала мнѣ столько вопросовъ, что я не зналъ на который отвѣчать.

— У насъ есть въ городѣ бѣлый домъ и лошади,—между прочимъ сообщила она.—У меня есть своя лошадь, маленькій-маленькій пони, и его зовутъ «Принцъ». А какъ зовутъ вашихъ лошадей?

Я отвѣчалъ, а самъ поглядывалъ на нее. Боже мой, какая это была красавица!.. Уже свѣтало; убѣгала недолгая лѣтняя ночь, и теперь, въ брезжущихъ тѣняхъ утра, я видѣлъ, что волосы у нея были не черные, а пепельные, темные глаза и маленькій пунцовый ротъ, похожій на лепестки розъ.

Мнѣ казалось, что и она глядѣла на меня призна-

тельными взоромъ. Какъ-никакъ, а все-таки я *первый* пришелъ къ ней съ желаніемъ защитить... Она не могла этого не чувствовать. Я любовался ею,—и въ то же время сердце мое щемила грусть при мысли, что мнѣ не пришлось спасти ее отъ «Огненнаго Глаза» и не придется спасать въ будущемъ... Съ какою бы радостью я бросился за эту прекрасную дѣвушку подъ его томагавкъ!..

— А знаете, когда вы пріѣдете въ городъ,—приходите къ намъ непременно,—говорила мнѣ моя новая знакомая.—Я скажу папѣ, когда онъ проснется; у насъ даются по праздникамъ балы, и всѣ говорятъ про меня, что я бываю царицей бала...

Я хотѣлъ что-то отвѣтить ей, но вдругъ почувствовалъ, что я... заснулъ. Это было чудовищно, неприлично, невѣроятно, безобразно,—но я чувствовалъ, какъ опускались мои отяжелѣвшія вѣки, какъ безсильно падали руки, и по всему тѣлу разливался сладкій холодокъ сна... Я хотѣлъ что-то сказать, хотѣлъ улыбнуться, извиниться, двинуться, но оцѣпенѣніе сна уже захватывало меня, и я чувствовалъ, будто я раздѣляюсь, раздваиваюсь, тяжелѣю и въ то же время, взлетывая, уношусь куда-то, и все уходитъ въ небытіе сна...

Я проснулся когда солнце стояло уже надъ головами; позванивали колокольчики запрягаемыхъ лошадей; брели переваливаясь къ колодцу утки, кудахтала гдѣ-то курица, а въ тарантасѣ, подъ пледомъ, спала худенькая «царица бала», у которой былъ чудесный пони Принцъ.

— Эге! Да это кто же такой?!—услышалъ я надъ собой густой, раскатистый голосъ.

Вздрыгнувъ, я открылъ сначала одинъ, потомъ оба глаза. Надо мною склонялось бравое лицо военнаго съ черными нафабранными усами.

— Я... хотѣлъ... я думалъ... «Огненный Глазь», врагъ блѣднолицыхъ...—залепеталъ я въ свое оправданіе, но

вдругъ понялъ, что сказала что-то, не идущее ни къ солнцу, ни къ ясному разгорающемуся дню,—и, весь вспыхнувъ, соскочилъ съ козелъ и стремглавъ бросился въ раскрытыя ворота.

— Куда же ты, Павликъ?.. Павликъ!—кричала вслѣдъ мнѣ изумившаяся мать.

Но я бѣжалъ по улицамъ, ничего не соображая, и рядомъ со мною съ лаемъ неслись изумленные шавки, а гдѣ-то вдали слабо отзывался голосъ Саши:

— Павликъ, остановись!..

Мы вернулись на постоянный дворъ только тогда, когда за нами приковылялъ недовольный Сема и сказалъ, что «маменька сердятся просто ужаси», а что «генераль укатили по дѣламъ».

Я вздохнулъ отъ всего сердца. Мнѣ казалось, что я сгорю отъ стыда, если увижу улыбающееся лицо военнаго и, въ особенности, насмѣшливую улыбку моей новой знакомой. Что она обо мнѣ подумаетъ? Что она подумала, когда узнала, что я самымъ нелѣпымъ и невѣроятнымъ образомъ заснулъ въ томъ же тарантасѣ во время ея приглашенія на балъ?!

И можете себѣ представить,—кто была эта барышня, съ которой я встрѣтился такъ случайно и необычайно? Это была дочь мѣстнаго губернатора N.

Впослѣдствіи, немного подросши, я прочелъ про «Капитанскую дочку», а вотъ про «губернаторскую дочку», извините, еще не читалъ.

Гдѣ ты, милая черноглазая дѣвочка? Не надо ли мнѣ спасти тебя отъ какого-нибудь Монтигомо, врага блѣднолицыхъ? Или ты замужемъ, и твой мужъ—«зажиточный фермеръ Техаса?»

Отзовись мнѣ, я жду.

ВОСЕМЬ ЛѢТЪ.

Воспоминанія о гимназiи.

ВОСЕМЬ ЛѢТЪ.

I.

Въ пансіонѣ.—Первыя впечатлѣнія.—Воспитатель, дядька, товарищи.—Вечеръ и ночь.

Помнится, часы пробили пять. Осенній сумракъ хмурился за окнами, въ стекла билъ дождь, хлестались продрогшія вѣтви деревьевъ.

— Пора идти!—сказалъ я матери неестественно спокойнымъ голосомъ и поднялся со стула. Поднялись и мать и оба брата. Старшій, двѣнадцатилѣтній Александръ, какъ-то мгновенно посмотрѣлъ на меня съ недоувѣрчивымъ удивленіемъ и отвернулся. По глазамъ его я понялъ, что онъ видитъ, какъ я храбрюсь, и ему меня жалко. Маленькій, девятилѣтній Володя, просто-напросто заплакалъ. Ему было жаль разставаться со мной, со участникомъ его игры, было жалко отпускать меня въ чужой пансіонъ.

Уходить мнѣ пришлось одному. Володя учился еще

дома, а старшій, хотя уже и учился въ гимназїи, но былъ приходящимъ. Меня же оказалось возможнымъ помѣстить на казенный счетъ въ пансіонъ и, по обстоятельствамъ, пришлось этимъ воспользоваться. Помню, мать тихо склонилась надо мной и, пряча лицо, торопливо перекрестила. Громко вздохнулъ стоявшій въ темномъ углу старый поваръ Александръ, бывшій нашъ крѣпостной и оставшійся у насъ по объявленіи воли.

Почему-то больше всего на меня подѣйствовалъ вздохъ этого Александра. Въ горлѣ защекотало, зачесались глаза, и, чтобы скрыть волненіе, я крикнулъ преувеличенно-развязно и громко:

— Такъ вотъ я и пойду!

Братъ Александръ улыбнулся, не то удивляясь мнѣ и не вѣря, не то готовый расплакаться и самъ.

— Ну, пойдѣмъ,—обратился я къ повару.—Надо спѣшить.

Александръ повернулся къ двери. Бумажный свертокъ съ сладкими пирожками выскользнулъ изъ его рукъ, варенье растеклось по полу... Я перешагнулъ черезъ пирожки и вышелъ въ прихожую.

— Прощай, Павликъ!—крикнула мнѣ мать, когда пирожное съ грѣхомъ пополамъ опять увязали.

— Прощай, Павликъ!—повторилъ старшій Александръ.

— Простяй... Павликъ!—крикнулъ и Володя.

Я быстро шелъ по улицѣ; въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ меня, все такъ же вздыхая, шелъ съ пирожками въ рукахъ древній поваръ Александръ. Когда я, въ полумракѣ, оглядывался на него, мнѣ видѣлась только пушистая вѣрообразная бѣлая борода да чудовищная шапка, нахлобученная на уши. Такъ какъ было темновато, то я не сдержался и всплакнулъ. Тѣмъ болѣе, что было это незамѣтно: моросилъ дождь.

Итти было не далеко. Сначала мы шли по переулкамъ и были одни, потомъ выбрались на главную улицу, гдѣ находился пансіонъ, и затерялись между пѣшеходами.

Чтобы меня не толкнули, Александръ пошелъ рядомъ со мной. Онъ долго молчалъ, потомъ сказалъ угрюмо и неохотно:

— А маменька теперь навѣрное плачутся...

Я вздрогнулъ и чуть не заревѣлъ на всю улицу.

— Какой ты странный, Александръ, — сказалъ я дрожащимъ голосомъ, силясь не выдать себя.— Съ чего же ей плакать? Не на все время я ушелъ... а вотъ будетъ воскресенье, приду къ вамъ въ отпускъ.

— Такъ-то такъ, — согласился Александръ.— Только...

Онъ хотѣлъ что-то прибавить, но мы уже подошли къ пансіону. Голосъ его оборвался, и онъ безнадежно махнулъ рукой.

Робко дотронулся я до дверной скобы, съ усиленіемъ раскрылъ дверь, и сейчасъ же съ визгливымъ грохотомъ она захлопнулась. Еле переставляя ноги, поднимался я по скользкимъ плитамъ каменной лѣстницы.

У дверей на табуретѣ сидѣлъ черноволосый швейцаръ. Онъ уже видѣлъ меня, когда я приходилъ сюда вмѣстѣ съ матерью.

— Ваша клѣтка вотъ здѣсь, — сказалъ онъ мнѣ, введя въ прихожую, увѣшанную гимназическими пальто.

Помню, меня поразило тогда слово «клѣтка». Оказалось, клѣтка была у каждаго пансіонера и находилась въ ней шапка, а въ осень и зиму—еще сѣрый бапшыкъ.

— Для пальта у васъ вотъ мѣсто, а для фуражки— вотъ, — указывалъ мнѣ швейцаръ. И надъ крючкомъ для пальто и надъ клѣткой для фуражки я увидѣлъ приклеенныя бумажки, на которыхъ была написана моя фамилія.

Раздѣвшись, я вышелъ опять въ коридоръ и оглянулся. Сердце сжалось въ комочекъ. Въ углу, у окна, съ пирожками въ рукахъ одиноко и сконфуженно стоялъ поваръ Александръ. Въ немъ было единственное, что казалось своимъ; все остальное: высокія лѣстницы, желтыя стѣны, громадныя окна, воспитательскіе зонтики и пальто,—все казалось страшнымъ и чужимъ.

— Ты что, Александръ?—Я подошелъ къ нему.

Вмѣсто отвѣта онъ протянулъ мнѣ сѣрый пакетъ.

— Вѣдь у васъ есть свой сундучокъ!—сказалъ мнѣ швейцаръ.—Туда и заприте. Пойдемте, я покажу.

— Ну, прощай,—тихо шепнулъ я Александру и пошелъ. Тотъ не двинулся.

Швейцаръ ввелъ меня въ свою комнату, гдѣ подлѣ его кровати у стѣны была цѣлая гора сундуковъ, сундучковъ и сундучочковъ. На большихъ стояли средніе, на среднихъ маленькіе, на тѣхъ—самые крохотные... и около замковъ однообразно бѣлѣли бумажки съ надписями: «Ивановъ 2-ой, Пицалкинъ, Поповъ, Голенкинъ I-ый, Сидорчукъ».

Отыскавъ свой сундучокъ, въ которомъ лежали карандаши, конверты и ящикъ съ красками, я быстро сунулъ туда пирожки и заперъ шкатулку. Въ комнатѣ швейцара было темно и жутко.

— Теперь явитесь къ воспитателю,—сказалъ мнѣ швейцаръ.—Сначала идите прямо, налѣво—вторая комната.

Еле передвигая ноги, побрелъ я по безконечно длинному коридору, освѣщенному лампами, привѣшенными къ потолку. Огромные бѣлые абажуры казались надъ ними зонтиками; кое-гдѣ лампы чадили, пахло керосиномъ. По дорогѣ попало мнѣ нѣсколько гимназистовъ, шедшихъ парами; одни смѣялись и не взглянули на

меня; другіе, поменьше, осматривали съ любопытствомъ и шептались:

— Новенькій! Новенькій!

Безконечно жалкимъ и маленькимъ казался я себѣ тогда, самъ бывшій ростомъ съ аршинъ, одѣтый въ длинную казенную блузу. Стѣны были высоки и давили; раздѣленные пополамъ,—снизу желтыя, вверху бѣлыя,—онѣ наводили на душу нестерпимое уныніе.

Отсчитавъ вторую налѣво комнату, я вошелъ въ нее и сначала въ ней никого не замѣтилъ. Были въ ней только: скамья, два стула, столъ и какія-то растенія у окна. Потомъ у самой двери, за печью, примѣтилъ я еще столъ. За нимъ сидѣлъ худощавый человѣкъ съ желтымъ лицомъ, въ вицмундирѣ съ блестящими пуговицами. Я поклонился какъ умѣлъ и подаль воспитателю «отпускной билетъ». Искоса онъ поглядѣлъ на меня и сказалъ не сердито:

— Новенькій, а опаздываешь. Это нехорошо.

Онъ всталъ, подошелъ къ двери и крикнулъ:

— Лаврентій!

Высокій, тучный, пожилой и бритый человѣкъ съ бѣлой колючей щетиной на подбородкѣ появился въ дверяхъ. Носъ у него былъ толстый, малиновый и похожій на сливу; глаза и брови—блестящіе и черные. На концѣ носа сверкали стальные очки.

— Вотъ, Лаврентій,—воспитатель кивнулъ на меня головой,—новичокъ, изъ приготовительнаго. Укажите ему все да завтра остригите.

Онъ наклонился къ столу и началъ что-то писать.

— Ну, пойдѣмъ,—грубовато-добродушно сказалъ мнѣ дядька.—Сейчасъ покажу парту, потомъ кровать... все по порядку. Тебя какъ звать-то? Павелъ? Ну, Павелъ такъ Павелъ. Павелъ царствомъ правилъ. Не будешь шалить, все будетъ хорошо. Будутъ бить,—спуску не

давай. А завтра я тебя—въ ножницы. И обкарнаемъ. Все по порядку.

Почему-то меня больше всего напугало выраженіе «въ ножницы». Я помнилъ изъ рассказовъ дяди-полковника, какъ брали на Балканахъ «въ штыки», и угроза «въ ножницы» меня ошеломила.

Подъ вліяніемъ ея я даже не обратилъ вниманія на предупрежденіе дядьки, что будутъ бить.

— Ну вотъ и твое мѣсто,—проговорилъ солдатъ, введя меня въ «занимательную» комнату, гдѣ въ два ряда тянулись ученическія парты. Парты эти были составлены въ кучки по нѣсколько: по четыре, по шести... Каждый классъ имѣлъ свой собственный уголокъ.

— Твой сосѣдъ будетъ Кучуринъ,—объяснялъ мнѣ дядька.—Кучуринъ, поди сюда.

Къ намъ подошелъ маленькій вихрастый гимназистикъ, за нимъ побѣжало еще нѣсколько. Всѣ устали на меня.

— Ну, ну, приговоряшки!—прикрикнулъ на нихъ дядька.—Вотъ вамъ еще емназистъ. Кучуринъ, ты не смѣй драться... Вонъ это мѣсто Кучуринское,—онъ указалъ на половину парты,—а это—твое. Сюда ты и складывай все, что дадутъ: книги какія, тетрадки, карандаши. Видишь, какъ у Кучурина.

Онъ пріоткрылъ верхнюю доску парты, и я увидѣлъ подъ ней маленькую комнатку: въ уголкѣ была привѣшана на гвоздикѣ крохотная иконка; въ другомъ углу были сложены книжки; ручки и карандаши были аккуратно развѣшены по стѣнкѣ парты на гвоздикахъ и обломкахъ перьевъ, вбитыхъ рядами.

— Ахъ ты, египтянинъ!—крикнулъ вдругъ дядька на Кучурина и корявыми мозолистыми пальцами схватилъ виднѣвшуюся изъ-подъ тетрадки резинку. Резинка эта была привязана на деревянную рогульку и предназ-

началась для стрѣльбы скатанными бумажками.—А къ воспитателю хочешь?—Лицо солдата сморщилось отъ негодованія, брови сползли на глаза.—Стань въ уголь, опмаринъ этакій, стань къ столу!

Кучуринъ медленно поплелся къ воспитательскому столу, и длинныя, несоразмѣрно широкія брюки его морщились на его тонкихъ ногахъ и ерзали по полу. Другіе малыши послѣшно разбѣжались.

— Ну, вотъ и все!—объявилъ дядька.—Теперь сяди здѣсь... вообще дѣлай что хочешь... А ужъ я тебѣ койку твою покажу, будешь спать.

Онъ ушелъ. Я робко присѣлъ на свою парту, открылъ отведенный мнѣ еще пустой ящикъ, опять захлопнулъ и началъ смотрѣть передъ собой. Мысль, что въ домѣ сейчасъ тепло и уютно, что теперь тамъ навѣрное пьютъ чай, тоскою сдавила мнѣ сердце... Невольно глаза стали завлакиваться туманомъ, появилось неодолимое желаніе всплакнуть... Какъ сквозь дымъ видѣлъ я, что кто-то показываетъ мнѣ изъ угла «носы» и дѣлаетъ гримасы. Съ трудомъ разобралъ я, что дѣлаетъ это Кучуринъ. Повидимому, онъ считалъ меня причиной своей бѣды и уже чувствовалъ ко мнѣ нѣкоторую неприязнь... Чтобы не сердить Кучурину, я отвелъ отъ него глаза и началъ разсматривать комнату. Невдалекѣ отъ насъ, подлѣ шкаповъ съ книгами, стоялъ воспитательскій столъ, закапанный чернилами, съ дырявымъ сукномъ, тутъ же, ближе къ стѣнѣ, огромная квадратная черная бочка. Мнѣ сказали потомъ, что это «сорница» для ненужной бумаги. Было ихъ, такихъ сорницъ, еще штуки двѣ, и въ каждую можно было умѣстить по пяти приготовяшекъ. Пока я разсматривалъ «занимательную» комнату, ко мнѣ раза два подбѣгалъ поставленный въ уголь Кучуринъ и, показавши языкъ, опять становился на свое мѣсто. Бѣгалъ онъ какъ-то особенно, раскатываясь по

полу, словно на конькахъ; дѣлать это съ большой сноровкой, подлетить и сейчасъ же откатывается къ столу. Походило, точно на резинку привязали живого мышонка: разбѣжавшись, онъ растягивалъ резинку, потомъ она быстро и безшумно притягивала его назадъ. Во время бѣготни Кучуринъ зорко осматривался, не идетъ ли кто изъ «опасныхъ». Раза два появился въ комнатѣ дядька, но Кучуринъ всегда своевременно успѣвалъ стать на прежнее мѣсто и просилъ дядьку съ раскаянiемъ на лицѣ:

— Лаврентiй Ивановичъ, пустите.

Пробилъ дребезжавшiй звонокъ. Въ «занимательной» показался Лаврентiй съ громаднымъ колоколомъ въ рукахъ,—такимъ колоколомъ, какой привязывалъ къ дугѣ нашъ кучеръ, когда мы переѣзжали изъ деревни въ городъ... Грозно звенящiй дядька прошелся по всей комнатѣ и что-то кричалъ. Словъ я за звономъ не разобралъ и продолжалъ сидѣть какъ пришитый къ партѣ. Въ коридорѣ былъ слышенъ шумъ; гимназисты куда-то шли... куда, я не зналъ.

Во всей «занимательной» насъ осталось только двое: Кучуринъ да я. Показался воспитатель и крикнулъ на наказаннаго:

— Кучуринъ, ты что?

Лицо у гимназиста сдѣлалось плаксивымъ.

— Меня дядька поставилъ, — слезливо проговорилъ онъ.

Воспитатель повернулся ко мнѣ. Лицо Кучурина мгновенно сдѣлалось хитрымъ, и онъ показалъ воспитателю языкъ.

— Ну, а ты чего тутъ сидишь?—спросилъ меня воспитатель.

— Я не знаю...—началъ было я.

— Ужинать, ужинать... Экій ты, братъ, неаккуратный. Ступай ужинать.

Онъ взялъ меня за плечо и повелъ въ коридоръ.

— А меня-то, Василий Пет-ро-вичъ?—заголосилъ Кучуринъ.

— Наказанъ, и стой!—бросилъ воспитатель.

За нами раздались вопли.

Въ полутемномъ коридорѣ стояло, выстроившись попарно, около сотни гимназистовъ. Стояли они небольшими кучками. Каждая начиналась парюю маленькихъ; за ними шли побольше, затѣмъ еще болѣе взрослые. Кучка замыкалась ужъ совсѣмъ большими гимназистами, но такъ же, какъ самые крохотные, остриженными и одѣтыми въ смѣшныя, точно дѣтскія, рубашки.

— Михалевичъ, у васъ, кажется, есть мѣсто?—спросилъ воспитатель одного изъ взрослыхъ.—Есть? Такъ вотъ вамъ, этого и возьмите.

Михалевичъ взялъ меня за плечо и поставилъ передъ собой.

— Ступайте,—донесся голосъ воспитателя, и пансіонеры вошли въ столовую.

Большая и узкая обѣденная комната была загромождена десяткомъ длинныхъ столовъ, разставленныхъ вдоль стѣны. У одной стѣны подъ образами помѣщался столъ «воспитательскій», на другихъ же столахъ начальниками были восьмиклассники. Эти «столоначальники» завѣдывали хозяйствомъ стола. Они раздавали воспитанникамъ пищу, смотрѣли, чтобы все было въ исправности и вообще исполняли обязанности отца семейства. Всѣ добивались возможности сидѣть къ начальнику поближе: это означало имѣть подчасъ лишній кусокъ.

Ничего этого я въ то время, конечно, еще не зналъ.

Робко поплелся я за своимъ начальникомъ... Мнѣ указали мѣсто, я хотѣлъ было сѣсть,—не тутъ-то было: съ воспитательскаго стола былъ поданъ знакъ, и воспитанники зашѣли:

Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповають,
И Ты даешь имъ пищу во благо-вре-меніи...

Потомъ сѣли. Бѣлые служители подали на длинныхъ блюдахъ дымившуюся гречневую кашу и топленое масло въ соусникахъ. Къ столоначальнику потянулись тарелки; спѣшно онъ наложилъ каждому каши, и всѣ, такъ же спѣша, начали ѣсть. Всѣ знали, что у воспитателей «въ ногахъ ргуть», и торопливо глотали горячую кашу: какъ только воспитатель встанетъ, доѣдать кушанье уже было нельзя. Ъли всѣ въ полномъ и сосредоточенномъ молчаніи, только звенѣли ложки да слышалось покашливанье... Я хотѣлъ было о чемъ-то спросить сосѣда; на меня зашикали. «Разговаривать нельзя», добродушно сказалъ мнѣ начальникъ стола и улынулся моему невѣдѣнію.

Воспитатель, дѣйствительно, вскорѣ вскочилъ. Загромыхали длинные скамьи, всѣ воспитанники поднялись, опять зашѣли молитву, начали креститься; бывшіе между нами ученики-киргизы молитвенно терли себѣ лицо руками. Послѣ молитвы воспитатель стремительно и смѣшно побѣжалъ къ выходной двери. Фалды его вищмундира развѣвались какъ хвостъ у ласточки. Ученики проходили мимо него и благодарили, кланяясь.

Послѣ ужина всѣ разбрелись по своимъ мѣстамъ. Было въ пансіонѣ двѣ «занимательныхъ» комнаты. Въ старшей помѣщались ученики старшихъ классовъ, въ младшей—мелкота отъ приготовительнаго класса до четвертаго. Все убранство этихъ комантъ составляли испещренные кабалистическими знаками парты и громадныя мѣстами продранныя ландкарты по стѣнамъ;

въ старшей занимательной стояли еще «параллельные брусья» для гимнастическихъ упражненій, а въ младшей этой цѣли служилъ воспитательный столъ,—разумѣется, въ отсутствіе воспитателя.

Когда ученики разбрелись по своимъ партамъ, я тоже поплелся къ своей и застѣнчиво присѣлъ на отведенное мнѣ мѣсто. Освобожденный отъ наказанія мой сосѣдь Кучуринъ помѣстился рядомъ со мною и съ аппетитомъ уничтожалъ принесенную ему кѣмъ-то на исписанномъ чернилами листкѣ кашу. Онъ бралъ ее прямо пальцами и весь въ ней перемазался... Однако глаза зорко бѣгали по сторонамъ: не идетъ ли начальство? Кончивъ ѣду, онъ повернулся и спросилъ безъ всякаго сердца, видимо успокоеннымъ голосомъ:

— А какъ тебя зовутъ?

Я сказалъ.

Къ намъ подошли еще ученики.

— У тебя черные глаза,—сказалъ мнѣ кто-то.— Какъ у галки. Мы тебя застрѣлимъ.

— Застрѣлите,—просто сказалъ я.

Это ихъ, кажется, удовлетворило.

— А ты умѣешь стрѣлять?—спросилъ меня Кучуринъ.

— Нѣтъ.

— А я умѣю.

— Врешь,—усомнился кто-то.

— Умѣю!—Въ глазахъ гимназистика засверкалъ задоръ.—У меня есть монтекристъ. А сначала я стрѣлялъ изъ рогатки дробью... а то камнемъ. Подойдешь къ голубямъ,—трахъ,—онъ такъ и завертится.

— Голубей жалко!—сказалъ я съ убѣжденіемъ. Всѣ посмотрѣли на меня.

— Это вѣрно,—подтвердилъ кто-то.—Мнѣ сестра

говорила: голубь—это Святой Духъ. Вотъ кошечъ не жалко.—Кошки поганья.

Подошелъ дядька. Всѣ разсыпались въ разныя стороны.

— Ты чего жъ книгъ-то не просишь?—обратился онъ ко мнѣ солдатскимъ, добродушно-ворчливымъ голосомъ, хмуря косматя брови.—Какъ *урки-то* учить будешь? И бумаги себѣ добудь и перьевъ. По порядку. Подойди вонъ къ воспитателю и скажи: пожалуйста перьевъ.

Я подошелъ къ воспитателю и сказалъ:

— Пожалуйста перьевъ.

— Что?—коротко спросилъ воспитатель, быстро хлопывая ящикъ стола, гдѣ лежали конфеты.

— Перьевъ ему... да книги...

Повидимому, дядька бралъ меня подъ свое покровительство.

— Ахъ, да, да! Такъ выдайте ему, Лаврентій, выдайте.

Дядька медленно пошелъ со мною куда-то наверхъ и выдалъ мнѣ книги, тетради, перья и карандашъ. Выданное онъ тщательно записалъ въ особья книги.

— Смотри, береги!—говорилъ онъ мнѣ, вручая книги и грозя пальцемъ,—не портъ, не рви... Самъ пропади, а книгу сохрани. Потому книга—она казенная!

Опять пошелъ я къ своей партѣ. Въ занимательной было тихо, несмотря на то, что была она полна народомъ. Повидимому, всѣ воспитанники сморились за день и хотѣли спать.

Голыя стѣны, однообразно окрашенныя въ два цвѣта, казенныя парты, копящія на потолкахъ лампы съ громадными жестяными абажурами,—все это въ сумракѣ осенняго вечера казалось въ особенности чужимъ, противнымъ и тяжелымъ. Невольно вздрагивали губы, чаще

обыкновеннаго мигали глаза. Наконецъ въ занимательной опять появился дядька съ звенящимъ колоколомъ.

Все торопливо поднялись; поднялся съ своего мѣста вслѣдъ за выходившими и я. Вошли въ старшую занимательную. Съ разныхъ угловъ этой комнаты, такой же скучной и неудобной, потянулись болѣе взрослые гимназисты и начали строиться въ линіи. Робко поглядывая на воспитанниковъ, я жался къ сторонѣ у двери.

— Впередь!—апатично крикнулъ на меня воспитатель.— Не знаешь?

Онъ взялъ меня за плечо и потащилъ впередъ къ кучкѣ маленькихъ гимназистовъ.

— Не знаешь?—повторилъ онъ.

Я и на самомъ дѣлѣ не зналъ.

Вглядѣвшись въ темный уголокъ, я замѣтилъ тамъ висѣвшую икону. Передъ нами—самыми маленькими «приготовашками»—стояло два «среднихъ» воспитанника: высокій и коротенькій. Коротенькій скоро зачиталъ заспаннымъ голосомъ молитвы. Потомъ сзади зашумѣли: я увидѣлъ, что все стали на колѣна; сталъ и я. «Святѣйшій правительствующій синодъ...» равнодушно читалъ «средній» гимназистикъ. Онъ то мѣнялъ голосъ и говорилъ вмѣсто дисканта басомъ, то твердилъ, заикаясь, подъ рядъ нѣсколько разъ одно и то же слово и, поворачиваясь къ намъ, смѣшно жевалъ и плепалъ губами. Нѣкоторые изъ «приготовашекъ» чуть слышно фыркали. Потомъ опять зашумѣли. Все поднялись съ колѣнъ. Иные шумно чистили себѣ ладонями запыленные колѣна. Казенная вещь!

Опять начали молиться. Потомъ маленький чтецъ смолкъ, къ молящимся важно повернулся другой, побольше, и трескучимъ басомъ прочелъ главу изъ евангелія. Потомъ опять повернулся и щелкнулъ каблуками рыжихъ сапогъ. Маленькій опять зачиталъ. Вскорѣ мо-

литва кончилась. Теперь я уже видѣлъ, что необходимо присматриваться къ тому, что дѣлають другіе. Началь наблюдать. Всѣ пошли по коридору къ швейцарской, и я пошелъ за ними. У вѣшалки съ воспитательскимъ пальто опять выстроились попарно. У всѣхъ были свои пары; не было пары только у меня. Однако на этотъ разъ никто не обратилъ на меня вниманія. Всѣмъ хотѣлось спать, и какъ только до выстроившихся добрель нагруженный книгами воспитатель, всѣ шумно и торопливо побрели во второй этажъ вверхъ, по громадной каменной лѣстницѣ. Мелькомъ взглянулъ я за перила: нижній этажъ казался черною пропастью.

— Вотъ отсюда тогда Смирновъ и бросился!— услышалъ я близъ себя пугливый шопотъ. Говорили двое маленькихъ, взъерошенныхъ, жалкихъ. Въ глазахъ ихъ виднѣлся испугъ, который сейчасъ же сообщился и мнѣ. «Отсюда бросился!» сверкнуло въ умѣ. Я снова покосился на зияющую подъ нами пропасть.

Опять передъ глазами потянулся коридоръ. И былъ онъ такой же длинный и скучный и съ такими же лампами; въ голову мнѣ на мгновеніе забрела мысль, что мы снова спустились внизъ. Воспитанники разбрелись по спальнямъ, а я остался одинъ и не зналъ гдѣ мнѣ лечь. То, что было мнѣ неизвѣстно гдѣ лечь спать; почему-то тогда показалось мнѣ въ особенности горькимъ. Бродя по коридору и видя, какъ всѣ раздѣваются у своихъ постелей, я вдругъ не сдержался и заплакалъ во весь голосъ. Такъ мнѣ стало жалко себя!.. Я бродилъ по темному коридору и плакалъ и вытиралъ кулаками слезы, а со мной бродила моя маленькая пугливая тѣнь,—больше не было никого.

Замѣтилъ меня случайно выпедшій воспитатель. Услышалъ ли онъ мой плачь или просто вспомнилъ о

новичкѣ,—только, выйдя изъ старшей спальни, онъ натолкнулся на меня и спросилъ:

— А ты чего ходишь?

— Не-е знаю... спать гдѣ,—съ рыданіями пробормоталъ я.

Воспитатель густо побагровѣлъ и крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Лаврентій!

Изъ-за угла показался струхнувшій дядька. Очки съѣхали у него на конецъ носа, и руки держалъ онъ такъ, будто собирался вспорхнуть.

— Это что же?—сердито заговорилъ воспитатель, тыча въ меня пальцемъ.—Вы уже свои обязанности забываете... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ такъ бросать дѣтей... Я не понимаю.

Воспитатель закашлялся, разставилъ руки и пошелъ прочь.

Съ неописуемымъ ужасомъ поглядѣлъ я на дядьку, когда остался съ нимъ наединѣ. Я думалъ, что Лаврентій разорветъ меня въ клочки или сброситъ черезъ перила лѣстницы.

Но дядька только поглядѣлъ на меня внимательно и сказалъ, покачавъ головой:

— Человѣкъ-мужчина, а рюмишь. Ну какой же ты емназистъ! Пойдемъ, укажу постелю-то.

И повелъ меня въ младшую спальную.

Мы вступили въ большую комнату, гдѣ въ два ряда стояли кровати. Одѣяла на нихъ были сѣрыя шерстяныя, подлѣ каждой стояли желтыя табуретки.

— Вотъ это твоя постеля!—указалъ мнѣ дядька и добавилъ не безъ гордости:

— Будешь спать рядомъ со мной!

Мелькомъ я осмотрѣлъ младшую спальню. Почти на

всѣхъ кроватяхъ лежало по малышу. Иные уже спали, нѣкоторые покосились на меня съ любопытствомъ.

— Теперь раздѣвайся,—проговорилъ дядька.—Скидай всю амуницию и ложись. Платье клади въ порядкѣ. Ишь,—черные глаза!

Онъ вышелъ, и я началъ раздѣваться. Стало холодно, по тѣлу забѣгали мурашки, застучали зубы. Я юркнулъ подъ топчее одѣяло и сжался въ комочекъ. Около меня внезапно что-то загремѣло. Повернувъ голову, я видѣлъ, что мой сосѣдъ, крошечный, костлявый, приподнялся съ постели и началъ ее поправлять. Я посмотрѣлъ на его кровать. Матраца на ней не было, лежала, сморщившись, одна простыня. Я съ ужасомъ догадался. Это былъ наказанный. За какую-то провинность у него сняли съ постели матрацъ. Такъ, на голыхъ доскахъ, онъ долженъ былъ провести ночь. Я видѣлъ, какъ онъ все двигался на доскахъ и поправлялъ свою простыню. Время отъ времени онъ снова поднимался и все старался улечься на свернутой въ нѣсколько разъ половинѣ одѣяла. Другимъ концомъ онъ пытался прикрыться. Одѣяло поминутно сползало, гимназистикъ ворочался, тихо плакалъ, и доски подъ нимъ скрипѣли и двигались.

— Знаешь, что,—я подвинусь, и мы уляжемся вмѣстѣ,—сказалъ я наказанному.

Тотъ поглядѣлъ на меня, сердито сдвинулъ шнурочки-брови и отвернулся.

— Право, мѣста намъ хватить!—добавилъ я.

— Убилайся къ чолту!—прикрикнулъ на меня гимназистикъ и закрылся съ головой одѣяломъ.

Очень стало тяжело на душѣ. Такой милой и невозвратно утраченной казалась маленькая квартирка, гдѣ жила съ двумя братьями мать. Потянуло домой, и самое тяжелое было то, что вернуться было нельзя, что кругомъ были голыя неуютныя стѣны, чужіе люди, чужія

подушки, одѣяла... Громкіе вздохи заставили меня высунуть изъ-подъ одѣяла голову. Около меня стоялъ въ нижнемъ бѣльѣ босой дядька Лаврентій и истоиво крестился, кланаясь какъ игрушечный слонъ. Онъ громко вздыхалъ, пучилъ глаза, покашливалъ и теръ лысину. Потомъ грузно опустился на колѣна и началъ часто-часто бухать объ полъ головой. Это было смѣшно, но я не смѣялся: хотѣлось плакать.

II.

Пробужденіе пансіона.—Въ швальнѣ каптенармуса.—Сборы въ гимназію.—Пансіонъ опустѣлъ.

Старые осипшіе часы, висѣвшіе у дверей младшей спальни, гулко пробили пять разъ. Подъ сѣро-сизымъ казеннымъ одѣяломъ задвигались огромныя ноги дядьки Лаврентія. Вотъ онъ, я вижу, поднялся, присѣлъ на кровати и, протирая красные какъ у тетерева глаза, дѣлаетъ со сна уморительныя гримасы... Давно небритое лицо его, заросшее колючей сѣдой щетиной, выражаетъ неудовольствіе, черныя брови ползаютъ по лбу какъ мыши; онъ зѣваетъ и часто-часто креститъ свой ротъ.

Затѣмъ онъ идетъ въ умывалку; это темноватая, холодная комната, посреди которой стоитъ огромный изъ красной мѣди умывальный чанъ. Дно его устѣяно рядомъ мѣдныхъ стержней. Человѣкъ двѣнадцать могутъ умываться одновременно, но пока—дядька одинъ.

Умывается Лаврентій медленно, съ наслажденіемъ, фыркая какъ опившійся котъ. Послѣ умыванья онъ под-

ходить къ одной изъ длиннѣйшихъ скамей, тянущихся вдоль стѣнъ «умывалки», и начинаетъ чистить себѣ сапоги. Эти скамьи уставлены громадными чашками съ жидкой ваксой; масса щетокъ, большихъ и малыхъ, разбросана по нимъ.

Вычистивъ себѣ сапоги, дядька окончателно приводитъ въ порядокъ свой туалетъ,—расчесываетъ брови, протираетъ очки и поворачиваетъ передъ зеркаломъ изъ стороны въ сторону голову.

Скоро ужъ шесть. Скоро звонить. Мелькомъ взглядываетъ Лаврентій на казенный градусникъ. Давнымъ-давно, съ самаго основанія пансіона, повѣсили его у косяка двери, и съ тѣхъ поръ невозмутимо-добросовѣстно и въ зиму и въ лѣто показываетъ градусникъ четырнадцать, какъ бы температура ни мѣнялась.

Часы бьютъ шесть. Дядька беретъ съ подоконника свой колоколь. Оглушительное дребезжанье мѣди нарушаетъ мертвую тишину.

— Вста-ва-ать!—кричитъ Лаврентій, потрясая звонкомъ.—Вставайте! Вставайте!

Свой трезвонъ начинаетъ онъ съ «младшей спальни». Какъ часто во снѣ казалось, что вотъ на тройкѣ пріѣхали изъ дому! Старшій братъ Сапа сидитъ въ тарантасѣ и смѣется... Лошади летятъ быстро, заливаются колокольчикъ:

— Динь-динь-динь.

И сейчасъ же становится необыкновенно холодно. Смотришь—дядька сдернулъ съ тебя одѣяло и звонить надъ ухомъ, крича:

— Вставайте, засони... Живо, разъ-два! Сѣно, солома. Калачъ, витушка.

Хочется плакать.

А Лаврентій ужъ въ «средней» спальней.

— Ивановъ, Десницкій второй!—кричитъ онъ, идя

безконечнымъ рядомъ сѣро-сизыхъ кроватей. Ткаченко, Стоюнинъ, по порядку, живо! Вставайте, умывайтесь, пятки получайте!

Послѣ этого онъ проходитъ въ «старшую спальную».—Здѣсь онъ звякаетъ колоколомъ слабо, почти съ уваженіемъ, и всѣ воспитанники—семи- и восьми-классники—еще спятъ безмятежнымъ сномъ. Эта привилегія не вставать сразу по звонку установилась за старшими долгимъ обычаемъ. Какъ, бывало, завидуешь имъ, проходя мимо ихъ спальни по холодному коридору! А вѣдь и все преимущество заключается въ какихъ-нибудь пятнадцати минутахъ.

Какъ бы то ни было, старшіе еще спятъ. Въ спальне тихо, и только нѣчто сторбленное и худое, издали похожее на гипсовое изваяніе, двигается въ углу у печки. Это—дежурный воспитатель.

Обнявши колѣна руками, онъ медленно поводитъ по сторонамъ мутными отъ сна глазами, еще не сознавая себя. Прислужникъ умывальной комнаты приноситъ воспитателю ярко начищенные штиблеты и тихо удаляется, раскачиваясь изъ стороны въ сторону какъ идущій по проволокъ гимнастъ. Воспитатель переводитъ глаза на башмаки, и видъ ихъ напоминаетъ ему, что слѣдуетъ одѣваться.

Съ трудомъ попадая въ рукава, онъ надѣваетъ заплѣсневѣвшій брусничнаго цвѣта, давно ставшій историческимъ, халатъ и идетъ умываться, шлепая огромными стоптанными туфлями. «Историческимъ» халатъ называется не безъ причинъ: по преданію, былъ онъ купленъ въ день закладки зданія пансіона; а кромѣ того, носить на себѣ слѣды «исторій» съ воспитателями: онъ залитъ чернилами, изрѣзанъ ножницами и замазанъ ваксой и клейстеромъ...

Умывшись, воспитатель аккуратно причесывается и идетъ, перевѣсивъ черезъ плечо полотенце, въ старшую спальную. Облачившись въ вицмундиръ и надѣвъ галстукъ, онъ начинаетъ расхаживать по комнатѣ, время отъ времени покрикивая:

— Господа, вставайте! Половина седьмого.

Но голосъ его—гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Пробуждаются только тѣ, которые вечеромъ не доучили уроковъ и которыхъ это беспокоитъ. Остальные спятъ.

Воспитатель тревожно бродитъ по спальной, ежеминутно посматривая на часы. «Старшіе» спятъ, а черезъ десять минутъ слѣдуетъ идти на молитву. Отчаявшись въ своихъ силахъ, воспитатель выходитъ изъ спальной и засылаетъ будить воспитанниковъ дядьку.

Лаврентій, уже поставившій на ноги «молокососовъ», въ старшую спальную входитъ неохотно. Для него будить восьмиклассниковъ—дѣло непріятное, но, исполняя волю пославшаго, осторожно касается онъ до одѣяла каждаго спящаго и негромко объявляетъ, что «вставать-съ пора-съ».

Въ это время въ умывалкѣ шумъ, гамъ и смятеніе. Она полна малыми и средними гимназистами. Отъ падающихъ умывальныхъ стержней, отъ выскользающихъ изъ рукъ сапожныхъ щетокъ и перебранивающихся голосовъ въ умывалкѣ шумно какъ въ кузницѣ. Воспитанники длинными рядами стоятъ за каждымъ умывающимся въ ожиданіи очереди. И сколько здѣсь происковъ, протекціи, недовольныхъ лицъ, сколько зависти! Иные спѣшатъ попасть подъ крыло извѣстнаго въ пансіонѣ силача. Изъ расположенія къ своему клиенту или изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ силачъ безцеремонно отталкиваетъ законно занявшаго мѣсто кандидата и ставитъ на его мѣсто своего протезе.

Съ появленіемъ воспитателя въ умывалкѣ воца-

ряется временный порядокъ. Пинки и подзатыльники прекращаются, чистившіе сапоги перестаютъ мазать врагамъ лица сапожными щетками, линіи очередныхъ выравниваются, плачущіе смолкаютъ. Но воспитатель заходитъ только на минуту, и съ исчезновеніемъ пугала все принимаетъ свой обычный обликъ.

Изъ умывалки воспитатель опять направляется въ старшую спальную посмотри́тъ, въ какомъ она положеніи. Къ его удовольствію, почти всѣ встали.

Къ семи часамъ въ умывалкѣ—исключительно «интеллигенція»: только старшіе. Разговоры—тоже особенные: про знакомыхъ барышень, про театръ, про женщинъ пансіона... Женщины эти—жены служителей.

Послѣ чая до начала занятій въ гимназіи оставалось около трехъ часовъ, но воспитанники обыкновенно выводились изъ пансіона въ самомъ началѣ десятаго, такъ что на репетицію уроковъ давалось не болѣе двухъ часовъ. Эти часы были самымъ лихорадочнымъ моментомъ въ жизни пансіона. Немногіе счастливыцы могли похвалиться тѣмъ, что у нихъ было все приготовлено. Волей-неволей приходилось рассчитывать на «сдуваніе» и подсказки.

Время бѣжить... до отхода въ гимназію остались минуты. Вездѣ, даже въ старшей занимательной, тоска и смятеніе... и только въ одной комнаткѣ еще держится въ это время искреннее оживленье. Комната эта — «швальня» каптенармуса.

Добрѣйшій старикъ, Иванъ Ильичъ.—самъ каптенармусъ,—сидитъ у окна своей швальной на табуретѣ, окруженный «приготовяшками» и прочей мелкотой. Всѣ они размѣстились около на длинныхъ желтыхъ скамьяхъ безъ брюкъ, безъ блузъ, безъ сапогъ. Нѣкоторые изъ нихъ возятся въ темныхъ уголкахъ, благо не видитъ занятый шитьемъ каптенармусъ. Уморительно щуря гла-

за, вдѣваетъ онъ въ иголку нитку, похожую на канатъ, и обильно имъ «для крѣпости» навощенную. Иванъ Ильичъ молчитъ, но языкъ его все время въ движеніи, точно онъ именно языкомъ проталкиваетъ въ игольное отверстіе свою нитку. Но вотъ игла снаряжена. Съ удовольствіемъ нашиваетъ каптенармусъ заплаты—одному на колѣна, другому на воротникъ, третьему на спину. Его мало занимаетъ, что рубаха давно позеленѣла, а заплата новая; не много, кажется, занимаетъ это и малышей. На красоту платья обращаютъ вниманіе лишь подрастающіе, а этимъ пока еще все равно, носятъ ли они блузу средняго или старшаго возраста. Поэтому въ клѣткахъ младшихъ питомцевъ (а у каждаго пансіонера въ швальной имѣется особая клѣтка для платья) встрѣчаются брюки и блузы «каменнаго періода», чуть ли не выдавшія закладку пансіона.

Если Иванъ Ильичъ находится въ добромъ расположеніи, то за шитьемъ онъ начинаетъ свои рассказы. Рассказываетъ онъ обычно изъ эпохи русско-турецкой войны 78 года и, повѣствуя, сообщаетъ, на страхъ «молоко-сосамъ», самые удивительные факты: какъ онъ одинъ перестрѣлялъ изъ пушки четыре турецкихъ полка, какъ однажды летѣлъ онъ на скакунѣ черезъ турецкую столицу съ секретнымъ письмомъ генерала Скобелева... Фантазія у него была необыкновенная... «Идешь, идешь по поднебеснымъ горамъ,—молнія внизу такъ и громахаетъ... Ну, захочется курнуть, приставишь къ молоньѣ трубочку, закурилъ и идешь себѣ, любо-дорого»... Малыши бывали въ восторгѣ.

Время отъ времени въ «швальню» заходитъ дежурный воспитатель, занятый утромъ подготовкой къ урокамъ самого себя. Появленіе его всегда сопровождается поспѣшнымъ уходомъ лишнихъ лицъ и постановкою нѣкоторыхъ изъ нихъ въ видѣ наказанія «подъ часы».

Въ девять часовъ воспитатель собираетъ свои книги и тетради и обходитъ пансіонъ въ послѣдній разъ; а въ четверть десятаго снова оглушительно звенитъ колоколь, и пансіонеры идутъ въ швейцарскую одѣваться.

— Пу-парно, пу-парно!—кричитъ дядька Лаврентій, обходя малышей и «средній возрастъ».—Сѣно, солома! Витушка, калачъ!

Иногда, передъ моментомъ ухода, въ дальнихъ отъ воспитателя парахъ старшихъ воспитанниковъ вдругъ начиналось глухое «броженіе», выражавшееся въ хлопаньи о полъ калошами.

— Что это?—спрашивалъ одѣвающійся воспитатель.

Вмѣсто отвѣта «калошный шумъ» повторялся. Воспитатель срывается съ своего мѣста и опрометью бросается на безпорядки. На лицахъ малышей—неподдѣльное восхищеніе. Съ завистью и уваженіемъ оборачиваются они назадъ.

Тихо. Воспитатель отходитъ. Калошное движеніе повторяется, но въ большемъ размѣрѣ. Лицо воспитателя покрывается смертельной блѣдностью.

— Кто стучалъ?—задыхаясь спрашиваетъ онъ.

Молчаніе.

Воспитатель снова пытается отойти—и снова безпорядки. Опять бѣжитъ назадъ воспитатель.

— Это безобразіе, безобразіе!—Голосъ его дрожитъ отъ гнѣва.—Лаврентій, ведите.

Онъ остается подлѣ бунтовщиковъ. Впереди слышно щелканье замка и визгъ двери: то швейцаръ растворяетъ пансіонскую дверь. Клубы пара влетаютъ въ прихожую съ лѣстницы. Воспитатель беретъ за свой котелокъ: въ котелкѣ чьими-то хищными ножницами вырѣзано треугольное отверстіе.

III.

Наша гимназія.—Немного о начальствѣ.—Типы учителей.—Первая единица.—На урокъ математики.

Гимназія наша стояла на обрывистомъ берегу рѣки и находились невдалекѣ отъ пансіона. Снаружи это было длинное трехэтажное зданіе, выкрашенное казарменной желтой краской, съ тусклыми окнами и проржавѣвшимъ крестомъ посрединѣ крыши. Не была лучше гимназія и внутри. Въ двухъ нижнихъ этажахъ помѣщались классы, церковь, бібліотека и учительскія комнаты, на третьемъ этажѣ были квартиры главнаго гимназическаго начальства и канцелярія.

Младшіе классы помѣщались внизу; въ второмъ этажѣ занимались воспитанники старшаго возраста. Оба этажа были чрезвычайно похожи одинъ на другой. Посрединѣ шель обычный длинный и темный коридоръ, а по бокамъ тянулись классы. Одной стороною нижній коридоръ упирался въ церковь, другой—въ такъ называемую актовую залу, бібліотеку и учительскія комнаты. Стѣны были какъ и во всякомъ казенномъ мѣстѣ:

снизу крашены масляной желтой краской, вверху бѣлыя, полы паркетныя. Въ классахъ же было введено нѣкоторое разнообразіе: стѣны были «исполнены» какимъ-то особеннымъ манеромъ—синими и красными кляксами... Помню, на первыхъ порахъ я подолгу и съ удивленіемъ разсматривалъ эти стѣны.

Войдя въ гимназическую прихожую, мы снимали съ себя въ особыхъ комнатахъ пальто (пансіонеры и проходящіе раздѣвались отдѣльно) и, забравъ свои тетрадки и книжки, расходились по классамъ.

Первые дни своего гимназическаго житья я чувствовалъ себя, конечно, очень стѣсненно. Кругомъ были искусившіеся въ шалостяхъ и проказахъ гимназистики; и побаивался я ихъ, и смотрѣлъ на нихъ недовѣрчиво: ужъ очень казались они мнѣ шустрыми и бойкими—они и по окнамъ лазили, и папиросы курили, и кропили другъ друга мокрыми губками... А вѣдь были все «приготовительные»; самому старшему насчитывалось не болѣе двѣнадцати лѣтъ... Освоился я съ товарищами не скоро.

По приходѣ въ гимназію намъ оставалось на разговоры и подготовку не много времени. Около десяти въ концѣ коридора появлялся заспанный старичокъ, швейцаръ, Матвѣй Никифоровичъ, и звонилъ «на молитву». Послѣ молитвы «дежурные» мыли губками классныя доски, вѣшали географическія карты и вообще приготовляли классъ къ пришествію антихриста». Страшное время приближалось. Стихали даже «отчаянные». Нѣкоторые готовили къ занятіямъ книги и «сдувалки», иные крестились, иные условливались съ товарищами насчетъ «подсказыванія»...

Вотъ дежурные стремительно прыснули отъ двери.

Всѣ шумно встаютъ: въ классъ стремительно входитъ преподаватель.

Въ первое же свое появленіе въ гимназіи, помнится, я былъ страшно пораженъ слѣдующей сценой. Проходилъ я по коридору—было мнѣ тогда десять лѣтъ—и внезапно услышалъ за собой гнѣвный окрикъ. Обернувшись къ «актовой залѣ», я увидѣлъ стоявшаго среди нея въ гнѣвной позѣ господина среднихъ лѣтъ, сѣдова-таго, блѣдноватаго, въ очкахъ и вицмундирѣ. Это былъ директоръ гимназіи. Онъ что-то кричалъ, размахивая руками, а подлѣ него, на колѣняхъ, стоялъ плачущій гимназистъ лѣтъ четырнадцати. Я замеръ отъ ужаса. Около группы стояла толпа учениковъ разныхъ возрастовъ, такъ же окаменѣлая, какъ и я. Что-то новое, острое овѣяло душу; сразу ожесточило и замкнуло въ себѣ. Я поспѣшилъ узнать отъ товарищей про вину ученика; оказалось никто путемъ не зналъ; полупешотомъ говорили только, что воспитанника за что-то предназначили къ исключенію, и онъ долженъ былъ вымаливать себѣ прощеніе на колѣняхъ... Чѣмъ кончилось дѣло, я не знаю; но съ того времени прошло теперь больше двадцати пяти лѣтъ, а сцена въ моей памяти какъ вчерашняя. Припоминаю еще: какъ-то разъ, много времени спустя, довелось мнѣ столкнуться съ этимъ директоромъ. Весь дрожавшій, я посмотрѣлъ ему въ глаза: мнѣ казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ и мнѣ прикажутъ стать на колѣна... Но глаза у директора были тихіе, добрые и улыбающіеся; это были обыкновенные близорукіе глаза стараго человѣка,—и все же мнѣ на душу повѣяло холодомъ. И когда директоръ, желая, вѣроятно, обласкать, взялъ меня за воротникъ блузы и повелъ куда-то съ собой, я шелъ ничего не слыша и думая только объ одномъ: вотъ сейчасъ эта ласковая рука сильно пригнетъ меня къ полу, и моя судьба рѣшится навсегда. Такова была атмосфера нашей гимназіи.

Когда же я вспоминаю случайно замѣченную сцену,

какъ къ засидѣвшемуся лишнія пять минутъ въ учительской вновь назначенному преподавателю подошелъ этотъ директоръ и ворчливо-язвительно сказалъ: «пора въ классы, пора!»—и какъ робко вскочилъ съ своего мѣста учитель и побѣжалъ въ классы,— я сознаю, что въ атмосферѣ старой гимназіи задыхались не одни мы, маленькіе гимназисты.

Директоръ этотъ вскорѣ скончался. Насъ посылали на панихиду по немъ, дарили нѣкоторымъ его фотографіи... А тѣмъ же вечеромъ въ старшей занимательной воспитанники седьмого и восьмого классовъ баловались какъ подростки и громко распѣвали пѣсни.

Но достаточно о директорѣ.

Какъ-то вечеромъ, будучи еще во второмъ или третьемъ классѣ, сидѣлъ я въ пансіонѣ на своей партѣ, готовя уроки. Внезапно до меня долетѣлъ сдерживаемый хохотъ. Инстинктивно я взглянулъ на сосѣда. Лицо у него было красно отъ смущенія и перепуга, и незамѣтно онъ толкнулъ меня рукою, точно о чемъ-то предупреждая. Еще не понимая, я взглянулъ прямо передъ собой и на разстояніи аршина увидѣлъ качающуюся снизу вверхъ гладко остриженную голову съ ехидно улыбавшимся ртомъ, съ блестящими маленькими глазами. Голова все время двигалась снизу вверхъ, точно мнѣ кланялась. Рука съ золотымъ кольцомъ лежала на спинкѣ рядомъ стоявшей парты; только по рукаву съ блестящими пуговицами я догадался, что передо мною начальство. Я обомлѣлъ отъ страха. Я понялъ, что, занявшись уроками, не замѣтилъ прихода инспектора и забылъ ему поклониться. Вздогнувъ, я вскочилъ съ своего мѣста и стоялъ, не сводя глазъ съ все кланяющагося мнѣ инспектора. Замѣтивъ, что я всталъ, инспекторъ пересталъ кланяться. Сгорбленная старческая фигура

выпрямилась. Я увидѣлъ только спину, облаченную въ вицмундиръ.

— Какой онъ невнима-тельной!—съ нерусскимъ акцентомъ сказалъ онъ сопровождавшему его воспитателю.—Я нарочно ему... кланялся, кланялся....

И, повернувшись ко мнѣ, добавилъ:

— Остан-ься безъ ужинъ.

И ушелъ. Товарищи обратились ко мнѣ съ перепуганными лицами и упрекали за разсѣянность.

— Теперь съѣсть!—убѣжденно говорили они.

Кстати объ ужинѣ. Въ тотъ день мнѣ не посчастливилось въ особенности. Вечеромъ меня оставили безъ ужина, а днемъ, нѣсколькими часами раньше, безъ обѣда.

Случилось это такимъ образомъ.

Послѣ уроковъ назначили слѣвку. Пришелъ регентъ, начали что-то пѣть (готовились, кажется, къ акту). Во время популярной въ то время въ нашей гимназiи пѣсни:

Свѣтлой радостью горя,
День торжественный встрѣчайте...

я машинально посмотрѣлъ себѣ на локоть. Подошелъ классный наставникъ и сказалъ мнѣ негромко и спокойно:

— Безъ обѣда.

Онъ сейчасъ же отошелъ, а я принужденъ былъ сидѣть голоднымъ. За что? Я не зналъ. Такъ, здорово живешь. Я склоненъ думать, что классный наставникъ на меня не сердился. Онъ просто увидѣлъ что-то не такое, какимъ оно слѣдовало быть, и сейчасъ же сказалъ привычное «безъ обѣда». Весьма вѣроятно, что онъ сейчасъ же и забылъ это, и будь это секундой раньше или позже, онъ бы и не наказалъ меня; но подошла такая минута, и я не долженъ былъ обѣдать.

Еще припоминаю: стоявшій рядомъ со мной гимназистъ сказалъ мнѣ съ злорадствомъ:

— Смотри, не съѣшь тарелку!

Почему онъ радовался? Почему до сихъ поръ передо мной стоятъ маленькіе водянистые глаза маленькаго раба, радующагося тому, что другой рабъ наказанъ господиномъ?..

Помнится, это было первое наказаніе, которое меня постигло. Наказавшій слылъ въ гимназіи за такое лицо, у котораго не только нельзя было спросить «за что», но даже попросить прощенія—значило быть наказаннымъ вчетверо. Поэтому я мучился еще больше оттого, что не зналъ причины наказанія. Когда всѣ за обѣдомъ начали ѣсть и старшій спросилъ меня:

— А ты что же?

Задыхаясь отъ слезъ и отъ страха, что сейчасъ откроютъ мой позоръ, я пробормоталъ:

— Мнѣ не хочется.

Старшій только пыгливо посмотрѣлъ мнѣ въ глаза— не сказалъ ни слова. А спроси онъ меня: «не наказанъ ли я»,—я знаю, что тутъ же бы разрыдался во весь голосъ.

Въ серединѣ обѣда въ столовую внезапно вошелъ тогда тотъ классный наставникъ (онъ иногда замѣнялъ инспектора), который на спѣвкѣ оставилъ меня безъ обѣда. Лицо у него было ровное и спокойное; онъ даже не взглянулъ на меня; онъ только прошелся мимо и вышелъ; конечно, онъ забылъ обо мнѣ совершенно. Но теперь, вспоминая этотъ маленькій случай, я спрашиваю себя: «А что, если онъ помнилъ о томъ, что оставилъ меня безъ обѣда?.. Что, если именно за этимъ онъ и пришелъ въ столовую?»

Среди группы учителей, въ свое время насъ учившихъ, особенно памятнымъ остался мнѣ Федоръ Петро-

вичъ Чайкинъ. Маленькій, сморщенный, съ совершенно голой головой, съ трехцвѣтной бородой клиномъ, онъ преподавалъ у насъ математику. Представляя теперь себѣ его сгорбленную фигуру, старчески упавшій ротъ, затонувшіе въ морщинахъ глаза, я спрашиваю себя: какъ могли мы бояться этого крошечнаго человѣка всей степенью того паническаго ужаса, который онъ въ насъ возбуждалъ? Но иногда, даже теперь, ночью, просыпаюсь я, весь холодный отъ страха передъ злобно-презрительнымъ взглядомъ Федора Петровича. «Да остричься!.. Бол-ванъ!» звенить у меня въ ушахъ, и до боли нестерпимо жалко мнѣ маленькихъ гимназистиковъ, если имъ гдѣ-нибудь еще и теперь преподають такимъ образомъ математику.

Къ математикѣ я никогда не чувствовалъ особой склонности. Суровая школа запутала меня ею въ самую раннюю пору: когда я былъ еще въ приготовительномъ классѣ.

Помнится, дома меня хорошо подготовила къ вступленію въ гимназію мать. Въ приготовительномъ классѣ я учился однимъ изъ первыхъ. Но вотъ уже сколько лѣтъ прошло, а я все помню, какъ получилъ первую единицу.

Учитель вызвалъ меня къ классной доскѣ. Съ его словъ записалъ я на ней мѣломъ задачу и сталъ обдумывать.

Сначала дѣло шло хорошо. Я исписалъ цифрами уже половину доски, какъ вдругъ, отглянувшись на преподавателя, замѣтилъ, что онъ сидитъ ко мнѣ спиной и занятъ совсѣмъ постороннимъ дѣломъ: онъ подписывалъ, для скорости, чтобъ не носить домой, тутъ же въ классѣ, бальники учениковъ. Мысль, что я одинъ, всколыхнула нервы. Я зналъ, что одно слово, ободряющій взглядъ,— и я рѣшилъ бы задачу. Но учитель былъ безмолвенъ, онъ

даже и не глядѣлъ на меня. Просительно взглянулъ я на товарищей. Одни улыбались, другіе кивали головами какъ-то отрицательно, третьи злорадно высовывали языки. Сердце во мнѣ упало. Мысль, что я не рѣшу задачи, наполнила всего меня отчаяніемъ.

— Григорій Ивановичъ,—взмолился я къ учителю. Тотъ не отвѣчалъ.

— Григорій Ивановичъ!—повторилъ я и подошелъ къ нему. Во мнѣ еще теплилась слабая надежда.

— Ну?—сказалъ учитель недовольно и, обернувшись на мгновеніе, коротко бросилъ:—Рѣшай, рѣшай... ты!

Гордость и бѣшенство вспыхнули во мнѣ. Поблѣднѣвшій, платившій слезы, я положилъ мѣлъ на барьеръ классной доски и сталъ неподвижно, отвернувшись отъ класса лицомъ. Учитель все подписывалъ тетрадки. Я уже не думалъ о задачѣ и не хотѣлъ думать о ней и только съ томленіемъ ждалъ, что вотъ-вотъ прозвенитъ колоколъ и окончится урокъ. Во мнѣ все было оскорблено, все поднялось и ежеминутно готово было прорваться судорожнымъ плачемъ.

Наконецъ звонокъ пробилъ. Учитель не слѣша собралъ тетради, обернулся ко мнѣ, съ усмѣшкой оглядѣлъ мои вычисленія и, присѣвъ на мгновеніе къ столу, молча влѣпилъ мнѣ въ классный журналъ жирную единицу.

Онъ сейчасъ же ушелъ, и сейчасъ же я весь забился въ рыданіяхъ. Скопфуженные товарищи обступили меня и молча смотрѣли, какъ плакалъ и бился головою о парту я, десятилѣтній. Прибѣжалъ братъ Александръ, гимназистъ-второклассникъ. Ему объяснили. Какой-то карлузикъ, за что-то оставленный безъ обѣда, плакалъ рядомъ со мной.

— Не плачь, не плачь,—говорилъ мнѣ Александръ,

и губы его дергались.—Онъ не единицу поставилъ тебѣ, а черточку... черточку!

Увы!—я зналъ, что была единица. Я видѣлъ ее собственными глазами.

Послѣ этого учитель являлся въ классы, конечно, такой же, какъ всегда, не чаще обыкновеннаго меня вызывалъ, ставилъ разныя отмѣтки за отвѣты... О случаѣ онъ, разумѣется, позабылъ; онъ не помнилъ, и не могъ помнить, о томъ, какъ оскорбилъ мое маленькое сердце. Но съ тѣхъ поръ ужасъ передъ математикой закрался въ меня; приступая ко всякой задачѣ, я прежде всего боялся и думалъ: вотъ опять въ моихъ клѣткахъ появится жирная единица!.. Меня оставятъ безъ отгулка, и придетъ на полчаса въ пансіонъ мать, и будутъ у нея такіе печальные, недоумѣвающіе глаза... И вотъ на протяжении слѣдующаго ряда лѣтъ въ моихъ «табеляхъ» о наукахъ рядомъ съ отмѣтками по другимъ предметамъ 5... 5... 5... зіяло по математикѣ едва натягиваемое 3... 3... 3...

И на протяжении восьми лѣтъ—ежедневно, можетъ быть, ежечасно—я мучился тревожными мыслями о провалѣ на каждомъ урокѣ математики! Если мнѣ скажутъ: это болѣзнь,—пусть такъ,—тѣмъ хуже для гимназіи. Мы входили въ нее здоровые.

Перехожу къ Чайкину.

Не сумѣю сказать, что за человѣкъ былъ Федоръ Петровичъ. Иногда я видѣлъ его въ приступахъ самаго яркаго ненавистничества, иногда же передо мной бывалъ маленькій, заурядный и добродушно-жалкій старичокъ.

— Остричься, повѣса!—слышу я.—Эй, кавалеръ, въ уголь!

И въ то же время припоминается добродушно-ворчливое:

— Ну, Ленева, голубчикъ, нельзя же такъ, вы подумайте.

То вижу я Чайкина такимъ:

Идетъ онъ большими шагами, ротъ искривленъ, брови нахмурены.

— Эй, ручки въ брючки! Эй ты, оболтусъ! Въ форму одѣться! Безъ завтрака, подь часы!

А то проходишь мимо него,—сидитъ онъ въ учительской комнатѣ въ старомъ креслѣ. Ноги крохотныя, безпомощно разбѣжавшіяся въ разныя стороны, голова опущена къ землѣ; видна тощая старикинская шея; руки коричневыя, безсильныя, сморщенные; мутныя глаза неподвижны, точно прислушивается онъ къ безшумной работѣ земли, которая вскорѣ его поглотитъ,—и станетъ мнѣ его жалко-жалко...

Урокъ алгебры. Крупными шагами онъ входитъ въ классъ. Бросаетъ на столъ бальникъ и отходитъ къ окну. Нѣсколько минутъ въ классѣ молчаніе. Кто-то чуть слышно шелеститъ учебникомъ, кто-то крестится, многіе пригнулись къ скамьямъ и припустили глаза. Всѣ знаютъ, что Чайкинъ спрашиваетъ не по бальнику. Иногда достаточно кому-нибудь столкнуться съ нимъ взглядомъ, чтобы тотъ вызвалъ его къ отвѣту. Мутныя глаза Федора Петровича поворачиваются къ намъ. Онъ выискиваетъ жертву. Иногда набираешься отчаянной рѣшимости и, весь дрожа внутри, съ дикимъ спокойствіемъ смотришь ему прямо въ глаза. Это тоже помогаетъ; чаще всего Чайкинъ вызываетъ робко пригнувшихся къ партѣ.

— Ну-ка...—медленно говоритъ онъ и останавливается, ища взглядомъ...—Нордштейнъ.

Слава Богу, мимо! Что-то громадное скатывается съ души. На четверть часа можно быть спокойнымъ. Но впереди еще три четверти!.. И такъ—почти каждодневно.

Диктуется задача. Нордштейнъ робко выписываетъ

формулы: «а плюсь бе, це квадратъ, плюсь, минусь», жалобно пищитъ его слабый еврейскій голосокъ. Чайкинъ съ грохотомъ везетъ по классу свой стулъ и ставитъ его у печки, въ самый уголъ, гдѣ и садится.

— «Иксъ, квадратъ, зеть...»—неувѣренно стонетъ у черной доски Нордштейнъ.

Раздается трескъ стула. Федоръ Петровичъ рѣзко поворачивается къ ученику, глаза его блестятъ отъ негодованія.

— Поди сюда!..

Изъ угла комнаты идетъ въ противоположный конецъ къ печкѣ маленькій еврей. Губы его закушены, волосы точно оцетинились, глаза погасли.

— Повторяй за мной!—грубо говоритъ Чайкинъ.— Одна свинья. Ну?

Ученикъ блѣднѣетъ и молчитъ.

— Повторяй, тебѣ говорятъ!—выкрикиваетъ Федоръ Петровичъ.—Оглухъ, что ли, ну? Одна свинья...

— Одна свинья.

— Да одна... свиная... колбаса.

— Да одна... свиная... колбаса.

— Сколько будетъ?

Молчаніе.

Въ классѣ—смѣшки учениковъ. Чайкинъ хитро поглядываетъ на нѣкоторыхъ.

— Языкъ, что ли, проглотилъ?—освѣдомляется онъ, глядя на еврея съ презрѣніемъ.—Ну, сколько будетъ?

— Складывать нельзя... разнородныя,—лепечетъ Нордштейнъ.

— То-то. Теперь ступай.

Мальчикъ идетъ къ классной доскѣ.

— Два иксъ квадратъ,—снова звенитъ его вздрагивающій отъ слезъ голосъ.—Плюсь, минусь...

— Ахъ ты, Господи!— снова возмущается Чайкинъ.— Безтолочь какая! Поди сюда.

Снова идетъ черезъ весь классъ трепещущій Нордштейнъ.

— Рябчикъ жареный!— не такъ сердито говорить Федоръ Петровичъ.— Что мозги-то у тебя высохли, что ли? Ну, повторяй за мной: пошла баба на базарь.

— Пошла баба на базарь.

— Купила себѣ два поросенка.

Лицо маленькаго еврея наконецъ зеленѣетъ отъ этого издѣвательства.

— Купила себѣ... два поросенка,—повторяетъ онъ чуть слышно.

— Пришла домой, зажарила.

— Пришла домой, зажарила.

— Сдѣлались салоги.

— Сдѣлались... и-и-и!—Классъ оглашается жалобными рыданіями Нордштейна.

Негодующій Чайкинъ подымается съ мѣста. Ротъ его полуоткрытъ, борода съѣхала на сторону, лысая голова вспотѣла.

— Пошелъ къ стѣнѣ!—рѣзко кричитъ онъ.—Да останься на часъ послѣ уроковъ!

Плачущій Нордштейнъ становится въ уголъ. Чайкинъ ищетъ глазами новую жертву. Весь классъ въ смятеніи. Всѣ пригнулись къ партамъ, точно надъ головами проносится неистовый смертоносный циклонъ.

— Ленева!—наконецъ вызываетъ Чайкинъ.

Весь блѣдный, я поднимаю голову и беспомощно осматриваюсь по сторонамъ. Можетъ быть, я ослышался. Всѣ сидятъ пригнувшись, съ искаженными отъ ужаса лицами.

— Ну-ка, Ленева,—ворчливо говоритъ Чайкинъ и киваетъ на классную доску головой.

Сомнѣваться болѣе нельзя. Еле передвигая ноги, я иду какъ на смерть.

— Сотри всю эту мазю, — приказываетъ Федоръ Петровичъ.

Съ страшною медленностью, надѣясь на спасительный крикъ звонка, начинаю я стирать губкой съ доски мѣловыя цифры.

— Скорѣй, — торопитъ учитель.

Дѣлая видъ, что нечаянно, я роняю на полъ губку. Все минуты полторы!

— Эхъ, — вскрикиваетъ Чайкинъ и, взмахнувъ руками, подходитъ ко мнѣ. — Неряха. Сколько разъ вамъ показываю. Подай губку.

Я подаю съ пола грецкую губку. Чайкинъ вырываетъ ее изъ моихъ рукъ и, скинувъ меня негодующимъ взглядомъ, начинаетъ самъ стирать цифры.

— Смотри! — приказываетъ онъ. — Всѣ смотрите, вы! Надо сверху прямыми линіями. Вотъ, вотъ! Вы только мажете.

Весь классъ смотритъ, какъ учить мыть доску учитель математики. Я слѣжу только за однимъ: чтобы мытье шло дольше... какъ можно дольше! Скоро ли звонокъ?..

Но вотъ мытье кончено, а звонокъ все еще нѣтъ.

— Пиши! — Чайкинъ диктуетъ задачу.

Ничего не соображая отъ ужаса, я начинаю писать какія-то цифры и буквы. Только инстинктомъ руководствуюсь я; здравый смыслъ давно загнанъ куда-то въ пятки.

Я чувствую, что пишу невѣрно. Но мнѣ все равно: плюсъ, минусъ, «а» квадратъ, неизвѣстныя... лишь бы звонокъ!..

— Ахъ! ты! Господи! — слышу я за собой возмущен-

ный голосъ.—Да что мозги-то окаменѣли у васъ, что ли? Остолопы!.. Поди сюда.

По стопамъ Нордштейна иду я къ печкѣ черезъ весь классъ. Я вижу передъ собой въ упоръ смотрящія на меня мутные глаза.

— Повторяй за мной!—приказываетъ Чайкинъ.—Я осель и соловей.

Я вздрагиваю.

— Я осель и соловей.

Ученики хихикаютъ. Угодливо смѣются запуганные рабы.

— Ты осель и соловей,—говоритъ Чайкинъ.

— Ты осель и соловей...—повторяю я съ плохо скрытымъ бѣшенствомъ и отчаяніемъ.

— Онъ осель и соловей.

— Онъ осель и соловей.

— Такъ, что ли?—спрашиваетъ Чайкинъ.—По-твоему, это можно спрягать?

Я молчу.

— Фу... безтолочь!—Федоръ Петровичъ отдувается отъ возмущенія.—Ты складываешь «иксъ», «игрекъ»—разныя степени. Это все равно, что спрягать «осель и соловей». Понялъ?

— Понялъ,—говорю я.

— Слава Богу! Ступай къ доскѣ.

Опять начинаются вычисления. «Да скоро ли звонокъ, Господи»!

Снова за спиною окрикъ:

— Куда поѣхало!.. Поди сюда.

Опять я поворачиваюсь и подхожу къ Чайкину. Весь онъ побурѣлъ отъ негодованія. Ротъ искривленъ... остатки желтыхъ зубовъ...

— Это что у тебя? а?—Злобно зацѣпляетъ онъ пальцемъ крохотную металлическую палочку отъ часовой цѣ-

почки, еле видную въ петлѣ за пуговицей.—Тоже фран-
титъ. Франтъ, ноги коровы. Учиться мы не учимся, а
тоже съ цѣпочкой! Продѣнь ее себѣ въ носъ, какъ вер-
блюду... въ носъ продѣнь! П-пошелъ къ доскѣ!

Мое маленькое лицо все поблѣднѣло отъ оскорбле-
нiя. Глотая слезы, я иду къ доскѣ. Отъ слезъ я не вижу
ни одной цифры. Но вотъ—благодаренiе Богу!—черезъ
дверь класса доносится звонъ колокольчика.

Кончено! Сквозь слезы я улыбаюсь... всѣ выпрямля-
ются...

... Не сонъ ли это? Точно ли это все было?..

IV.

Снова въ пансіонѣ.—На гулянья.—Зубристика.—Свѣтлыя минуты.—
Красный флагъ.—Въ театрѣ.

Звонокъ! Это уже послѣдній. Сразу что-то бодрящее охватываетъ душу. Сейчасъ уйдемъ прочь изъ этой гимназіи, отъ этихъ уроковъ, учителей, отъ всего, что мучило и заставляло страдать въ продолженіе пяти часовъ. Нужды нѣтъ, что идемъ въ пансіонъ; все-таки не видно сморщенныхъ лицъ преподавателей, не стоитъ прямо передъ глазами черная доска, не лежитъ испещренный единицами классный журналъ. Вотъ мы одѣваемся. Торопливо надѣваю я свое пахнущее какой-то «дезинфекціей» сѣро-зеленое дряхлое пальто. Вотъ башлыкъ, вотъ калоши. Выстроились въ пары.

Выходимъ изъ гимназіи.

Итти недалеко, такъ недалеко. Но, идя въ теченіе жалкихъ двухъ-трехъ минутокъ, безконечно любуешься на солнце, на чахлыя деревьяца, на ѣдущихъ и идущихъ людей. Все вокругъ любишь, какъ любить

выпущенный изъ тюрьмы. О, если бѣ такъ все итти по этому тротуару, безконечно подѣ солнцемъ— и никогда не приходитъ бы туда!.. Съ шипѣньемъ растворяются пансіонскія двери, и старое хранилище казенныхъ вещей поглощаетъ насъ.

Не долго разбираешься по приходѣ. Звонятъ къ обѣду. Охотно поѣдаешь скудныя пансіонскія яства, не думаешь о томъ, что завтра уроки, и весь въ мечтѣ: сейчасъ на прогулку!

Звенить колоколь, и воспитанники собираются живо. Здѣсь уже нѣтъ той медленности, которая присуща сборамъ въ гимназію. Нѣтъ и приключеній, и «калошного топота», и «изводки» воспитателей. Надо итти гулять на «Дворянскую».

Попарно, по росту, всѣ, отъ мала до велика, выходятъ изъ пансіона. Какъ-то не помнишь, что завтра уроки и прежнія мученія. Украдкой посматриваешь на часы и твердишь:

«Ахъ, если бы время остановилось!»

Въ самомъ дѣлѣ: въ пансіонѣ такъ жутко; тамъ все напоминаетъ о зубристикѣ... а здѣсь, на улицахъ, свѣтло, ярко и людно. Что же отъ того, что зимою холодно, а осенью дождить? На улицахъ масса гуляющихъ, попадаютъ знакомые... «Бараны, бараны!» насмѣшливо говорятъ встрѣчные проходящіе. Не обижаешься: «баранами» зовутъ они пансіонеровъ за то, что тѣ гуляютъ кучами, какъ стадо. Что же изъ того, что кучами? Лишь бы гулять. Вотъ идутъ барышни. Мой сосѣдъ слегка краснѣетъ и закусываетъ губу. Вотъ онъ кланяется одной изъ барышень.—«Кто? Кто?» осыпаютъ его вопросами. Крутомъ улыбаются, шутятъ, завидуютъ, вспоминаютъ. Вотъ еще двѣ барышни: губернатрскія дочки. Какія онѣ красивыя! А вотъ—дочери мѣстнаго богача. Типъ восточный. Тонкія, невинныя, блѣдныя, черные

волосы, черные глаза... Обѣ хрупкія и изящныя. Одна совсѣмъ ребенокъ. Она хочетъ посмотрѣть на кого-то и наивно прислоняетъ къ лицу маленькіе бѣлые пальцы: точно чешется у нея глазъ. О, милая моя, любимая, маленькая!

— Ленева, тебѣ кланяются.

Мы идемъ дальше. Проходятъ красивыя дамы. Онѣ улыбаются кому-то изъ малышей.

— Семенова мамочка! — смѣшливо передаютъ подростки старшимъ. Гуль катится дальше:—Семенова мамочка!

— Тише, господа,—говоритъ воспитатель, и если онъ молодой, у него слегка блѣднѣетъ лицо:

— Здравствуйте, Татьяна Васильевна!

Конечно, онъ влюбленъ въ «мамочку Семенова».

Вотъ мимо проходитъ старый, похожій на сына окружный инспекторъ Котовскій. Синія фуражки съ вѣточками поднимаются надъ головами пансіонеровъ. Окружный инспекторъ кланяется и, стараясь сдѣлать торжественное лицо, строитъ гримасы, словно жуетъ что-то кислое. Ярко блестятъ на солнцѣ форменныя пуговицы его пальто; одна нога инспектора, желающаго кланяться, все отъѣзжаетъ въ сторону, точно онъ собирается натирать полъ. А вотъ—театръ. Маленькое желтосѣрое зданіе, напоминающее ренсковой погребъ. Сколько разговоровъ возбуждаетъ одинъ только видъ театра!

— Эхъ, сходить бы!—говорятъ старшіе.—Смотрите: бенефисъ Платоновой. «Адская любовь». Господа, собирайтесь.

— Инспекторъ не пуститъ: «Адская любовь».

— Пуститъ, чего тамъ. Проси воспитателя.

Кто-нибудь изъ «любимцевъ» обращается въ воспитателю:

— Василій Павловичъ, попросите.

Воспитатель почти всегда пугается.

— Да какъ я...—мямлитъ онъ.—Да вы знаете какой инспекторъ... Да онъ не любить...

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста,—просятъ воспитанники.

— Да вонъ тамъ какая-то «Адская любовь»... «Адская»... Надо спросить священника. Я не знаю.

— Да это простая оперетка...—говоритъ кто-то изъ видавшихъ ее на сценѣ.—Тамъ ничего нѣтъ такого...

— Пошлите ужъ, пошлите,—тревожно соглашается воспитатель.—Можетъ быть, разрѣшить. Только писать я не буду...

Воспитатель вздрагиваетъ. На тротуарѣ внезапно показывается самъ попечитель учебнаго округа. Глаза воспитателя остеклянѣли, руки дрожать.

— В-ваше... превосходительство!—говоритъ онъ тономъ безумнаго восхищенія.

Попечитель останавливается. Останавливается все. Кажется, остановились пѣшеходы, остановились экипажи, остановилось самое солнце... Остановилось все.

— А-а,—негромко говоритъ попечитель и смотритъ куда-то внизъ себѣ подъ ноги. Сѣрый замшевый палецъ съ благоговѣніемъ держится трясущейся рукой воспитателя. Попечитель останавливается и молчитъ. Молчитъ все.

Внезапно попечитель вскидываетъ голову.

— А вы не на «Екатерининскомъ Полѣ»?

Мгновеніе,—и слѣдъ попечителя протылъ. Точно вознесся онъ на облака или провалился въ преисподнюю. Никого не видно. Но что это?.. Лицо воспитателя покрылось смертельной блѣдностью, глаза блуждаютъ, руки дрожать.

— На...а...зздъ!.. На...а-зздъ!..—хрипло бормочетъ онъ, странно и растерянно дергая губами.—Скорѣй!.. Скорѣй!..

Дядька торопливо поворачиваетъ малышей вспять. Мы идемъ на «Екатерининское Поле».

Все оживленіе пропадаетъ: на «Екатерининское Поле»—это такая скука! Неизвѣстно, въ какихъ видахъ купило начальство въ концѣ города кусокъ земли и наставило тамъ шестовъ для гимнастики. Поэтому оно и требуетъ, чтобы подчиненные веселились тамъ. «Веселись»,—ничего не подѣлаешь.

Тоска. Лѣнливо плетутся на «Екатерининское Поле» пансіонеры. День испорченъ. И надо было попасться на дорогѣ этому попечителю!

Проплутавъ среди «висѣлицъ» и гимнастическихъ шестовъ «Екатерининскаго Поля», усталые и недовольные возвращаемся мы въ пансіонъ. Настроеніе не улучшается: наступаетъ время зубристки.

Если войти въ это время въ какую-либо изъ «занимательныхъ» комнатъ,—безразлично, старшую или младшую,—прежде всего слухъ поражаетъ неясный шумъ, похожій на жужжаніе пчелъ. И большіе и маленькіе одинаково бьются надъ уроками; скорѣе болѣе равнодушны младшіе; тогда еще нѣтъ на душѣ иныхъ страховъ, кромѣ боязни остаться «безъ матраца» или «безъ ужина». У воспитанниковъ же среднихъ и старшихъ боязнь передъ единицами доходила до психоза. Блуждающіе глаза, желтое лицо, пугливая улыбка, нервныя, скачущія движенія—вотъ въ мое время типъ средняго гимназиста. И странно и жалко припоминать, какъ великовозрастный юноша, одѣтый въ сѣрую форменную рубашку чисто дѣтскаго покроя, волновался и трясся изъ-за недоученнаго перевода, изъ-за непонятной теоремы... Безконечно поражало, какъ громадный мужчина, можетъ быть имѣвшій бы дома цѣлую семью, не

только блѣднѣлъ, но буквально зеленѣлъ при входѣ въ классъ преподавателя или при обыскѣ воспитателемъ въ пансіонскихъ партахъ запрещенныхъ вещей *)).

Я уже говорилъ о томъ, какъ «система» наша давила меня. А вѣдь я учился однимъ изъ «первыхъ» учениковъ. Каково же было другимъ, когда подъ конецъ своего «обученія» я имѣлъ настолько разслабленную и задерганную память, что было поразительно признаваться самому себѣ... Впрочемъ, это заслуживаетъ того, чтобы сказать подробнѣе.

Дѣло въ томъ, что подъ конецъ ученія со мной сдѣлалось что-то невѣроятное: память совершенно отказывалась работать. Задавали, наприимѣръ, намъ выучить наизусть латинское или русское стихотвореніе. Самымъ тщательнымъ образомъ я училъ его вечеромъ, выучивалъ прекрасно и... съ томленіемъ ждалъ: вотъ я завтра проснусь, начну повторять уроки и—не смогу сказать стихотворенія.

И дѣйствительно: являлось утро, кончался чай, я начиналъ припоминать выученное вчера и, къ своему ужасу, не могъ сказать ничего, кромѣ первыхъ строкъ. Въ волненіи я снова начиналъ выучку. Снова выучивалъ, шелъ въ классъ, отсиживалъ уроки... и вдругъ, за нѣсколько минутъ передъ началомъ того урока, на которомъ меня могли спросить, мнѣ въ голову заходило:

«Не знаю...»

Сейчасъ же я начиналъ припоминать—и весь блѣднѣлъ: я дѣйствительно ничего не помнилъ, кромѣ двухъ—

---

1) Такое обыкновеніе въ пансіонѣ держалось крѣпко. Ревизіи назначались всегда внезапно. Это было безобразнѣйшее зрѣлище, когда воспитатель въ сопровожденіи двухъ дядекъ стремительно бѣгалъ отъ одной парты къ другой въ жаднѣ „наловить“ запрещенное (табакъ, нѣкоторыя книжки).

трехъ начальныхъ строкъ. Я не могу описать тотъ ужасъ, то волненіе, въ которомъ сидѣлъ я на своей скамьѣ. Входилъ преподаватель. И весь часъ, съ минуты на минуту, я замиралъ отъ ужаса въ ожиданіи: вотъ-вотъ меня «вызовутъ»... И такъ бывало въ продолженіе двухъ лѣтъ на каждомъ урокѣ, когда задавали намъ выучивать наизусть.

Надо замѣтить, что спрашивали меня рѣдко. Учителя находили, что читать стихотворенія я умѣю, и, къ моему счастью, меня не трогали... развѣ только прибывало какое-нибудь начальство и надо было «показать товаръ лицомъ».

И вотъ однажды меня вызвали именно передъ начальствомъ. Мигомъ все смѣшалось въ моей головѣ. Весь блѣдный, ничего не сознавая, я началъ читать Жуковского:

„Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой“.

Сказалъ двѣ строки и остановился. Дальше не зналъ. Задавленная память отказывалась работать. Я молчалъ. Окружавшіе меня гимназисты всколыхнулись. Блѣдное лицо учителя повернулось ко мнѣ.

— Не знаю,—угрюмо сказалъ я и сѣлъ на мѣсто. Волосатое лицо окружнаго инспектора уставилось на меня. Я до сихъ поръ помню высохшее желтое лицо съ черными волосами на носу...

— Лeneвъ, вы не знаете?..—удивленно переспросилъ учитель и закашлялся.—В ы?.. В ы?..

— Не знаю,—хмуро отвѣтилъ я не вставая.

Окружный инспекторъ какъ-то протяжно усмѣхнулся. Неизвѣстно почему мнѣ моя выходка прошла даромъ.

«Свѣтлыя минуты» пансіона—это будничное неученіе въ гимназіи по случаю мороза.

Суровый климатъ нашей стороны обратилъ на себя вниманіе «правлящихъ сферъ». Учебнымъ начальствомъ было сдѣлано постановленіе, что при морозѣ свѣше извѣстнаго числа градусовъ (цифру я забылъ) учащіяся и учащіе въ правѣ не приходятъ въ гимназію. На городскихъ каланчахъ въ ознаменованіе праздника выкидывался красный флагъ... Какъ оживлялся нашъ старый пансіонъ!

Еще укладываясь наканунѣ спать, кто-нибудь изъ особенно интересующихся температурой рассказывалъ товарищамъ:

— Смотрѣлъ я, господа бараны, на градусникъ, и тамъ сейчасъ свѣше двадцати.

— Дай-то, Господи!—вздыхали товарищи.

Кто-нибудь изъ проснувшихся ночью непремѣнно подходилъ къ термометру за окномъ «умывалки»: нѣтъ ли желаемаго количества градусовъ. Утромъ мы просыпаемся—и первый взглядъ, конечно, на окна.

— Смотрите, какъ заледенѣли!—въ восторгѣ шепчетъ кто-то.

— Не будемъ! Не будемъ!—ликують въ разныхъ углахъ.

За утреннимъ чаемъ не сидится: вдругъ переменится температура, перестанетъ вѣтеръ... мало ли что можетъ случиться!

Старшіе воспитанники отправляются въ швейцарскую.

— Что, Иванъ, сильный вѣтеръ?

— Съ ногъ валить. Такъ и рветъ.

— Слава Цицерону.

Старшіе разносятъ благую вѣсть.

Принимается она радостно, но все еще съ неувѣ-

ренностью. До отхода въ гимназію еще почти два часа: вдругъ температура перемѣнится, перестанетъ вѣтеръ...

Проходитъ еще четверть часа. Въ коридорѣ, у градусника, цѣлая толпа.

— Черкните спичку,—бормочетъ кто-то.—Плохо видно.

— Двадцать пять градусовъ, господа бараны. Ей-Богу.

— Врете вы все. Петровъ, посмотрите. Василенку вѣрить нельзя.

— Даже около двадцати шести. Пустите, пустите, раздавили!

Къ толпѣ подходитъ одинъ изъ дядекъ.

— Господа, разойдитесь,—говоритъ онъ.—Сейчасъ придетъ воспитатель, увидитъ. Нехорошо.

На него никто не обращаетъ вниманія. Дядька уходитъ донести воспитателю.

— Разойдитесь, разойдитесь!—кричитъ воспитатель, подбѣгая. Мелкота прыскаетъ въ разныя стороны. Остаются только тѣ, которые посмѣлѣе.

— И какъ не совѣстно!—огорченно говоритъ воспитатель и морщитъ носъ.—Вѣдь большіе... Ну, ужъ и любите вы поучиться, нечего сказать!

На него исподтишка бросаютъ злобные взгляды. Поучиться—это значитъ получать единицы, оскорбленія, трястись и мучиться.

— Господа, флагъ!—вдругъ выкрикиваетъ на весь пансіонъ дрогнувшій голосъ.

Происходитъ смятеніе. Всѣ разомъ бросаются къ окну. Давка и крики. Всѣ спѣшать удостовѣриться лично.

— Флагъ! Флагъ!—разносится по пансіону.

Въ самомъ дѣлѣ: на каланчѣ на вѣтру бьется спасительная красная тряпочка.

— Ур-ра!—громомъ катится по пансіону. Воспитанники куда-то бѣгутъ, обнимаются, швыряютъ въ разныя стороны книжки и кричатъ восторженно:

— Красный флагъ!

Въ одной изъ занимательныхъ раздается оглушительный трескъ: то разомъ, по командѣ, были брошены приподнятыя крышки партъ. Это называлось «дать салютъ», «дать пушечный выстрѣлъ» по случаю торжества.

Поблѣднѣвшій воспитатель вихремъ уносится въ сопровожденіи «адъютантовъ» на выстрѣлъ.

— Безобразіе! Безобразіе!—кричитъ онъ.—Кто стучалъ?

Полное молчаніе.

Воспитатель входитъ въ слѣдующую занимательную. Вдогонку несетъ громогласная пѣснь:

„По у-лицамъ хо-ди-ла
Большая кро-ко-ди-ла“.

Въ бѣшенствѣ воспитатель бросается назадъ.

— Кто пѣлъ?..

Опять молчаніе. Только если въ это время оказывается дежурнымъ воспитатель «Щелкунъ», изъ заднихъ рядовъ начинается чуть уловимое щелканье языками. Щелканье ведется мастерски: по лицамъ нельзя отгадать кто именно щелкаетъ...

Услышавъ щелканье, воспитатель блѣднѣетъ.

— Пощелкайте, пощелкайте, я подожду,—говоритъ онъ и садится. Но въ это время въ слѣдующей занимательной слышится второй залпъ, и воспитатель съ бранью уносится къ безобразникамъ.

Между тѣмъ старшіе гимназисты уже въ буфетной комнатѣ. Звенятъ серебряныя деньги. Служителей посылаютъ за чаемъ, за булками, за сахаромъ и колбасой.

Нѣкоторые служители уже стаскиваютъ въ обѣденной комнатѣ со столовъ скатерти: воспитанники будутъ пить праздничный чай; а такъ какъ торжество внѣ программы, то и скатерти не полагаются.

Но мы ихъ и не ищемъ. Уже собраны деньги на угощеніе. Вотъ за рядомъ столовъ размѣщаются пирующие. За каждымъ столомъ собираются свои компаніи. Старшіе сидятъ совершенно особнякомъ, и на иномъ столѣ председательствуетъ кургузый малышъ, котораго выбрали главноначальствующимъ за то, что вчера ему мамаша принесла леденцовъ.

Угрюмый воспитатель отсутствуетъ. Поэтому за столами шумно и весело. Здѣсь не чинятся говорить, смѣяться и пѣть. Только тогда, когда пѣнье дѣлается слишкомъ громкимъ, въ столовую заглядываетъ воспитатель. Онъ все недоволенъ. Чѣмъ?

До самаго завтрака идетъ чайное пиршество. Въ большія груды свалены плюшки, французскія булочки, пончики и сахарные кренделя. Тарелокъ и салфетокъ не дается, булочки лежатъ прямо на столахъ. Подлѣ помѣщаются и клочки оберточной бумаги: это и есть импровизированныя салфетки для рта и рукъ.

За завтракомъ къ казенному не прикасаются; пансіонеры уходятъ изъ столовой, и въ коридорныя окна видно, какъ угощаются пансіонской пищей служители и сторожа. Послѣ завтрака опять пьютъ чай, и въ три часа также не обѣдаютъ... хоть одинъ-то день на своемъ, безъ казеннаго!.. Не занимаются и вечеромъ: заниматься въ «праздничный» вечеръ считается «мовз-сюже», — признакомъ дурного тона... Такъ празднуется въ пансіонѣ морозный день.

Теперь о театрѣ.

Какъ я уже говорилъ, разрѣшеніе купить ложу въ театрѣ давалось намъ инспекторомъ рѣдко. Нужно было, чтобы пьеса входила «къ кругъ предначертаній», чтобы воспитанники заслуживали подобнаго удовольствія и чтобы инспекторъ находился въ фазѣ благоволенія... Когда же всѣ требуемыя условія складывались для гимназистовъ благопріятно и приносилось «разрѣшаю» инспектора, радостямъ не бывало конца.

Тотчасъ же на извозчикѣ посылался за ложей дядька. Безъ дядьки пансіонеровъ, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не отпускали. Въ ложу набивалось насъ видимо-невидимо. Я теперь прямо недоумѣваю, какъ въ крошечную ложу провинціальнаго театрика набивалось 12—15 гимназистовъ. Меньше же насъ, кажется, никогда не хаживало.

Живо откладываются книжки. Не выучилъ всего,—это вѣрно; завтра будетъ трудно,—это вѣрно. Придемъ во второмъ часу ночи, а вставать въ шесть,—это тоже вѣрно... Ну, да все въ сторону... Только бы на нѣсколько часовъ отойти отъ казенной руки!

Вотъ семь часовъ. Вотъ половина восьмого. Лаврентій, что же?

— Воспитатель просматриваетъ списокъ.

— Господи, опоздаемъ!

— Конечно, опоздаемъ. Сельдерей. Пучеглазый.

— Господа, знаете, инспекторъ пришелъ!

Мы ежимся: вдругъ раздумываетъ?... Вдругъ кого-нибудь «исключить»?

Робко и молитвенно смотримъ мы на инспектора, мимо проходимъ какъ мыши и неслышно надѣваемъ пальто. Инспекторъ смотритъ черезъ очки. Господи, прониеси мимо!

Вотъ мы уже выстроились попарно. Вотъ воспита-

тель съ бумажкой. При инспекторѣ онъ хмурится особенно дѣловито и считаетъ насъ, обходя, какъ гусей.

— Пара... двѣ, четыре... Иванцовъ, Ткаченко,—четырнадцать... все вѣрно.

Улыбающійся швейцаръ (милый швейцаръ!) спѣшно распахиваетъ двери. Мы выходимъ. Ухъ, на свободѣ... Робко мигаютъ милые керосиновые фонари. Тихо смотрятъ милыя кургузья деревья... Сколько вокругъ самой интересной, чудесной публики!.. Какъ хорошо жить на свободѣ и какъ темно у насъ въ тюрьмѣ! Вотъ театральнй подъѣздъ. Вотъ околоточный надзиратель. Милый околоточный надзиратель! Онъ улыбается. Фу, какъ хорошо пахнетъ въ театрѣ керосиновыми лампами! Торопливо сбрасываемъ мы въ углу логи свои шапки, калоши и пальто. Что жъ изъ того, что шапка лежитъ рядомъ съ калошами?—Сейчасъ начнется представленіе!

— Купили ли афишу? — спрашиваетъ кто-то тревожно.

— Купили, конечно. Вотъ она. Господа, не раздадите маленькихъ.

Малютокъ мы не забываемъ. Малютки сидятъ у насъ на стульяхъ, а мы всѣ стоимъ.

Что такое? «Продавецъ птицъ»... Чудесно, прекрасно.

— Инспекторъ меня спрашиваетъ,—говоритъ улыбающійся дядька Лаврентій.—Не знаете ли вы, что такое «Продавецъ птицъ»? Я говорю: «Такъ, ничего,—птицъ, говорю, продаютъ. Смотрѣть можно».

Лаврентій, конечно, прихвастнулъ и желаетъ «похвастаться»; но—сейчасъ поднимается занавѣсъ!

— Господа, пожалуйста, не аплодируйте,—проситъ дядька,—мнѣ нагоритъ, да и васъ пускать не будутъ.

— Хорошо, хорошо... А что, Вольская участвуетъ?

— Участвуетъ, вотъ...

Мы, средніе, съ завистью смотримъ на старшихъ: до насъ что-то доходить! Какъ-то разъ Сидорчукъ говорилъ: «Вольская вчера поклонилась Трубину. Говорятъ, онъ за нею ухаживаетъ...»

Мы съ гордостью поглядываемъ на читающаго афишу Трубина. Вотъ, вырастемъ, и тоже будемъ кланяться Вольской... Тоже будемъ ухаживать.

Однако поднимается занавѣсъ. Сколько красавицъ! И всѣ поютъ.

Почему-то насъ чаще всего пускали на оперетки. Вѣроятно, въ городѣ, не имѣвшемъ постоянной труппы, чаще всего и подвизалась оперетка... Но помнится, намъ не разрѣшали ходить на нѣкоторыя драмы. «Тамъ въ нехорошемъ свѣтѣ выставлена семья, тамъ высмѣиваются священные чувства... » Намъ было это говорено.

Какъ бы то ни было, въ погонѣ за нашей чистотой начальство отпускало насъ почти исключительно на оперетки. И надо сказать правду, къ опереткѣ въ насъ последили любовь необычайную. Мы распѣвали опереточные мотивы, танцевали веселыя опереточныя «па», и познаться съ опереточной артисткой считалось нами за высшую честь.

Поднялся занавѣсъ, несутся невѣроятныя опереточныя пошлости, весьма часто двусмысленныя... а мы задыхаемся отъ наслажденія. Вотъ толстый комикъ постъ кушлеты.

— Bravo, бисъ!—оглушительно кричимъ мы изъ своей ложи. Мы забыли увѣщанія дядьки, не слышимъ его предостерегающаго шопота и, аллодируя во всю, не сводимъ глазъ съ своего любимца.

Антрактъ. Мы долго вызываемъ толстаго кушлетиста, считая пропѣтое имъ за живѣйшее остроуміе. Народъ направился изъ залы въ коридоры и театральное

фойэ. Съ завистью проходимъ мы мимо фойэ. Тамъ пьютъ кофе, кушаютъ фрукты... а намъ туда входить воспрещено.

Вотъ кто-то изъ товарищей—счастливецъ!—встрѣтилъ среди знакомыхъ бѣленькую барышню и ходитъ съ нею рядомъ по коридору, рассказывая что-то смѣшное... Онъ такъ счастливъ, что совершенно не замѣчаетъ насъ и все говоритъ и говорить... Ахъ, вотъ въ сторонѣ мелькнуло коротенькое розовое платье... Вотъ маленькія розовыя туфельки, мяткій, наивный голосъ, довѣрчиво улыбающіеся каріе глаза, нѣжно и невинно вьющіеся волосы, тонкая какъ вѣтка березки хрупкая рука... на одномъ пальчикѣ колечко и тутъ же—чернильное пятнышко... Ахъ, мы идемъ домой! Спектакль кончился.

Моросить дождь. Мы плетемся по неровному тротуару. «И зачѣмъ было итти?» Вотъ—второй часъ. Въ шесть вставать... Неготовые уроки... теоремы... «Водопадъ» Карамзина... «Представьте себѣ большую рѣку»... Ахъ, скверно!

Злые и молчаливые, мы раздѣваемся въ швейцарской и хмуро идемъ по голой каменной лѣстницѣ во второй этажъ, въ спальныя комнаты... Какъ тяжело!

Вотъ въ углу коридора сидитъ съ блѣднымъ, истомленнымъ лицомъ ночной сторожъ, капралъ. Подлѣ него на столикѣ старыя желѣзныя очки, какая-то заластанная книжка, часы съ будильникомъ. Устало-равнодушно смотритъ онъ на насъ; сидѣлъ онъ вчера, третьяго дня, годъ тому назадъ, пять, десять лѣтъ... и будетъ еще сидѣть—и завтра, и послѣзавтра, и черезъ мѣсяць, и черезъ два года, пока не умретъ или не прогонять. Сколько видѣлъ онъ ученическихъ смѣнъ! Передъ его глазами въ пансіонѣ поступали, учились, росли и выходили; появлялись новые, учились, томились, умирали,

опять уходили... Всегда у насъ къ слову «капраль» при-
слаивалось что-то тяжелое и пугающее. Мы не знали ни
его имени, ни фамиліи; мы знали только, что былъ онъ
«капраль», что были у него угрюмые глаза, черныя кос-
матыя брови, опущенная книзу голова и длинная бѣлая
борода лопатой... Про капрала говорили также, что на
одномъ его ночномъ дежурствѣ бросился внизъ съ лѣст-
ницы одинъ гимназистъ. Говорили про него, что былъ
онъ лунатикъ... Все это было страшно.

Съ нервною дрожью залѣзаю я подъ колючее казен-
ное одѣяло. Проходя по коридору, я взглянулъ на часы.
Два. Спать можно только четыре часа! Уроки не приго-
товлены, завтра математика... Чайкинъ... Ахъ, плохо! И
зачѣмъ было ходить въ театръ?..

Тихо. Спящіе говорятъ что-то сонными голосами.
Вотъ вскрикнули... Вотъ у кого-то упала подушка. Вотъ
встаетъ кто-то бѣлый... Лучше закрыться съ головою.

Темно. Милый родной домъ! Тамъ всѣ теперь спать.
Или, быть можетъ, мама тихо шепчетъ свои молитвы и
думаетъ обо мнѣ... Славный, чудесный домъ! Ты далеко,
далеко... а здѣсь такъ холодно, такъ чуждо... Мама, да
слышишь ли ты меня?..

Чу, шорохъ. Розовое платьице, розовыя щеки, зали-
тая тѣнью и въ то же время такіе ясные, все объясняю-
щіе глаза... Розовыя туфельки легко скользятъ по
паркету. Медленно я подхожу. Улыбается тонкое, не-
винное лицо. Глаза смотрятъ застѣнчиво-откровенно.
Вотъ тихая пальма въ углу полутемной гостиной. Мы
сидимъ рядомъ. Улыбается тонкое невинное лицо... «Я
васъ помню... вѣдь это же вы»...—я люблю васъ,
люблю... Ахъ, звонокъ!.. Пансіонъ пробуждается.

V.

Въ больницу.—Докторъ, фельдшеръ, служитель Салымбай.—Безъ начальства.—Ночь.—Смерть Шолохова.

— Господи, пошли мнѣ серьезную болѣзнь,—молился часто я въ пансіонѣ.—Пошли самую серьезную болѣзнь, чтобы попасть въ больницу и хворать долго-долго!

И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы я ни болѣлъ, ни на минуту не раскаивался въ своихъ моленіяхъ: до того въ гимназіи и пансіонѣ было мучительно-страшно.

Захворавшему у насъ завидовали, быть можетъ, такъ, какъ выигравшему двѣсти тысячъ. Хворать—на нашемъ языкѣ значило не слышать учителей, не получать единицъ, выговоровъ, не зубрить ненавистныхъ древнихъ исключеній,—словомъ, значило быть счастливымъ.

Для того, чтобы получить это счастье, дѣлалось многое. Напившись горячаго чаю, дышали зимой въ форточку; приставивъ къ груди острее ножа, смотрѣли на него въ теченіе получаса скошенными глазами, чтобы заболѣла голова; были и такіе, которые, чтобы избѣжать

уроковъ, нарочно съ разбѣгу ударялись объ уголь рукой или колѣномъ... Припоминая все это, я спрашиваю себя: вѣдь не всё же мы были «лѣнтяи и тунеядцы!» Какова же была обстановка «воспитанія и обученія», если двѣнадцатилѣтніе шли на это...

Утро. Полчаса девятого. Черезъ пятнадцать минутъ отправка на занятія. Въ швейцарской лихорадочное оживленіе. Нѣсколько человѣкъ съ растерянными лицами торопливо надѣваютъ пальто и бѣгутъ въ больницу. (Больница тутъ же, во дворѣ пансіона).

— Не оставитъ!—бормочетъ растерянный голосъ.— Если прогнать, — физику какъ-нибудь выучу на Божьемъ законѣ, а вотъ геометрію... Мало будетъ «нѣмецкаго» часа.

— Оставитъ, оставитъ, — успокаиваютъ говорившаго.— Не уйдемъ,—и все. Хотя самому плѣшивому *) жалуйся...

Бѣгущихъ въ больницу малышей останавливаетъ дядька.

— Смирновъ 3-ій, Ликинъ, Федотюкъ... Назадъ. Сейчасъ строиться!.. **).

— Да мы на минутку только, Лаврентій Ивановичъ,—просительно твердятъ малыши.

— Сейчасъ запишу,—угрожаетъ Лаврентій и вынимаетъ изъ рукава карандашъ.—Смирновъ 3-ій, Федотюкъ...—чертитъ онъ на бумажкѣ.

Часть малышей бросается вразсыпную.

Въ самой больницѣ шумно. Народу не мало. Все «чающіе».

---

1) Т.-е. директору.

2) Къ отходу въ гимназію.

Вотъ у окна стоитъ докторъ съ фельдшеромъ. Докторъ—сытый, толстый, красивый; фельдшеръ—маленькій, остроносый и юркій. Передъ докторомъ въ рядъ выстроилось нѣсколько подростковъ. Въ рукахъ фельдшера склянка съ ляписомъ и дугообразная кисть.

— Ну-ка, покажите горло, — говоритъ докторъ одному изъ больныхъ.

— А-а!—дѣлаетъ гимназистъ и бьется: привычная рука доктора вертитъ кистью въ его горлѣ.

— Теперь идите.

— Какъ?—удивляется гимназистъ.

— Это опасно. Идите, занимайтесь.—Докторъ улыбается.—Живо пройдетъ.

— Я... не могу,—съ отчаяніемъ говоритъ пансіонеръ.—Я серьезно боленъ, докторъ... Петръ Филипповичъ, право.

— Э, батенька!—Докторъ машетъ рукой.—Видите, сколько. Куда мнѣ васъ всѣхъ положить...

— А-а!...—дѣлаетъ другой гимназистъ.

— У васъ что? У васъ...—разспрашиваетъ докторъ.

Въ углу двое шепчутся.

— Если онъ не оставитъ, я все равно убѣгу послѣ большой перемѣны. А ты вели татарину принести чаю, купишь бубликъ и ждите... Ступай пока къ крану: намочи волосы и взъерошь хорошенько.

— Вамъ чего, мелкота?—обращается докторъ къ кучкѣ первоклассниковъ.

— Больны, Петръ Филиппычъ,—пищатъ тѣ.

— Салимбай, дай-ка касторки.

Изъ-за угла показывается слугитель-татаринъ съ огромной бутылью.

Въ паникѣ «болящіе» улепетываютъ въ пансіонъ.

А вотъ крошечный человѣчекъ. Костлявыя ручонки

запрятаны въ рукава куртки, лицо красное, все покрыто сыпью.

— Ну, а ты что?—улыбающееся лицо доктора вдругъ дѣлается серьезнымъ.—Э-э-э,—говоритъ онъ.— Сюда не ходи. Салимбай, въ заразное.

Служитель беретъ за руку перепуганнаго мальчика и ведетъ его прочь.

— Ну-ну,—добродушно-весело говоритъ онъ.—Ничего не будить. Все будить хороша. Иди, ваше благородія. Ай, плакать нельзя: барышнямъ смотреть, барышнямъ смѣется... какъ ви думаешь, ваше благородіе?..

Маленькій человѣчекъ и плачетъ и улыбается.

Въ общей палатѣ на койку ложится плутоватый подростокъ. Съ строгими гримасами подаетъ ему термометръ фельдшеръ.

— Поставьте.

Морщась, точно отъ боли, ставитъ гимназистъ себѣ градусникъ. Фельдшеръ ушелъ. Осторожно, осматриваясь по сторонамъ, вынимаетъ «больной» термометръ и ловкими щелчками «поддаетъ ему жару», повернувъ къверху ртутью.

— Тридцать восемь и пять,—шепчетъ онъ и укладываетъ термометръ на прежнее мѣсто.—Это достаточно.

— Ну-те-ка-съ,—говоритъ подошедшій фельдшеръ. Нахмурившись, долго смотритъ онъ на градусникъ. Брови его поднимаются.

— Ого!—значительно цѣдитъ онъ сквозь зубы.—А на видъ ничего... Вы не настукали?

— Ну вотъ; честное слово.

Фельдшеръ идетъ докладывать доктору.

— Должно быть, мѣстная... фибрисъ интермиттенсъ,—глубокомысленно замѣчаетъ онъ доктору. Тотъ занятъ разговоромъ съ вошедшимъ воспитателемъ.

— Положите его. Пусть... Такъ вы говорите, ознобъ? Покажите-ка языкъ...

Воспитатель показываетъ.

— Желудочное, конечно,—опредѣляетъ докторъ.

Въ сторонѣ съ оживленіемъ прислушиваются гимназисты.

— Слава тебѣ, Господи!—шепчетъ кто-то.—Кажется, захворалъ. Не придетъ на уроки. Я тебѣ говорилъ...

— А можетъ, онъ не серьезно боленъ?

— Seriously. Видишь, ругается.

Дѣйствительно, вышедшій отъ доктора воспитатель обрушивается на гимназистовъ.

— Господа, господа. Въ гимназію. Сейчасъ звонокъ, а вы тутъ вертитесь. Что же мнѣ, въ уголь васъ ставить, что ли? Вѣдь большіе... Экое мальчишество!

Воспитатель забираетъ отъ доктора рецептъ и идетъ къ пансіону.

— Петръ Филипповичъ, — обращается къ доктору кто-то изъ «выпускныхъ», — пожалуйста, оставьте, ничего не знаю.

— Ахъ, ну, ну,—говоритъ докторъ и осматривается.—Вѣдь вашихъ уже трое. Оставайтесь. Ужъ чего тутъ!

Счастливыцы скромно усаживаются въ больничныхъ покояхъ. Десять! бьютъ часы. Изъ пансіона, конечно, ушли. Теперь свободно.

Разомъ появляется оживленіе. Всѣ сходятся какъ тараканы изъ щелей и угловъ. Татаринъ Салимбай живо устраиваетъ столъ. Здѣсь не пансіонъ,—стелетъ скатерть. Разсыпая въ разныя стороны прибаутки, Салимбай спѣшитъ за чаемъ, сахаромъ и булками. Старшіе собираются за столъ въ ожиданіи. Начинается смѣхъ; слышны шутки. Свободно. Чудное, счастливое время! Улыбаются даже больные «по-настоящему».

— Какой хорошій барышнямъ сейчасъ встрѣтилъ,— смѣется Салимбай, появившійся съ утощеніями,— глазами такъ и стрѣляетъ! Ай-хай-хай!

Старое лицо Салимбая полно оживленія. Дергается изъ стороны въ сторону сѣдая клинообразная борода. Умные глаза все искрятся, все смѣются. Такъ розовы щеки у этого старика!

— Захворала нашъ преподаватель, — рассказываетъ онъ, ловко разставляя на столѣ кружки и тарелки.— Болитъ печенкамъ, болитъ селезенкамъ... Изругалъ меня—страсть!

Слушая рассказы, воспитанники съ благоволеніемъ осматриваютъ больничный потолокъ, стѣны и занавѣски. Занавѣски и стѣны—такія же, какъ въ пансіонѣ, и нѣтъ на стѣнахъ ничего, кромѣ иконы и термометра, но дышится такъ свободно, и казенныя стѣны кажутся не казенными. Поданъ чай.

— Салимбай, вотъ тебѣ кружка.

Скромно садится къ сторонкѣ татаринъ. Изъ аптечной комнаты доносится звонъ скляночекъ и легкое покашливанье.

— Евграфъ Тимоѣевичъ, чай пить.

— Я сейчасъ, господа,—кричитъ изъ своей комнаты фельдшеръ.—Только соображу...

Никто не допытывается, въ чемъ именно заключается «соображеніе» фельдшера. Разговоръ дѣлается шумнымъ. Салимбай пьетъ чай и все посматриваетъ, не подкрадывается ли начальство.

Въ самый разгаръ чаепитія входитъ фельдшеръ. Губы его улыбаются сдержанно-покровительственно, пальцы привычно играютъ цѣпочкой часовъ, на которой болтается побурѣвшая медаль съ надписью: «Не намъ, не намъ, а имени твоему».

Евграфъ Тимоѣевичъ морщитъ лобъ. Онъ любитъ

показать, что онъ—серьезный человекъ, и съ этою цѣлью въ разговоры свои часто вставляетъ латинскія цитаты и названія медикаментовъ.

— Сегодня я растиралъ, господа, кали броматумъ...

Конечно, его никто не слушаетъ: кому нужно «кали броматумъ» стараго фельдшера!

— Салимбаи, а ты давалъ капли Сироткину?—дѣловито освѣдомляется онъ у служителя.

— Давалъ, конечно... А какъ вы думаешь, ваше благородія?

Все знаютъ, что Салимбаи немного подсмѣивается надъ фельдшеромъ. Среди гимназистовъ ходитъ молва, что познанія Салимбая даже обширнѣе познаній его начальника... Но сейчасъ—рѣчь не объ этомъ; такъ много свѣжихъ, свободныхъ отъ гимназіи темъ! Завязавшимся разговоромъ увлекается и фельдшеръ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ—большой знатокъ въ политическихъ дѣлахъ.

— Англія! — выкрикиваетъ онъ, размахивая ложкой.—Она всему злу корень! Я бы ее такъ тряхнулъ, что изъ нея бы «пульвисъ» *) посыпалась!

Бесѣда затягивается надолго.

Вотъ и я лежу въ больничной палатѣ. Я—еще маленькій, двѣнадцатилѣтній. Ночь. Монотонно стучать часы. Громадныя окна затянуты грязно-сѣрыми драпировками. Съ потолка свѣшивается унылая казенная лампа. Отъ ея абажура на бѣлой стѣнѣ раскинулась черная тѣнь, похожая на фантастическую птицу. Желтый деревянный, тоже казенный, столикъ стоитъ посреди комнаты.

---

1) Пыль.

Лежу я на тощемъ мочальномъ тюфякѣ. У меня лихорадка, и больничный фельдшеръ надавалъ мнѣ хины въ огромныхъ облаткахъ, похожихъ на серебряные рубли. Одну изъ нихъ я кое-какъ проглотилъ, остальные двѣ спряталъ подъ матрацемъ кровати.

Въ головѣ стучить. Поталкиваетъ. Давить грудь.

Дззн... дззн... дззн...—звенить въ ухѣ, точно надъ головой ведетъ свою пѣсню назойливая оса.—Дззн... дззн... Тошнить. Кружится голова.

Это оса... Ихъ было такъ много. Огромные синіе ставни потическихъ оконъ были усѣяны ихъ красивыми гнѣздышками. Нашъ милый, милый старинный домъ! Когда мы приѣхали туда въ первый разъ,—въ первый разъ почувствовалось, что въ деревнѣ тихо.

Прежде—городская жизнь: родственники, знакомые, грохочущая мостовая... Здѣсь—безконечно тихо. Спать маленькія крестьянскія избы, спить тополевыя лѣсь, давнымъ-давно заснулъ нашъ старый помѣщичій домъ.

Я не помню того, что было въ немъ нехорошаго. Я забылъ. Не хочу вспоминать.

Къ этому дому, какъ къ старому, чуть живому старику, я не чувствую презрѣнія.

Огромныя двери, молчаливая таинственная пустота длинныхъ сумрачныхъ комнатъ; сырой, тоже таинственный воздухъ нежилого дома. Портретъ улыбающейся красавицы съ прекрасными кудрями. Красавица, кто ты?—говорю я теперь.—Кто цѣловалъ твое лицо, твои смѣющіяся губы? Я не знаю твоего имени. Скажи мнѣ, какъ ты жила здѣсь, какая изъ комнатъ была твоей, гдѣ ты спала, гдѣ одѣвалась? Не ты ли читала эту маленькую французскую книжку? Когда и зачѣмъ ты умерла? Жутко.

Дззн... дззн...—въ комнату снова ворвалась оса. Вотъ она носится надъ моей головой.—Дззн... дззн... Тошнить. Тяжело.

Старый служитель возится на кровати. Кажется, спитъ онъ плохо. Ему грезится домъ. Ужь десять лѣтъ, какъ онъ не былъ на родинѣ. Въ прошломъ году у него умерла жена, а передъ этимъ сына, рабочаго, убило молніей. За что?.. Дзнн... дзнн... Опять эта противная оса!..

Какъ пахнетъ липами! Милое блѣдное лицо матери. Она тихо, печально улыбается и гладитъ меня по головѣ. Вотъ еще лицо. Старое, больное, изморщенное. Слезятся глаза.

— Сына-то мо-его убило!—Старуха плачетъ.—И на похороны нѣту... Нѣтъ ни копейки.

Унылое тяжкое причитаніе звенитъ въ головѣ. Давитъ сердце. Безпокойно возится на кровати и вздыхаетъ старикъ.

Когда мнѣ сказали, что у насъ въ пансіонѣ умеръ ученикъ седьмого класса Шолоховъ, мнѣ ничуть не было страшно. Умеръ значитъ умеръ. Всѣ умирають. Больше я не думалъ ни о чемъ.

Случилось это утромъ. У старшаго за моимъ столомъ во время чая все дергалось лицо и кружка стучала о зубы. Кто-то всхлипывалъ въ зимнемъ сумракѣ. Воспитатель сидѣлъ не прикасаясь къ чаю и неподвижно смотрѣлъ передъ собой на скатерть. Ждали инспектора. Служители ходили типше обыкновеннаго и говорили какими-то особенно свистѣвшими голосами. Прибылъ инспекторъ. Насъ, маленькихъ, заперли въ младшей заимательной и не выпускали долго. И только подростки мы узнали, что Шолохову грозило исключеніе изъ гимназіи. Но изъ-за чего онъ умеръ? Это осталось для насъ тайной.

Увидали мы Шолохова только на отпѣваніи. Въ

приемной комнатѣ стоялъ гробъ, и изъ желтаго ящика глядѣло на насъ блѣдное лицо. Больше мы ничего не видѣли.

Горѣли большія свѣчи. Пришелъ священникъ. Тихо говорилъ съ инспекторомъ и учителями. Дьяконъ рѣжущимъ слухъ басомъ тянулъ похоронныя мелодіи; тихимъ жалобнымъ теноркомъ подтягивалъ ему священникъ. Сначала я смотрѣлъ, какъ у поющего дьякона багровѣла отъ натуги шея. Потомъ страшныя слова молитвъ, заунывные напѣвы охватили меня... Съ ужасомъ и тоской я началъ молиться.

— Ленева,—раздался за мной чей-то хриплый голосъ. Я не сразу обернулся.

— Ленева, подтяни брюки!—громкимъ шопотомъ приказалъ мнѣ дядька.—Всѣ оттопталъ.

Сурово и обидчиво дрогнула душа. Что онъ сказалъ?.. И когда?.. Умеръ человѣкъ, а онъ... о чемъ онъ думаетъ? Или то, что человѣкъ умеръ,—неважно? Или умеръ не человѣкъ? Внезапно и жутко выяснилось, что въ громадномъ каменномъ мѣшкѣ я совсѣмъ одинокъ, что тѣ, кто меня любитъ и понимаетъ, далеко-далеко, а здѣсь, вокругъ меня, чужіе суровые, нечуткіе и недобрые люди...

VI.

Еще о жизни въ пансіонѣ.—Во дворѣ.—Баня.—Танцы.—Спѣвки.—Спектакли.—„Изводки“.

Въ продолженіе восьми лѣтъ наша казенная жизнь проходила по преимуществу въ четырехъ мѣстахъ: въ пансіонѣ, въ гимназіи, въ пансіонскомъ дворѣ и на улицѣ. Последняго было, конечно, всего меньше. Бывало, сидишь послѣ обѣда за книгами, вдругъ звонокъ.

— Во дворъ!—кричитъ звенящій дядька, обходя занимательныя. — Господа, воспитатель приказалъ во дворъ.

Мы поднимаемся. Обыкновенно подрастающіе двора не любятъ. Они любятъ гулять по улицамъ.—Что интереснаго,—говорятъ они,—въ арестантскомъ дворѣ.

Дворъ былъ довольно большой, обнесенный каменными стѣнами и дѣйствительно похожій на дворъ тюрьмы. Стоявшимъ посреди его древнѣйшимъ, ежеминутно грозившимъ обрушиться, бревенчатымъ «цейхгаузомъ» дворъ раздѣлялся на двѣ неравныя половины.

Одна представляла изъ себя собственно садъ,—тамъ были акаціи, нѣсколько липъ и цвѣтникъ эконома,—другая половина, ограниченная съ противоположной отъ пансіона стороны конюшнями, баней и сараями, именно и называлась дворомъ. Это было пустое немощеное мѣсто, предназначенное для игры въ «лапту», въ лошадки, въ «чижижа» и т. п.

Собственно дворъ былъ предоставленъ мелкотѣ. Младшіе играли тамъ въ мячъ, дрались и бѣгали, старшіе же уныло прогуливались подъ липками или балакали съ фельдшеромъ.

Бывало во дворѣ, за цейхгаузомъ, гомонъ, крики, суетня... подъ липками же чтеніе и тишина необыкновенная. Развѣ только забѣгутъ двое малышей втихомолку поиграть въ бабки или въ «свайку», и опять тихо.

Нѣкоторое «оживленіе» въ пансіонское однообразіе вносила баня. Въ баню воспитанники ходили два раза въ мѣсяць; калтенармусъ каждому клалъ въ его клѣтку смѣну бѣлья, любопытную одной особенностью: вмѣсто носокъ ученикамъ давались «портянки», т. е. грубые тряпки-онучи. Непривыкшіе къ этимъ портянкамъ малыши подчасъ бились подолгу, прежде чѣмъ отправить обмотанную тряпкою ногу въ казенный сапогъ.

Полагалось каждому пансіонеру въ микроскопической дозѣ и мыло. Мыло это бралось у калтенармуса съ бою: инымъ удавалось въ суматохѣ захватить и двойную порцію. Торопливо и съ гикомъ неслись воспитанники въ баню, чтобы захватить себѣ мѣсто. Если не переждать сутолоку и войти въ это время въ предбанникъ, можно было наблюдать оригинальное зрѣлище. Полутемная комната аршинъ въ семь длиною оказывалась набитою пятнадцатью-двадцатью гимназистами. Одни стояли на полу и тутъ же раздѣвались; другіе гѣснились, раздѣваясь, по лавкамъ. Буквально некуда бывало просунуть

руку. Пальто каждаго гимназиста служило ему въ то же время своеобразнымъ чемоданомъ; въ немъ укладывались: шалка, калоши, башлыкъ, верхнее платье, поясъ, сапоги и вся смѣна чистаго бѣлья. Все это кое-какъ свертывалось въ трубку, завязывалось рукавами пальто и ожидало прибытія омовеннаго хозяина. Гдѣ раздѣвались, тутъ же, конечно, и одѣвались вымышіеся; случалось, что въ это время являлась новая партія жаждущихъ бани; морозная струя воздуха охватывала зимой выбравшихся съ раскаленнаго полка... Какъ только мы жили! Какъ не умирали,—достойно примѣчанія.

Въ самой банѣ стоялъ адъ еще горше предбаннаго. Десятками сидѣли на полу, иные кричали отъ духоты на полкѣ, немногіе счастливцы потаили на скамьи... Одни, конечно, дрались, другіе плакали изъ-за потеряннаго куска мыла, третьи хлестали другъ друга вѣшниками... Такія бани забываются не скоро.

Перебирая въ умѣ другія детали пансіонскаго житья, я не могу обойти молчаніемъ танцы. Но танцы являлись непріятностью лишь для меньшинства, для «бирюковъ», прятавшихся отъ танцмейстера подъ кровати спаленъ. Къ числу такихъ бирюковъ принадлежалъ и я. Непонятно мнѣ было, зачѣмъ это люди кружатся, обнявши другъ друга, и при этомъ еще притопываютъ ногами. Особенно непріятно было глядѣть на танцующихъ во время перерыва музыки: казалось, пара здоровыхъ людей внезапно сошла съ ума,—до того неестественны и нелѣпы были ихъ движенія.

Танцы у насъ преподавались такимъ образомъ: разъ въ недѣлю въ пансіонѣ заявлялись два старичка, чрезвычайно другъ на друга похожіе. Оба были сѣденькіе, оба плѣшивые, оба одѣты во фраки, оба съ длинными

носами и оба пропахшіе нюхательнымъ табакомъ. Но была и разница: одинъ былъ громаднѣйшаго, почти сажennaго роста, другой былъ малъ какъ аршинъ. Маленькій былъ танцмейстеръ, громаднѣйшій былъ его скрипачемъ.

Когда оба они появились въ занимательной, пансіонеры шептались:

— Пришла сахарная голова съ привѣскомъ.

Громадный садился въ уголокъ на стулъ и въ продолженіе часа или двухъ тоскливо пиликалъ что-то на скрипкѣ; а маленькій выстраивалъ насъ въ шеренги, чудовищно вывертывалъ намъ ступни ногъ и заставлялъ присѣдать или двигаться съ вывернутыми ногами, выкрикивая подъ щемящее душу пиликанье скрипки:

— Первый шассе! второй шассе! Третій шассе—и шагъ назадъ! Первый шассе! второй шассе! Третій шассе—и!—шагъ назадъ.

Сначала мы, конечно, ходили какъ медвѣди; потомъ я убѣждалъ и еженедѣльно прятался; весьма же многіе изучили «шассе» и затѣмъ подъ то же нытье скрипки выдѣлывали цѣль самыхъ странныхъ движеній, называемыхъ танцами. Иногда въ танцы вмѣшивался одинъ воспитатель, бородатый красавецъ и жентильомъ, кудрявый, пропахшій персидской сиренью и униженный перстнями. Воспитанники оживлялись тогда необыкновенно.

— Авансе! Режюле!—выкрикивалъ воспитатель, носясь между гимназистами словно угорь.—Авансе, кариссеме, квидъ тиби висъ *).

Послѣднія слова латинской фразы составляли его любимую поговорку. Галстукъ тогда съѣзжалъ у него на затылокъ, фалды виць-мундира оттопыривались, какъ у

---

1) Дражайшій, что тебѣ надо.

селезня... Признаюсь, я выходилъ въ такое время изъ своего убѣжища и принималъ къ дверямъ, любуясь на воспитателя-танцора.

Была въ нашей жизни еще «непріятность»: спѣвки.

Регентомъ хора былъ у насъ какой-то молодой бѣлокурый человѣкъ, по фамиліи Ручкинъ, служившій нѣкогда учителемъ чистописанія. Лицо у него было бѣленькое, глаза косенькіе, и припадалъ онъ на одну ногу... а спѣвки, какъ и многіе регенты, любилъ до безумія.

Когда насъ въ первый разъ согнали въ приѣмную комнату на пробу голосовъ и появился Ручкинъ, улыбавшійся, тихій, со скрипкой подъ мышкой,—насъ взяла оторопь. Болѣе смѣтливые поняли, что попасть въ пѣвчіе,—значитъ ходить на всѣ церковныя службы. Стало быть, маленькій, умильно улыбавшійся человѣчекъ вовсе не былъ такъ простъ, какъ это казалось съ перваго взгляда... Рѣшивъ это, каждый велъ себя уже съ осторожностью.

Такъ, когда регентъ настроилъ свою скрипку и ласково попросилъ:

— Ну-ка, миленькій, протяни ноту.

Каждый старался издать ее такимъ звѣринымъ голосомъ, что регентъ откатывался и, махая руками, говорилъ съ огорченіемъ:

— Не годится, нѣтъ!.. Не благоутробіе!

Только немногіе попались тогда на удочку и были немедленно произведены въ пѣвчіе.

Но если звѣриный голосъ освобождалъ отъ пѣнія въ церкви, то это еще не значило, чтобы онъ освобождалъ отъ пѣнія вообще. Напротивъ, наше начальство призывало къ пѣнію «безгласныхъ и бездыханныхъ»: не проходило недѣли, какъ въ нашъ пансіонъ являлся со скрипкой

регентъ Ручкинъ, и всякій изъ обитателей обязывался пѣть по силѣ возможности.

— Господа, пожалуйте на спѣвку,—приглашалъ регентъ, обходя занимательныя комнаты.—На спѣвку, на спѣвку.

Кто могъ прятался въ самыхъ укромныхъ мѣстахъ верхняго этажа; остальные же были забираемы регентомъ и отводимы въ садъ или въ одну изъ «занимательныхъ» для хороваго пѣнія. Впереди становились обыкновенно официальные пѣвчіе; за ними размѣщались просто пансіонеры. Регентъ задавалъ тонъ, и начиналось хорошее пѣніе.

Пѣли мы разное, но преимущественно, конечно, пѣсни патріотическаго содержанія. Такъ, особенной популярностью среди начальства пользовались: русскій народный гимнъ, «Отъ Урала до Дуная» и еще одна пѣсня, начинавшаяся такъ:

Свѣтлой радостью горя,
День торжественный встрѣчайте!..

Въ фаворѣ была и слѣдующая пѣснь, правда, не совсемъ складная, но достаточно благозвучная:

Знають турки насъ и шведы
И про насъ извѣстенъ свѣтъ.
На сраженъе, на побѣды
Насъ всегда герой ведетъ.

Намъ всегда внушалось пѣть именно «*ведетъ*», а не «*ведётъ*», чтобы не нарушалось благозвучіе пѣсни; если въ рифмахъ и были недочеты, зато давала пѣсня доброе настроеніе.

Мнѣ жаль, что я перзабылъ теперь, какъ ставились у насъ спектакли. Я помню только, что игрались у насъ пьесы на греческомъ языкѣ и ставились съ хорами и

танцами, при чемъ подвыпившіе артисты—восьмиклассники твердили, какъ говорятъ, все время съ разными интонаціями однѣ и тѣ же греческія фразы и ожесточенно стучали жезлами, изображая аѳинскихъ царей, а какой-то преподаватель физики, напрягая свое искусство, пускалъ изъ коридора, ведущаго въ уборную, на артистовъ «заходящее электрическое солнце»; помню еще, какъ подвыпившій Эдипъ, выпустивъ угрожающую греческую фразу, вдругъ, по условіямъ сцены, растянулся подлѣ будки суфлера, но больше ужъ и не вставалъ до самаго занавѣса; вспоминаю, какъ ставили мы «Бѣдность не порокъ», и Любимъ Торцовъ рычалъ, изображая плачущаго, въ воспитательскомъ халатѣ; упоминается также, какъ, по указу начальства, играли мы пьесу императрицы Екатерины II «О время!»—отъ которой осталась у меня въ умѣ одна фраза: «колько для тебя чувствительно»... Въ заключеніе мы ставили тогда живыя картины на тему державинской «Фелицы», и для Фелицы, помню, отыскивали самаго тучнаго изъ всѣхъ пансіонеровъ... Фелица показывалась мурзѣ, какъ водится, въ сіяніи, и курились, по положенію, «маки благовонны», и появлялась Фелица въ красной лентѣ, которая ссужалась на это время супругой директора... Больше не помню я ничего.

Разъ дѣло пошло на увеселенія, я долженъ сказать и объ «изводкахъ» воспитателей.

Подъ названіемъ «изводки» разумѣлись у насъ тѣ «сюрпризы», которые готовились учениками особо любимымъ воспитателямъ въ отмщеніе.

Старшая занимательная. Одиннадцатый часъ вечера. Всѣ старшіе гимназисты улеглись въ постели и разговариваютъ. Не занята только постель воспитателя Сви-

щова. Долговязый семиклассникъ Тихонъ Копыловъ сидитъ на кровати воспитателя въ одномъ бѣльѣ и готовитъ ему невѣдомыя муки, наливши въ туфли воды и зашивая рукава древнѣйшаго халата.

— Теперь будетъ ему, толстоносому,—говоритъ Тихонъ Копыловъ, основательно зашивши всѣ отверстія халата.—Не станеть, не бойсь, ставить колы.

Прочіе воспитанники съ наслажденіемъ ожидаютъ «симфоніи».

— Будеть, довольно,—говорятъ нѣкоторые злодѣю. Но Копыловъ не унимается: забравши въ руки плевательный тазикъ съ пескомъ, онъ кладетъ его межъ подушками въ изголовьи воспитателя и начинаетъ свертывать въ клубъ длинный половикъ спальной комнаты... Получается огромный клубокъ; притворивъ двери въ спальную, съ громадными усилиями подкатываетъ Копыловъ къ двери клубъ и едва успѣваетъ юркнуть подъ одѣяло, какъ доносится звонъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ. Мы знаемъ, что это идетъ съ двумя зажженными свѣчами въ рукахъ воспитатель, имѣющій къ тому же подъ мышками пуки тетрадей съ *extemporalia*.

Рѣшительный моментъ близится. Всѣ задыхаются отъ наслажденія. Всѣ закрылись одѣялами съ головами, оставивъ только небольшія щелочки для глазъ.

Звонъ приблизился. Воспитатель толкнулъ дверь. Жалобно звякнули другъ о друга подсвѣчники.

— Лаврентій! Капраль! Василій!—кричитъ воспитатель, дѣлая усилія проникнуть въ спальную.

Вотъ легкій шумъ. Клубъ откатывается, и въ раскрышіяся двери съ крикомъ летитъ воспитатель. Со звономъ падаютъ на полъ мѣдные подсвѣчники. Туча ученическихъ тетрадокъ взвивается на воздухъ, и точно снѣгомъ покрывается полъ вокругъ павшаго воспитателя.

Зацѣпившись за клубокъ, онъ опрокидывается вверх ногами и кричитъ во весь голосъ:

— Лаврентій! Сторожа! Дядьки!

Сбѣгаются сторожа, распутываютъ клубъ, собираютъ тетради, подсвѣчники и помогаютъ воспитателю подняться на ноги.

— Идите, идите!—говоритъ задыхающійся отъ испуга и ярости воспитатель и, тяжело дыша, начинаетъ пріоткрывать одѣяла надъ лицомъ каждаго «спящаго» по очереди, желая по выраженію лица узнать злоумышленника. Воспитатель ходитъ и трясущейся рукой откидываетъ покрывала. Тщетно горящіе огнемъ глаза жгутъ лица заговорщиковъ. Черты лицъ неподвижны, и прочесть о содѣянномъ нельзя.

VII.

О военной гимнастикѣ.—Прогулка перваго мая.—Выступленіе, при-
бытіе, явленіе попечителя, качанье учителей.

Характерной особенностью тѣхъ годовъ, въ которые я «воспитывался» въ гимназiи, былъ памятный всѣмъ пѣтеть милитаризма. Отголоскомъ его въ нашей «гражданской классической» гимназiи явилось необыкновенное пристрастіе къ гимнастикѣ. И не къ обычной гимнастикѣ,—а къ специально военной, къ фронтному ученію.

Мало того, что ученію этому зачастую посвящались цѣлые «классы»,—заботливое начальство назначало маршировки даже въ самыя неурочныя минуты: во время, напримѣръ, «большой перемѣны».

Обыкновенно «перемѣны», т.е. интервалы между уроками, были недолгосрочны: по пяти минутъ; зато большая перемѣна, во время которой ученикамъ предлагалось завтракать, продолжалась полчаса. Наскоро перекусивъ, многіе изъ воспитанниковъ слѣшили прорепетировать предстоящіе уроки; не тутъ-то было: трещаль

барабанъ, появлялся офицеръ, учитель гимнастики, и помощники классныхъ наставниковъ начинали расхаживать по классамъ съ криками:

— Строиться на гимнастику.

И не только малыши, но и самые великовозрастные, даже «выпускные» обязывались выстраиваться въ шеренги и выдѣлывать всевозможныя «па» и артикулы.

Гремѣлъ барабанъ, и размѣренными шагами, отъ которыхъ содрогались полъ и гимназическія стѣны, проходили воспитанники, отъ мала до велика, передъ восхищенными глазами учебнаго начальства.

Можетъ быть, преподаватели древнихъ языковъ видѣли себя въ это время разными Мильтіадами и вспоминали Мараѳоны и Кавдинскія ущелья; можетъ быть, директору грезилась подъ бородой блестящіе ордена... Только «гимнастика» шла, и все громче и громче отстукивали ноги воинствующихъ гражданъ.

Надо сказать, что всѣ болѣе или менѣе подростшіе гимназисты относились къ этого рода упражненіямъ съ особенной ненавистью. Когда я былъ еще маленькимъ, мнѣ доводилось быть свидѣтелемъ столкновеній выпускныхъ съ инспекціей по поводу этой гимнастики; инспекторъ приказывалъ строиться,—восьмиклассники не шли; но вскорѣ «вѣянія времени» стали суровѣе, и сообразно этому мельчалъ протестующій народъ. Въ мое время «артикулы» были въ полномъ расцвѣтѣ, и протесты выражались только за спиною инспектора...

Только разъ въ году военную гимнастику встрѣчали всѣ съ нескрываемымъ сочувствіемъ. Это бывало въ день перваго мая, когда вся гимназія, учащая и учащаяся, отправлялась на весеннюю прогулку.

* Майская прогулка обыкновенно назначалась накануне, и къ ней дѣятельно готовились какъ гимназія, такъ и пансіонъ. Гимназія усиленно репетировала разныя

«равненія» и «марши», пансіонъ заготовлялъ провизію, кастрюли, самовары, салфетки и скатерти (последнее, конечно, для учителей).

Съ ранняго утра обнаруживалось въ пансіонѣ самое праздничное настроеніе. Особенно веселилась мелкота: идти подъ музыку, имѣя въ перспективѣ яблоки и главное—цѣлый день не учиться, т.-е. не отвѣчать латинскихъ вокабулъ и не получать единицъ,—все это было слишкомъ заманчиво.

Къ девяти часамъ на площади передъ гимназіей выстраивалась огромная толпа гимназистовъ. Полчище дѣлилось на взводы и шеренги (боюсь, что я перезабылъ военныя названія); у каждаго взвода, у каждой шеренги стояло по начальнику изъ старшихъ учениковъ. Въ отличіе отъ подчиненныхъ они одѣвали на гимназическія блузы офицерскіе пояса.

Предводительство принадлежало, конечно, директору, но на практикѣ бывало въ рукахъ учителя гимнастики.

Выступали гимназисты въ такомъ порядкѣ:

Шествіе открывалось директоромъ и учителемъ гимнастики. За ними шель капельмейстеръ, затѣмъ слѣдовалъ оркестръ духовой музыки, послѣ этого тянулись шеренги маленькихъ гимназистовъ, за которыми выступалъ «средній возрастъ». Процессія заключалась старшими.

Гремитъ музыка; окруженные уличными мальчишками идутъ по-военному гражданскіе гимназисты. Облака пыли вылетаютъ изъ-подъ усердныхъ сапогъ. По бокамъ идутъ взводные начальники, инспекторъ и учителя. Вотъ полчище проходитъ по главной улицѣ; изъ дверей магазиновъ выглядываютъ аптекари, бакалейщики; бранятся извозчики и сѣдоки, которымъ процессія преградила путь. Мы идемъ по немощенымъ переулкамъ;

пыльные облака превращаются въ тучи; на лицѣ инспектора во всѣхъ морщинахъ образовались сѣрыя полоски; мы все идемъ и идемъ. Вотъ мы за городомъ. Сигналь. Остановка. Съ удовольствіемъ разсаживаемся мы на молодой весенней травѣ. Кое-кто вынимаетъ изъ кармановъ закуску. «Стройся!» Опять идемъ.

Идемъ мы и часъ, и два; наконецъ всѣми овладѣваетъ апатія. Кажется, все будетъ равно, если прикажутъ идти и недѣлю и мѣсяць. Что жъ, такъ и будемъ переставлять ноги, увязающія въ пыли... Палящая духота.

Но вотъ въ лицо повѣяло сыростью. Близко рѣка. Вонь лѣсокъ, пансіонскій обозъ. Трубятъ. Остановка. Кончено. Всѣ укладываются чуть не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ остановились.

Однако надо вставать: вдали слышны крики. Пансіонскіе служители раздають гимназистамъ изъ громадныхъ корзинъ по половинѣ французской булки. Въ одинъ мигъ около корзины—несмѣтная толпа, крики, шумъ, давка. Трещать подъ напоромъ гимназистовъ корзины; вотъ служители опрокинуты. Идетъ расхищеніе казеннаго добра. Болѣе сильные захватываютъ по двѣ и по три порціи, запихивая булки за пазухи. Увѣщанія класснаго наставника недѣйствительны: тщетно записываетъ онъ ослушниковъ въ памятную книжку. Въ сторонѣ на деревянныхъ столахъ разставлены пансіонскія кружки. Одинъ изъ служителей засыпаетъ въ каждую порцію песочнаго сахара, другой цѣдитъ изъ огромнаго чайника чай, третій доликаетъ кипяткомъ. Кружки расхватываются съ бою. И здѣсь смятенье, и здѣсь шумъ. Гдѣ же учителя? Наставниковъ нѣтъ.

Если тайкомъ прибѣжать къ черному крыльцу близъ стоящей порожней дачи, можно увидѣть немало любопытнаго. Накрывается бѣлоснѣжной скатертью столъ;

десятокъ служителей устанавливаетъ яства и питія. Невольно вспоминается державинское:

Тамъ пышный окорокъ вестфальской,
Тамъ звеня рыбы астраханской...

Все это для наставниковъ.

Во время обѣда (гимназистамъ въ это время скромно предлагается по котлетѣ или по куску жаренаго мяса) въ порожней дачѣ дѣлается шумно. Стулья усащаются преподавателями и ихъ женами; идутъ ароматы отъ гастрономіи и винъ. Разговоръ, какъ водится, дѣлается непринужденнымъ. Лица розовѣютъ, лица улыбаются... Синусы, косинусы и уть консекутивумъ! вы позабыты.

Среди воспитанниковъ однако появляется нѣкоторое разочарованіе. Но можно ли быть сытымъ отъ щедротъ казны? Вотъ почему всѣ, кто только могъ, запаслись «финансами». Къ ихъ услугамъ разные торговцы: покупается сыръ, ветчина, хлѣбъ, лакомства; здѣсь же, въ сторонкѣ, предлагаются лимонады и квасъ... Отойти немного подальше, къ лѣску,—пиво; нѣсколько шаговъ къ рѣчкѣ,—водка. Разумѣется, тайные маркитанты всегда на чеку. Установлены наблюдательные пункты. Если же и тутъ промахъ,—«п ь е т с я ч а й». «Вотъ-съ чайничекъ, вотъ-съ самоваръ».

Впрочемъ, здѣсь не до ревизіи: преподаватели празднуютъ сами. Притомъ и элементъ все надежный: средніе да старшіе воспитанники.

Среди празднованія вдругъ разносится какъ громъ изъ яснаго неба:

— Ъдетъ попечитель!

Трепещитъ барабанъ, ревутъ трубы. Быстро сбѣгаются съ разныхъ сторонъ гимназисты. Строятся шеренги. Собираются и заалѣвшіе преподаватели. Учитель гимна-

стики волнуется и ищетъ потерянную саблю. По пыльной дорогѣ несется коляска. Какъ флагъ вѣетъ сѣрая борода.

Строй готовъ. Еле стоятъ подлѣ шеренгъ наспиртованшіеся взводные. У иныхъ намочены головы, иные, «посвѣжѣе», сдѣлали себѣ, съ позволенія сказать, «фридрихъ-хераусъ». И все «чисто», какъ оно и требуется.

Изъ подкатившей коляски высаживается супруга попечителя. Вотъ и онъ самъ. Идетъ по флангу.

— Здравствуйте, гэсь-пода!

— Здравія-жела-ваш-пр-ство!—совсѣмъ по-военному выкрикиваютъ гимназисты.

Послѣ этого насъ, какъ ученыхъ медвѣдей, заставляютъ «дефилировать» передъ лицомъ высшаго начальства. Гремить музыка. Разъ-два! Молодцами проходятъ гражданскіе гимназисты.

— Молодцы, гэсь-пода!

И какъ бы въ награду за «отмѣнное состояніе» появляются корзины съ маленькими, плюгавыми, кислыми казенными яблоками.

— Урра!..—разносится по полю. Уже на глазахъ вышняго начальства происходитъ разгромленіе корзины. Около яблоковъ—живая человѣческая каша. Сѣрая масса кишитъ подлѣ опрокинутыхъ корзины; слышны крики, пискъ, вопли. Служители отошли: дай Богъ унести ноги. Шумно... но—этотъ маленькій либерализмъ!.. Если хотите, онъ даже хорошъ, этотъ маленькій либерализмъ!..

— Я довв-елень... довв-елень...—Тускло блестятъ холдные нѣмецкіе глаза.

Съ растопыренными руками, точно оберегая драгоценный хрустальный сосудъ, идетъ позади и вокругъ «свита». Двери пустопорожней дачи закрываются.

Старшіе отходятъ — кто въ лѣсокъ, кто на рѣчку

Но вот сигнальный рожок. Что такое? Правда, не всё гимназисты, но многие идут на зовъ.

Попечитель—въ пестрой цѣпи дамъ.

Спотыкаясь, бѣжить на цыпочкахъ какой-то дряхлый преподаватель. Безъ шапки. Топчая вспотѣвшая шея. Жалко сѣменять ноги.

— Его пр-ство изволиль...

Дальше ничего нельзя разобрать.

— Музыка! Музыка!—кричитъ кто-то.

Вокругъ музыкантовъ собирается толпа.

— Рьосскій нарѣднѣй гимнъ!

Всѣ снимаютъ фуражки.

— Гэсъ-по-да... хорь-омъ!

Всѣ затягиваютъ хоромъ.

— А теперь... танцы...

Мигомъ очищаютъ классные наставники площадку для танцевъ.

— Рьосскую... Ка-заччьекъ!

Воспитанники мнутъ. Преподаватели «внушаютъ». Вотъ выходитъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Одобренный мальчикъ!

Гремитъ музыка. Мальчикъ танцуетъ «казачка».

— Я довв-елень... довв-елень...—Качается изъ стороны въ сторону сѣрая борода.

Подается коляска.

— Здра-жела-ваш-пр-ство!

Коляска уносится прочь.

Вечерѣтъ. Стихаетъ палящая жара. Старшіе гимназисты бродятъ особыми кучами и о чемъ-то шепчутся. Проходитъ инспекторъ. Съ крикомъ и ревомъ набрасывается толпа на старика. Лицо инспектора дергается отъ гнѣва и страха.

— Качать, качать!—ревутъ голоса.

Мгновенно вся площадка покрывается гимназистами.

— Назадъ! Стойте, я... или...

Инспекторъ не договариваетъ. Лысая тщедушная фигурка взлетаетъ на воздухъ. Вотъ на заходящемъ солнцѣ сверкнула лысина. Сморщенное ожающее лицо мелькнуло и исчезло. Взметнулись ноги. Взылились фалды. Кончили. Инспекторъ бранится. Но подлѣ никого нѣтъ.

Поправляя разорванное платье, прихрамывая и почесываясь, спѣшитъ инспекторъ къ порожней дачѣ. Если онъ былъ непопулярнъ,—въ процедурѣ «качанья» были ощутимы и неприятности. Инспектора брали «на сжатые кулаки».

Завидѣвъ «начало», прячутся учителя. Разъ въ годъ, только разъ въ годъ покорные питомцы «системы» дѣлаются непокорными. Инспекторъ, директоръ — все равно. Вотъ вскинули на воздухъ нелюбимаго классика. Вскинули высоко и—разбѣжались. И печальное и отвратительное зрѣлище.

Вотъ, отмахиваясь зонтикомъ, бѣжитъ отъ подвыпившихъ гимназистовъ «самъ». Чтобы не уронить своего достоинства, онъ старается выступать солидно и выбрасываетъ ногами круто, какъ призовой рысакъ. Но у самой дачи онъ вдругъ сробѣлъ и побѣжалъ.

Поймали. Грузно вскинулось тѣло директора. Нѣтъ сомнѣнiя, что упадетъ онъ на «кулаки». Вотъ онъ повернулся въ воздухѣ и летитъ на поднятыя руки выпуклымъ животомъ. А вотъ, прихрамывая, бредутъ два гренадера: историкъ и математикъ. На спинахъ вицмундиры разодраны надвое, на лицѣ ссадины.

Поздно вечеромъ расходятся гимназисты.

VIII.

Послѣдній годъ.—Впечатлѣнія.—Весенняя подготовка.—Экзамены.—
Къ университету.—Заключеніе.

Послѣдній годъ! Какъ звучить это мягко и зазывно! Послѣдній годъ,—это значить, что придетъ новая весна, и я буду новымъ человѣкомъ, далекимъ отъ сѣрой форменной блузы, отъ форменнаго пальто, отъ фуражекъ съ вѣточками, именуемыхъ «кепи», отъ латинскаго и греческаго языковъ, отъ математики и сморщеннаго желтаго инспекторскаго лица... Придетъ весна,—и я не буду слышать:

— Въ кар-церъ! Безъ ужина! Безъ матраца!—Не буду выслушивать грубой ругани, издѣвательствъ, насмѣшекъ... Я никогда больше не войду въ двери гимназіи...

Но прежде чѣмъ достигнуть свободы, предстояло пройти сквозь строй всевозможныхъ «испытаній». Ужь многое написано объ этихъ экзаменахъ; дѣлались затѣмъ и извѣстныя «ослабленія» и опять шли назадъ, въ нашу

же жестокую эпоху всевозможных «испытаній» были въ самомъ цвѣту. Испытаній набиралось такъ много, что къ концу ихъ отъ и безъ того нежирнаго классическаго гимназиста оставались буквально кости да кожа.

Я забылъ теперь точное число тѣхъ экзаменовъ, которыми мы подвергались въ свое время при выпускѣ изъ гимназіи, а пересчитать число ихъ вновь по программѣ, каюсь, недостаетъ силъ. Кажется, испытаній было около двухъ дюжинъ. Первая дюжина была «письменная», вторая—«устная». При всей своей антипатіи къ тѣмъ и другимъ экзаменамъ долженъ все же отдать нѣкоторое предпочтеніе «испытаніямъ» письменнымъ: сидишь все-таки за столомъ, есть время подумать, педагоги хотя и навѣдываются, но въ общемъ находятся далеко.

Когда же на «устномъ» вытянуть сажени на двѣ зеленый столъ, да усядутся за нимъ въ линію мѣдныхъ пуговицы,—тутъ на забитаго и задерганнаго гимназиста нападаетъ такая жуть, что всѣ синусы и котангенсы обращаются въ какой-то липкій блинъ.

И чего-чего только ни выдѣлывали воспитанники изъ чувства самосохраненія! Я не говорю ужъ о томъ, что имѣтъ «подстрочникъ» или другое «пособіе» ставилось чуть ли не въ обязанность всякаго порядочнаго гимназиста; что обмануть бдительность экзаминатора считалось чуть ли не отпущеніемъ грѣховъ; въ памяти благодарнаго ученичества были живы имена многихъ «сподвижниковъ», изобрѣвшихъ новые способы къ «облегченію» экзаменовъ или пожертвовавшихъ, во благо потомства, свои сочиненія на разные темы *).

«Независимо сего»,—какъ любилъ выражаться нашъ директоръ,—для успѣха въ экзаменахъ практиковались надписи на программахъ, на рукавахъ, на ногтяхъ, на

1) Сочиненія эти переписывались обладателями ихъ, при совпаденіи темы, почти слово въ слово, и такъ шло изъ года въ годъ.

ладоняхъ. И однако итти подъ глаза «сычей» бывало настолько страшно, что многіе пили валеріановыя капли или завязывали себѣ зубы, чтобы «экзакуція» продолжалась возможно меньше.

Должно быть, даже начальство признавало особую серьезность выпускныхъ экзаменовъ: для пансіонеровъ-восьмиклассниковъ отводилась на время подготовки особая комната. Слыла молва, что комната эта во время оно была «неприкосновенна»: будто бы воспитатель не имѣлъ права не только ревизовать ее, но даже въ ней и появляться; далѣе, подготовлявшіеся восьмиклассники могли не являться по звонку къ чаю, освобождались отъ вечерней и утренней молитвъ... Въ мое время отъ всей этой «свободы» существовали лишь печальныя воспоминанія; воспитанники, правда, поговаривали о томъ, чтобы не приходить на общія молитвы, но стоило лишь появиться воспитателю и сказать:

— Господа, на молитву!

И всѣ уныло-медленно пошли на зовъ.

Однако и въ наши суровыя времена эта эпоха подготовки была достаточно интересна.

Вѣдь въ это время обыкновенно уже цвѣла весна. Выпускные не ходили на занятія, всѣ остальные гимназисты еще учились.

Помню. Прозвенѣлъ звонокъ. Внизу послышался шумъ. Одѣваются. Сидя во второмъ этажѣ, мы слушаемъ этотъ гулъ съ удовольствіемъ: скоро уйдутъ. Вотъ легкое пререканіе съ воспитателемъ на почвѣ «калошного топота». Рывкнула дверь: швейцаръ выпускаетъ «барановъ». Опять стукъ. Дверь захлопнулась. Тихо. Во всемъ пансіонѣ, не считая служителей, мы одни. Нѣтъ дядекъ, нѣтъ воспитателя. Чудесно! Тонкое ощущеніе тихой радости наплываетъ на душу.

Одни изъ товарищей пьютъ чай; другіе уже читаютъ,

разлегшись на постеляхъ пансіонскихъ спаленъ. Вотъ кто-то, мелкорослый, умѣстился въ окнѣ и гудитъ надъ книжкой. Болѣе беззаботные что-то напѣваютъ. Мы одни.

Горячо весеннее солнце. Не хочется сидѣть въ комнатахъ. Накинувъ въ швейцарской свое ватное пальто *), мы выходимъ во дворъ. Пальто, разумѣется, не отъ холода: куда!—двадцать градусовъ жары. Мы пользуемся пальто какъ подстилкой, чтобы улечься съ книгой «въ тѣни акацій». На деревьяхъ юная зелень, по вѣтвямъ перелетываютъ голуби, задорно кричатъ воробьи... Такъ не хочется читать книги! Такъ и смотрѣлъ бы въ яркое, молодое весеннее небо съ таящими въ высотѣ бѣлоснѣжными тучками... А тутъ: «квадратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ катетовъ». Небо,—и какая-то гипотенуза!.. Однако нельзя думать о небѣ... надо думать обязательно объ этой чудовищной гипотенузѣ.

Нѣжно свѣшиваются къ лицу задумчивыя вѣтви радующейся липы. Зачѣмъ я обязанъ знать, что при восклицаніи ставится по-латыни винительный падежъ, а не знаю, какъ растутъ чудесныя липы и какъ оплодотворяются блѣдныя чашечки сонныхъ лепестковъ?

Лѣниво кружится надъ книгой шаловливая бабочка. Она ищетъ мѣста, чтобы сѣсть и отдохнуть, кружится надъ зіяющей алгеброй и словно не рѣшается присѣсть къ этимъ мертвымъ теоремамъ. Вотъ она сѣла—и сейчасъ же торопливо, точно сознавъ свою ошибку, летитъ прочь. Знаешь ли ты, какъ не хочется заниматься алгеброй, милая бабочка?..

«Тангесъ С, котангесъ D»... Вотъ изъ деревяннаго ящичка осторожно выползаетъ экономовскій кроликъ. Онъ очень умно складываетъ свои длинныя ушки и

---

1) Лѣтнихъ пансіонерамъ не давалось.

дѣльно посматриваетъ вокругъ. Вотъ онъ подползаетъ, обнюхиваетъ руки. Онъ хочетъ ѣсть.

А что онъ ѣсть? Ей-Богу, не знаю. Я не знаю ничего, кромѣ того, что покрыто плѣсенью тысячелѣтій, того, что мнѣ нужно знать еще только какихъ-нибудь два мѣсяца... Какъ живетъ кроликъ, чѣмъ живетъ? Каково у него кровообращеніе? Не знаю. Да что тамъ кровообращеніе кролика!.. Я не знаю точно, какъ живу я самъ, самъ, здѣсь лежащій и читающій алгебру. Я знаю, что у меня есть сердце, потому что сердце мое замираетъ передъ уроками математики; а какъ живетъ и какъ дѣйствуетъ это сердце,—нѣтъ, не знаю. Меня не учили. Если сейчасъ этотъ малышъ, сынъ калтенармуса, упадетъ съ лѣстницы, на которой балуется, и сломаетъ себѣ ногу, я окажусь при немъ бесполезенъ какъ дерево. Мальчикъ истечетъ на моихъ глазахъ кровью, умретъ, а я буду только метаться и кричать. Зато я знаю наизусть латинскіе предлоги.

— Мальчикъ умеръ! Почему вы не помогли во время?

— Потому что я знаю наизусть латинскіе предлоги. Я знаю только это!

— «А» координируетъ, «Б» субординируетъ...

— Что вы бормочете, Петровъ?

— Жарко.

— Противно!

— Жарко и противно. Прощайте.

— «Алживіадъ былъ богатъ и знатенъ»...

— Бросьте это, Сокольскій.

— Нѣтъ, что же... Ужъ надо...

— Право, бросьте. Пойдемте лучше водки выпьемъ.

— Жарко.

— Да будетъ, не ломайтесь. Пашка досталъ зубровку. Знаете, черезъ соломинку... Уговорилъ?

— Идемте.

Съ улицы слабо доносится трескъ экипажей. Всего только одна стѣна,—и на свободѣ. Стѣна бы не бѣда,—но на плечахъ цѣлый ворохъ книгъ: теоремы, аксіомы, переводы... Надо обязательно перешагнуть черезъ нихъ, иначе передъ глазами вырастетъ другая стѣна. Съ высоты льется невинная пѣсня. Жаворонокъ, какъ ты сюда попалъ? Затѣмъ? Ты не ошибся? Видѣлъ ли ты нашъ старый деревенскій домъ, пролеталъ ли надъ ветхими избами русскаго мужика? Это не ты пѣлъ ему пѣсню надъ его «осминникомъ»? Не ты рассказалъ, какъ умеръ съ голоду Власъ Горюновъ? Нѣтъ, объ этомъ въ нашихъ книжкахъ ничего не написано. «Дальше Гоголя не итти!»—вотъ «руководящія» слова. Я вижу передъ собой надменное лицо директора. Директоръ быстро размахиваетъ изъ стороны въ сторону указательнымъ пальцемъ и говорить:

— Дальше Гоголя не итти!

Посреди двора, на кучѣ щебня, сидитъ, щуря подслѣповатые глаза, «ночной капралъ». Онъ все время словно къ чему-то прислушивается и угрожающе постукиваетъ клюкой, неслышно что-то говоря. Намъ извѣстно, что недавно у него умерли на заводѣ оба сына. Что слушаетъ и что шелчетъ несчастный капралъ? Вотъ вихляющими шагами подходитъ къ капралу фельдшеръ. Видно, что ему тоже нечего дѣлать. И именно оттого, что ему

нечего дѣлать, фельдшеръ дотрогивается рукою до лба капрала и потомъ щупаетъ ему пульсъ. Я подхожу.

— Англія!—говоритъ фельдшеръ.—Она всему злу корень. Я бы ее такъ тряхнулъ!..

Я отхожу: вещь извѣстная.

Съ площадки «цейхгауза» доносится гудѣнье. По скрипящимъ, еле живымъ деревяннымъ ступенямъ поднимаюсь я на терраску. Нѣсколько восьмиклассниковъ лежатъ за книжками на распростертыхъ по полу пальто.

— Тише, господа,—говоритъ кто-то.—Терраса жиблется. Я смотрю внизъ: высоты двѣ сажени! Терраска дѣйствительно покачивается. Какъ это мы еще цѣлы!

На слѣдующее утро я встаю въ два часа ночи. Какая это ночь! Совѣмъ свѣтло. Открываю окно. Свѣжо, чудесно... цвѣтеть небо и цвѣтеть душа. Бѣгаетъ чуть замѣтный вѣтеръ,—полный сладкой тоски вѣтерокъ. Такъ не хочется зубрить! Въ распахнутомъ окнѣ уже засѣли два товарища. Однако они не читаютъ. Что это? «Секретный разговоръ». Смѣются. Я подхожу. Передъ глазами картина: на крыльцѣ цейхгауза спятъ подъ тулупомъ двое. Это служитель Прокопій съ женою. Отхожу. Слишкомъ ужъ чисто на вешнемъ воздухѣ. Прошло десятка два лѣтъ, а онъ все еще точно струится по душѣ.

Идутъ экзамены. Мы пишемъ, списываемъ, стараемся позаимствоваться другъ отъ друга чѣмъ нужно, для чего сходимся въ заранѣе условленныхъ мѣстахъ; бросаемъ другъ другу посредствомъ резиночекъ «шшаргалки»... и всегда поражаетъ во всѣхъ экзаменахъ одно и то же: случайность, несообразность, бездоказательность.

Вотъ, свалены письменные экзамены. Слава Богу, хоть половина позади. По этому случаю устраивается пирушка; пьютъ много водки, но главное еще впереди.

Одно за другимъ проходятъ и усныя испытанія: передъ началомъ трепещешь, во время отвѣта ненавидишь. Сидятъ такъ спокойно, смотрятъ въ глаза такъ хлодно-безстрастно... Вотъ—смятеніе: идетъ окружный инспекторъ. Прыгаютъ на щекахъ сивые бачки, усмѣшка кривитъ сухія старческія губы. Сѣлъ. Протираетъ пенснэ.

— Не знаетъ! Не знаетъ!

— Нѣтъ, я знаю,—говорю я.—Я только спуталъ, потому что не спутать нельзя.

— Пессю...—презрительно шикаетъ инспекторъ.

Директоръ глядитъ на меня строго: можно ли такъ отвѣчать вышнему начальству?

Однако я дѣлаю надъ собой усиліе и припоминаю. Экзаменъ сходитъ благополучно.

Близится лѣто; а съ лѣтомъ растетъ и увѣренность: все кончится!.. Вотъ еще только два испытанія. Только одно. Кончилось послѣднее! Шатаюсь, я выхожу изъ гимназіи.

Куда? Я не знаю. Да развѣ это не все равно? Нѣтъ больше гимназіи! Кто это? Ахъ, это тоже кончившіе! Что это они ѣдятъ? Мороженое? Хорошо, пусть будетъ мороженое. Что же изъ того, что сливки отзываются скипидаромъ: въ маленькомъ садикѣ такъ хорошо! Вотъ кто-то идетъ. Какое чудесное на этомъ чиновникѣ форменное пальто! Неужели это акаціи, а это скамья, на которой сижу я, я, окончившій гимназію? И неужели это барышня идетъ: какая смуглая и тоненькая у нея шейка!.. Или это ангелъ сбѣжалъ съ того облака бѣленькій? Развѣ человекъ можетъ такъ улыбаться?—Боже, мой, какъ хорошо жить, милая барышня!

— Собирай, ребята, деньги,—командуетъ коротенькій Чумаковъ,—и чтобы никто и не смѣлъ думать меньше трешницы.

Что жъ, трешница, такъ трешница. Какія славныя пичужки! Неужели это простые воробы?..

Въ садовой бесѣдкѣ шипитъ насосъ. Толстая буфетчица наливаетъ въ кружки какой-то диковинный «лимонадъ». Лимонадъ такъ и отзывается купоросомъ... Но неужели умрешь въ первый же день окончанія гимназіи?..

Зовутъ къ обѣду. Нѣтъ, куда!—развѣ можно обѣдать въ этотъ день?

Громадной толпой спускаемся мы къ рѣкѣ.

Вотъ нѣсколько лодокъ. Мы не торгуемся съ хозяиномъ. Кто можетъ теперь торговаться?

— Смотрите, не утоните,—добродушно говоритъ хозяинъ и улыбается.

Смѣшной старикъ! Кто пожелаетъ утонуть, окончивъ весь гимназическій курсъ?..

Около рулевыхъ—цѣлыя горы кульковъ съ бутылками, жестянками и хлѣбомъ. Кто-то сѣлъ на стаканы. Все равно. Отчаливаемъ. Вотъ мы на серединѣ рѣки. Будетъ пьянство,—это безобразно. Будутъ пѣть казарменные пѣсни, но—гимназія позади! У инспектора вдругъ стерлось лицо и между шеей и форменной фуражкой—просто воздухъ,—какая-то невѣсомая пустота... Рѣка смѣется, рѣка лепечетъ. Зачѣмъ поютъ эти деревья, лодка и трава?.....

Въ памяти у меня еще только одно. Покончены всѣ формальности, мы ужъ навсегда внѣ гимназіи и пансіона и прощаемся съ начальствомъ. Навсегда!..

Мы стоимъ въ коридорѣ передъ актовой залой и ожидаемъ прощальной рѣчи директора. Выходитъ онъ, важный, надутый, вицмундирный. За нимъ стоитъ Николай Петровичъ, письмоводитель гимназіи.

Директоръ останавливается прямо передъ нами. Для парада нацѣпилъ онъ на шею какой-то громадный крестъ.

— Вотъ вы кончили гимназію,—говорилъ онъ.— Радуюсь вашей радости, остальное скажетъ Николай Петровичъ.

Директоръ ушелъ.

Мы были настроены торжественно,—теперь мы смѣемся. И все? Бѣдный! Всѣ его бюрократическіе «горизонты» сказались въ этой фразѣ.

Впрочемъ, можетъ быть, директоръ былъ правъ. О чемъ говорить? Что могъ онъ сказать намъ? И мы ему и онъ намъ—были ли мы чѣмъ-либо инымъ, какъ только «входящими и исходящими нумерами?» Что намъ Пекуба и что Пекубѣ до насъ? Тѣ, кто еще не были забиты до потери сознанія, знали и безъ того, что отвѣты—не въ гимназіи, что отвѣты надо добывать самимъ. Впереди виднѣлся и путь: столицы, университеты. Грезилось что-то настоящее и одухотворенное; вѣрилось, что разъ пережитое не будетъ переживаться вновь и что все темное, злое, несправедливое и уродливое не возвратно отошло въ область забвенія.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
1. Приѣздъ въ деревню	1
2. Окуневое озеро	9
3. Аглая Ивановна	17
4. Ѳедоръ Не-Клади-Плохо'въ	21
5. Тетя Анфиса	29
6. Кочергинъ	36
7. Въ старомъ каретникѣ	46
8. Наши праздничныя забавы	54
9. Александръ Коцюшекъ	62
10. Въ сумерки	71
11. Съ бреднемъ	78
12. Агафонова	84
13. За русскій разговоръ	88
14. Петровский полкъ	92
14. Старыя сокровища	97
16. Левъ Григорьевичъ Балычковъ	100
17. Губернаторская дочка	105
18. Восемь лѣтъ. Воспоминанія о гимназiи	117

КНИГИ

Н. А. КРАШЕНИННИКОВА.

Изданія „Московского Книгоиздательства“:

Барышни. Романъ. Изданіе четвертое. Ц. 1 р. 25 к.

Сказна любви. Романъ. Изданіе второе. Ц. 1 р. 25 к.

Мечты о жизни. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

Дѣвственность. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Склады изданій: Москва, 1-я Мѣшанская, домъ 5, кв. 3,
и Петербургъ, Невскій пр., 55, кв. 14.

(Выписывающіе изъ складовъ за пересылку не платятъ).

Изданія Ладыжникова въ Берлинѣ:

Дѣвственность. Романъ. Цѣна 5 марокъ.

Барышни. Романъ. Цѣна 3 марки.

Плачь Рахили. Тысячелѣтняя сказка. Цѣна 2 марки.

Kahels Klage. Tausendjähriges Märchen, I. Ladyschnikows Verlag.
Berlin, Preis 2 Mark.

Разныхъ издательствъ:

Дѣти. Романъ: Изд. журнала „Русская Мысль“. Ц. 1 р.

Восемь лѣтъ. Воспоминанія о гимназіи. Ц. 50 к.

Угасающая Башкирія. Рассказы изъ жизни башкирь, иллюстр. Ц. 1 р.

Изъ вешняго времени. Рассказы для дѣтей. Съ рис. Изд. журналовъ
„Святлячокъ“ и „Путеводный Огонекъ“. Ц. 1 р., въ перепл.
1 р. 35 к.

Послѣднія книги продаются при складахъ изданій: 1) Въ Москвѣ, Пи-
меновская, соб. д., при типографіи Кушнерева. 2) Въ Петербургѣ, Фон-
танка, № 117, при типографіи Кушнерева. 3) Въ Кіевѣ, Караваевская,
д. 5, при типографіи Кушнерева.

ПРОБЛЕМА ПОЛА И МЕЧТА

Н. КРАШЕНИННИКОВА.

(По журнальнымъ и газетнымъ критическимъ очеркамъ).

«У Н. Крашенинникова есть своя «философія» и своя манера, и это выдѣляетъ его изъ средней писательской массы, стадно повторяющей то зады бытописательства, то шаблоны новѣйшей дерзновенности, преимущественно порнографической. У г. Крашенинникова есть отношеніе къ міру, есть свой «бунтъ» и своя мечта, къ тому же не подчиненная литературной модѣ, требующей въ смыслѣ бунта по меньшей мѣрѣ «разрушенія всѣхъ культурныхъ цѣнностей», а въ смыслѣ мечты—«влеченія къ сладостному яду порока». Отъ повѣстей и романовъ г. Крашенинникова вѣтъ старинной. Его бунтъ и его мечта отколоты отъ современности, обращены къ тому, что не во времени и что присуще духу человѣческому во всѣ времена. Въ этомъ привлекательность его произведеній, благородство ихъ замысла. Бунтъ его въ томъ, что онъ ополчается противъ міра, въ которомъ, во имя правъ жизни, попирается святыня жизни—чистота. Мечта его о томъ, чтобы, наперекоръ законамъ міра, уберечь чистоту отъ торжествующаго надъ нею инстинкта жизни, который онъ подводитъ подъ понятіе эгоизма.

Скорбь объ оскорбленной въ мірѣ и едино священной для духа чистотѣ и мечта о трагически неосуществимомъ торжествѣ чистоты составляютъ общее содержаніе всѣхъ произведеній г. Крашенинникова. Героини романа «Барышни» сначала мечтаютъ о жизни, пока живы ихъ строгіе родители, а когда жизнь приходитъ, каждая изъ сестеръ переживаетъ крушеніе своей мечты или, вѣрнѣе, становится сама сокрушенной мечтой о жизни. Въ «Сказкѣ любви» братъ создаетъ сестрѣ своей чистой и пламенной привязанностью сказочно прекрасную жизнь, но въ дѣвушкѣ пробуждается инстинктъ жизни, и мечта осквернена. Трагическая развязка вызвана непримиримымъ столкновеніемъ мечты о чистотѣ съ противоположной ей дѣйствительностью. Въ «Плачѣ Рахили» мечта о единой и тѣмъ самымъ святой любви поругана: благословеніе и благоденствіе Іакова зиждется на томъ, что онъ раздѣляетъ свои чувства между всѣми женщинами, которыхъ ему посылаетъ судьба. И «вѣковой плачъ» Рахили—плачъ женщинъ, воплощающихъ собой мечту о чистотѣ и цѣлостности любви. Въ послѣднемъ романѣ Крашенинникова «Дѣвственность» основная мысль та же самая и выражена еще болѣе рѣзко.

Единство идейнаго замысла въ произведеніяхъ г. Крашенинникова—самое въ нихъ цѣнное. Но основное его заблужденіе въ томъ, что понятіе о святости и чистотѣ, положенное въ основу его «мечты о жизни»,—слишкомъ опредѣленное, слишкомъ узкое. Многообразно, какъ міръ, проявляется жажда святынь въ чело-

вѣктѣ, и за всѣмъ утвержденнымъ въ своей относительности скрывается разбитая мечта объ абсолютѣ. Всякое столкновение съ житейской ложью попираетъ мечту о правдѣ жизни. Неисчерпаемы трагедія духа, жаждущаго, сомнѣвающагося и безысходно мятущагося въ борьбѣ идейной, среди религиозныхъ запросовъ, какъ и среди переживаній въ области чувствъ. Но какъ для средневѣковыхъ монаховъ все зло міра сосредоточено было въ понятіи о женщинѣ и о женскомъ соблазнѣ, такъ для г. Крашенинникова святыня міра воплощена въ единственномъ образѣ, заслоняющемъ отъ него все многообразіе жизненныхъ явленій,—въ образѣ дѣвственницы. Получается чрезмѣрно упрощенное пониманіе чистоты и святости. Правда, на ряду со священнымъ невѣдѣніемъ дѣвственницы онъ включаетъ въ свою мечту и страсть самоотверженной женской души, женскую способность отдавать безъ остатка свою жизнь любимому человѣку. Но все же онъ такъ ревниво оберегаетъ физическую неприкосновенность своихъ героинь, такъ беспощаденъ къ эгоизму всякаго земного чувства къ женщинѣ—будь это даже самая искренняя любовь, что его основная идея нерѣдко превращается какъ бы въ аскетическій бредъ, направленный, вопреки обыкновенію, не противъ женщины, а за женщину противъ мужчины. Всякая дѣва, не искушенная инстинктомъ плоти,—святая, всякій мужчина—образъ сатаны на землѣ.

Даже средневѣковое представленіе о чистотѣ шире, ибо оно распространяется и на мужское цѣломудріе, совершенно исключенное изъ философской схемы г. Крашенинникова, хотя, казалось бы, трагедія чистаго юноши, смущеннаго откровеніями плоти, столь же глубокая и символичная для судебъ міра, какъ и «оскорбленная мечта» героинь г. Крашенинникова. Его представленіе о священной женской чистотѣ болѣе узкое также, чѣмъ культъ Мадонны, ибо тамъ есть преклоненіе передъ святыней материнства, а въ повѣстяхъ и романахъ г. Крашенинникова лучшія изъ матерей искупаютъ вину материнства страданіями и смертью. Его мечтатели и его излюбленныя героини лишаются своихъ матерей при своемъ появленіи на свѣтъ. Ихъ жизнь «является изъ смерти влюбленнаго» (вѣрнѣе, любящей). Это для г. Крашенинникова «жуткая тайна», роковой законъ искупленія.

«Мечта» г. Крашенинникова приводитъ его, такимъ образомъ, въ тупикъ аскетизма, и происходитъ это вслѣдствіе ошибочности его исходнаго положенія. Трагизмъ міра раскрывается въ столкновеніи противоположныхъ и равно священныхъ началъ. Священна мать, какъ начало, утверждающее міръ и отражающее недостижимо абсолютное во временномъ. Священна и дѣва, какъ знакъ отрѣшенія отъ міра множественнаго во имя абсолюта, противоположнаго міру. Священно міроутвержденіе, какъ и міроотрицаніе, и трагическая основа міра въ ихъ взаимоотношеніи, въ томъ, что необходимость утвержденія одной святыни есть столь же неизбежное отрицаніе другой, противоположной ей, но равно священной. Если же признать лишь одно изъ противоположныхъ началъ, если, какъ это дѣлаетъ г. Крашенинниковъ, видѣть истину лишь въ міроотрицаніи, презрѣвъ священность міроутвержденія, то вмѣсто раскрытія трагической тайны міра получается односторонняя проповѣдь аскетизма, вмѣсто философіи—бредъ фанатика.

Такого рода бредъ г. Крашенинниковъ называетъ въ романѣ «Дѣвственность» «мечтой о жизни» своего героя—«страннаго человѣка».

Въ художественной манерѣ г. Крашенинникова есть много привлекательнаго, поскольку онъ изображаетъ мечтательныя натуры на фонѣ такихъ русскихъ помѣстій, гдѣ сохранились пережитки стариннаго быта. Въ картинахъ этой жизни и въ описаніяхъ природы у г. Крашенинникова чувствуется духовная близость къ Тургеневу. Въ «Сказкѣ любви» есть необыкновенно свѣжее и поэтичное описаніе отдыха молодыхъ путешественниковъ, брата и сестры, въ огородѣ, гдѣ ихъ потчуютъ арбузами. Въ «Барышняхъ» есть тоже отдѣльныя описанія и сцены, въ которыхъ отразилось искреннее и чуткое отношеніе къ природѣ, такъ же какъ умѣние передавать тихія и простыя чувства, сливающіяся съ духомъ вдумчивой русской природы.

Но манера г. Крашенинникова мѣняется, когда у его героевъ «мечта о жизни» начинаетъ переходить въ своего рода аскетическую маниакальность. Ихъ психологію г. Крашенинниковъ строитъ на контрастахъ: чѣмъ чище, чѣмъ небеснѣе мечта, тѣмъ въ болѣе сложныхъ и рискованныхъ внѣшнихъ осложненіяхъ и условіяхъ она проявляется. Много чисто внѣшнихъ осложненій въ жизни сестеръ, изображенныхъ въ романѣ «Барышни». Ни одна изъ сестеръ не попадаетъ въ нормальныя условія бытія. Въ «Сказкѣ любви» психологической замыселъ становится еще болѣе острымъ. Граница между любовью-мечтой, въ которой пламенность чувства сливается съ молитвенностью, и любовью-святотатствомъ, принимающей женскую чистоту въ жертву злой волѣ, мужскому эгоизму,—проводится въ чувствѣ брата къ сестрѣ. И эта братская любовь изображена болѣзненно-страстной, сознающей женщину въ любимой сестрѣ. Чтобы изобразить такое чувство, колеблющееся на острой грани между земнымъ и небеснымъ, г. Крашенинниковъ прибѣгаетъ къ особому стилю, къ языку записей дневника, отрывистыхъ возгласовъ, возбужденной передачей эмоцій. Стиль этотъ болѣе утомительный, чѣмъ убѣдительный своей взвинченной романтичностью.

Послѣдній романъ г. Крашенинникова, «Дѣвственность» — наиболѣе горячо написанное изъ его произведеній. Въ искренности романтизма г. Крашенинникова, въ его жаждѣ воплотить свою мечту есть много подкупающаго. Но самая «мечта» въ этомъ романѣ слишкомъ похожа на болѣзненный бредъ, чтобы казаться въ какомъ бы то ни было смыслѣ приемлеюю идейною проповѣдью. Герой романа—«странный человѣкъ» (читателю онъ покажется болѣе чѣмъ страннымъ) не то что ищетъ чистоту на землѣ, а прививаетъ мечту міру. Это какой-то экспериментъ. У «страннаго человѣка» есть дочка, но она даже явилась на свѣтъ не просто, а по нарочитому: «Я взялъ ее не отъ женщины и отъ жены, а отъ дѣвушки, совершенно мнѣ чужой, и она пожелала дать мнѣ мечту». А давъ жизнь дѣвочкѣ, мать умерла, и «странный человѣкъ» сталъ превращать живого ребенка въ «мечту о дѣвственности». Воспитаніе ея самое странное. Отецъ не отпускаетъ ее отъ себя ни днемъ, ни ночью. «Мы ложимся поздно, часовъ въ двѣнадцать или въ два, встаемъ только къ полудню». Обученіе подрастающей дѣвочки—только языки и слегка литература.

«Пусть будет неученая». «Странный человекъ» культуру и науку презираетъ: «мысль о воплощеніи чистоты дѣвчества» важнѣе того, что «такой-то газъ въ соединеніи съ такимъ-то образуетъ то-то». Дѣвочку свою «странный человекъ» увозитъ на югъ и тамъ все время «охраняетъ» ее, усиленно подмѣчая, какъ въ ней просыпается женщина, пугая дѣвочку какими-то намеками, видя катастрофы во всякомъ простомъ природномъ явленіи и создавая такую напряженно-чувственную атмосферу своими страхами, возгласами, воплями, что простое любопытство дѣвочки къ итальянскому мальчику превращается въ преступленіе, въ катастрофу, сопровождающуюся нервными болѣзнями. И въ такой нарочитой атмосферѣ, на фонѣ болѣзненно-чистаго и извращенно-романтического романа самого «страннаго человека» съ беззавѣтно и рабски любящей его дѣвушкой, очевидно, «мечта о дѣвственности» разбивается болѣе быстро и болѣе трагично, чѣмъ въ простыхъ жизненныхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ, а не дѣлаютъ опасные эксперименты. Какъ только молодая дѣвушка встрѣчается съ юношей, на любовь котораго она отвѣчаетъ простымъ молодымъ чувствомъ, отецъ превращаетъ это въ бурную драму и доходитъ до полного безумія. Онъ уѣзжаетъ въ городъ, гдѣ жилъ съ дочерью «до катастрофы», до ея любви, чтобы откупить, какъ святыню, въ отелѣ кровать, на которой она спала, еще не искушенная преступными любовными грезами. А въ его отсутствіе—«катастрофа» и совершается. Влюбленный женихъ ослѣпленъ своей страстью и соблазняетъ дѣвицу до свадьбы. Отецъ безумствуетъ, дочь безумствуетъ, женихъ въ отчаяніи отъ своего преступленія—и «не бываетъ бы счастья, да несчастье помогло». Женихъ попадаетъ подъ поѣздъ, или его толкнули нарочно; лишается ступни, становится сѣдымъ въ одно мгновеніе; но послѣ его болѣзни невѣста къ нему возвращается, счастье восстановлено. Только «странный человекъ» плачетъ о крушеніи своей «мечты». Онъ такъ и не узрѣлъ «чистой дѣвушки съ незнающими глазами, которой суждено перестроить міръ».

Романъ написанъ весь въ тонѣ бредового монолога, обусловленнаго страннымъ содержаніемъ. По прочтеніи его остается впечатлѣніе преувеличенности, которая довела до абсурда мысль, которая сама по себѣ интересна и привлекательна своимъ идеалистическимъ содержаніемъ».

(Зин. Венгерова, «Завѣты», кн. II, 1914).

«Донинѣ мы встрѣчались съ положительнымъ освѣщеніемъ проблемы. Авторы-художники давали воспѣваніе чувства, приносящаго радость; право неотъемлемое человѣчества на эту радость; философію этой радости, ибо она настоящая и даже единственная основа жизни; было почти естественно, что ее можно добывать съ помощью силы, какъ когда-то австралийцы, по даннымъ описательной социологии. У автора «Дѣвственности» проблема поставлена наоборотъ. Онъ взялъ героямъ «страннаго человека», извѣстнаго писателя, который не хочетъ считаться ни съ чѣмъ, кромѣ своихъ идей. Онъ и идеалистъ, и вегетарианецъ, и поэтъ

женской непорочности. Поэтому онъ старается такъ воспитать свою дочь, чтобы эта сторона жизни была неизвѣстна ей. Но всѣ его усилія имѣють результатомъ пораженіе. Сквозь дѣвическую чистоту и черезъ искусственную отрѣзанность она—эта сторона жизни—пробивается безсознательнымъ инстинктомъ и, не находя объекта, невинно обрамается и на мальчика, чистильщика сапогъ, и на отца, пока, наконецъ, не находитъ естественнаго исхода, обратившись въ настоящее чувство дѣвической любви, когда является герой—князь Шабельскій.

Спеціалисты находятъ, что въ передачѣ настроеній дѣвушки съ искусственно подавленной жизнью инстинкта г. Крашенинниковъ очень близко къ даннымъ науки. Мы не можемъ, конечно, разсматривать вопросъ съ этой точки зрѣнія. Для насъ повѣсть г. Крашенинникова—произведеніе художественной категоріи, которое можетъ и не быть согласно съ точной наукой, но должно быть убѣдительною точной науки, въ силу особой, присущей художникамъ власти надъ читательскою душой. Но если предъявлять требованія къ «Дѣвственности» въ этомъ отношеніи, подходя къ «запискамъ страннаго человѣка» какъ къ беллетристическому произведенію, то приходится сказать, что эти огромныя записки слишкомъ тягучая вещь, гдѣ образы мало доказательны, гдѣ все поглощаетъ навязчивая идея о дѣвственности, напряженно трактуемая, безъ той естественной пропорціональности въ жизненныхъ переживаніяхъ изображенныхъ лицъ, которая заставляетъ повѣрить, что они живутъ на самомъ дѣлѣ съ нами.

Если же разсматривать «Дѣвственность» какъ попытку освѣтить вопросъ, то нужно признать ее интересной. Послѣ тѣхъ вульгарныхъ пустяковъ, которыми была загромождена въ литературѣ «проблема пола», было бы крайне интересно встрѣтить художественную попытку покончить съ пережитками аскетическаго словаря, дающими ореолъ «непорочности» дѣвушкамъ какъ таковой и отказывающими тѣмъ самымъ въ ореолѣ женщинѣ. Впрочемъ, даже и не отказываютъ вѣдь: женщина, ставшая матерью, тоже приобретаетъ свой собственный ореолъ. Имѣеть его въ дѣйствительности и женщина-жена. Но все это связывается въ какую-то путаницу переживаній, гдѣ роковымъ образомъ все-таки мѣшаютъ слова «непорочность» и «чистота», относимыя только къ дѣвушкамъ. Господство «проблемы пола» въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлало. Наоборотъ, «проблема» еще болѣе осложнила психологію вопроса, попытавшись установить, что освѣдомленный въ «проблемѣ» современный человѣкъ не можетъ находить ничего отталкивающаго даже въ проституціи и проституткахъ, почему-то (съ точки зрѣнія «проблемы») служащихъ предметомъ отвращенія и душевной боли за ихъ поруганную женскую душу. Модернизмъ, вмѣсто разрѣшенія вопроса, пытался отвергнуть его, начиная отъ проституціи. У г. Крашенинникова такихъ эксцессовъ трактовки, конечно, нѣтъ. Для него задача была отождествить женщину-дѣвушку и женщину-недѣвушку въ одномъ и томъ же ореолѣ внутренней чистоты, признанной устами «страннаго человѣка», поэта «Дѣвственности». Это была цѣнный замыселъ. Но онъ остался невыполненнымъ. Такой замыселъ можетъ быть осуществленъ лишь при помощи освѣщенія путаницы въ человѣческихъ сло-

в а х ъ, рефлексомъ бросающихъ темныя тѣни на свѣтлыя чело-
вѣческія чувства. А г. Крашенинниковъ вмѣсто этого заставляетъ
своего героя обволакивать вопросы разными мистическими сло-
вами: «дѣвушка-Мадонна»; «мать-Мадонна»; «оправданія извѣчно-
таинственнаго велѣнія жизни»; «чудо непорочнаго зарожденія», и
пр., и пр. Увы! Все это было и ранѣе; если не эти, то подоб-
ныя слова были говорены и ранѣе. Но отъ этого вопросъ объ
у н и ж е н і и женщины въ періодъ между «непорочнымъ» дѣви-
чествомъ и материнствомъ не переставалъ существовать. Нуженъ
свѣтъ; но свѣтъ не мистическій, а живой человѣческой психо-
логии. Этого еще не сдѣлано; не сдѣлано и въ романѣ Крашенин-
никова».

(«Русское Богатство», кн. 6, 1913).

«Только что была рѣчь о любви... Но не всѣ писатели ставя-
тъ ее такъ высоко и признаютъ въ ней счастье и расцвѣтъ
человѣческаго сердца. Г. Крашенинниковъ въ своемъ романѣ «Дѣв-
ственность» («Земля», сборникъ двѣнадцатый) воспѣваетъ непороч-
ное, невинное, вѣчную дѣвушку; онъ видитъ что-то страшное и
трагическое въ томъ, что дѣвственность гибнетъ. Давно уже эта
тема занимаетъ автора «Барышень» и «Сказки любви»; въ своемъ
новомъ повѣствованіи, написанномъ однообразно красиво, плавно,
безъ модъема, но и безъ пониженій, внѣ художественнаго ритма,
онъ возвращается къ той же идеѣ. Но она у него—слишкомъ
идея. Его романъ разсуждаетъ; его романъ морализируетъ. Герои
служатъ лишь иллюстраціями къ соображеніямъ автора и очень
рѣдко производятъ впечатлѣніе живыхъ людей. Они говорятъ о
себѣ и между собою такъ литературно и торжественно, что ихъ
нереальность становится очевидной. Правда, г. Крашенинниковъ
намѣренно уводитъ ихъ въ область мечты и какъ будто бы не
дорожитъ тѣмъ, чтобы они были правдоподобны и убѣдительно,
чтобы у нихъ была плоть и кровь. Но съ этой, едва ли желан-
ной безплотностью и безкровностью, съ этой сочиненностью персо-
нажей во всякомъ случаѣ не гармонируетъ то, что они поставлены
въ рамки опредѣленнаго быта, среди конкретной обстановки, въ
заграничномъ отелѣ, близъ живыхъ подробностей. Въ результатъ
получается неприятная разностильность, черезполосица,—ни сказка,
ни быль. При этомъ почти все реальное изображено у автора
достаточно ярко, между тѣмъ какъ все мечтательное, т.-е. въ его
глазахъ и для его замысла—самое существенное, не имѣетъ кра-
сокъ и блѣдно, блѣдно. Кажется, было бы лучше, если бы г.
Крашенинниковъ свои идеалы и свои идеи преподавалъ не въ бел-
летрическомъ видѣ, а въ болѣе откровенной и прямой формѣ
теоретическаго изложенія. Все равно, ему своей теоріи, своей тен-
денціи скрыть не удалось; все равно, онъ не живописуетъ, а про-
повѣдуетъ. У него есть завѣтныя, искреннія,—можетъ быть, на-
ивныя мысли о жизни; вотъ онѣ и заслоняютъ собою художе-
ственные образы: не умѣстишь ли было бы—наоборотъ? Кроме
того, пристальная сосредоточенность, съ какою авторъ устраи-
ваетъ свой взглядъ на проблему цѣломудрія, создаетъ эффектъ

какъ разъ противоположный тому, на какой писатель рассчитывалъ. Есть что-то грубое, далеко не чистое въ беззащитныхъ объясненіяхъ, какія даетъ отецъ своей дочери Тасѣ, изъ которой онъ хочетъ воспитать «дѣвушку съ незнающими очами», ту, «которой суждено перестроить міръ». Вообще, то серьезное настроеніе, котораго такъ задуманно хотѣлъ романистъ, по большей части разбивается о скептицизмъ читателя. Лишь изрѣдка г. Крашенинниковъ свою задачу,—правда, очень трудную,—рѣшаетъ. Такъ, въ самомъ дѣлѣ есть нѣчто роковое и мистическое въ частомъ появленіи черноглазаго мальчишка-итальянца, чистильщика сапоговъ, влюбившагося въ Тасю; она неожиданно и неотвратимо вырастаетъ здѣсь и тамъ, и дѣвственная Тася смотритъ на него, и смущаетъ ея юное сердце мальчикъ-итальянецъ. Очень хорошо передано бредовое состояніе человѣка, едва не достигшаго своей самоубійственной цѣли—умереть отъ угара. А послѣ долгой болѣзни героя, слабый, смягченный счастьемъ выздоровленія, растроганный, беретъ газету, случайно попадаетъ на рескриптъ испанскаго короля къ одному изъ министровъ и не можетъ удержаться отъ умиленныхъ рыданій, когда читаетъ восхваляющія торжественныя слова: «въ воздаяніе отлично-усердной и полезной службы вашей...» Вообще, отдѣльныя психологическія детали, отдѣльные штрихи цѣнны у г. Крашенинникова, и у него было бы ихъ еще больше, если бы онъ свободнѣе отнесся къ навязчивой идеѣ дѣвственности, если бы онъ не былъ мечтателемъ цѣломудрія. Побѣжденный своею мыслью, онъ и не далъ свободного романа, а далъ педагогическій трактатъ, написанный въ акварельныхъ тонахъ его любимаго Тургенева, но иногда болѣе приторныхъ, иногда болѣе риторическихъ, всегда менѣе жизненныхъ. Симпатиченъ у автора его культъ дѣвушки, воплощенной мечты, конкретизированной чистоты, и много непритворной нѣжности внесъ онъ въ ея любовное изображеніе; но какъ-то не дрогаютъ его заботы о непорочности, и эта воспитательская задача: «Пусть возьмутъ на себя трудъ воспитать мужчину такъ, какъ я воспитывалъ Тасю»; и не заражаетъ писатель своею скорбью объ утратѣ невинности. Ибо, какъ это въ концѣ своего произведенія намѣчаетъ и самъ авторъ, идея материнства выше идеи дѣвственности, и гдѣ любовь, тамъ цѣломудріе. Невинность въ женщинѣ не умираетъ; дѣвушка безсмертна,—о какой же смерти сокрушаться, что оплакивать, о чемъ тревожится нашъ добрый авторъ? Любовь сильнѣе смерти, любовь и больше дѣвственности, и только въ любви раскрывается ея смыслъ и красота».

(Ю. Айхенвальдъ, «Рѣчь», № 121, 1913).

«Нѣжныя и изящныя, дышашія искренностью непосредственныхъ признаній, произведенія Крашенинникова немного напоминаютъ женскіе романы, тѣ романы-исповѣди, которые заключаются въ себѣ проникновенный рассказъ о пережитомъ. Они пишутся разъ въ жизни, а если и не разъ, то все объ одномъ и томъ же, съ точнымъ воспроизведеніемъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ, положеній и характеровъ.»

Въ каждомъ изъ романовъ Крашенинникова—приблизительно одна и та же картина: затхлая, затворническая жизнь и запуганный человѣкъ, трепещущій передъ проблемой бытія, передъ проблемой пола (трактуемой очень осторожно и изящно). Среди женскихъ образовъ, вообще, жутко интригующихъ автора, онъ облюбовалъ одинъ: образъ хрупкой, неприступно-цѣломудренной и застенно-страстной Таши. Она и фигурируетъ въ его романахъ, иногда даже безъ перемѣны имени. Тася—ярко выраженная женственность, почти символъ женственности, и потому въ основѣ своей природы она пассивна, беспомощна передъ загадками жизни. Впрочемъ, въ отношеніи пассивности не отстаетъ отъ нея и самъ авторъ.

«Какъ жизнь ужасно сложна, жестока и неясна!»—жалуется Тася герою въ романѣ «Дѣти». Такимъ же аккордомъ и заканчиваетъ авторъ этотъ свой романъ: «А жизнь катилась впередъ, страшная, громадная и ликующая. И жаждою бѣдной, жестокой и невыразимо красивой жизни наполнялось все...» Безмѣрная жажда жизни и неумѣнье взять отъ нея хоть бы крохи ея радостей чувствуется и въ «Барышняхъ». Вотъ почему судьба семи барышень-сестеръ сложилась такъ несчастливо. У нихъ было все: красота, молодость, способность любить, но ихъ не полюбили; «глаза ихъ были широко раскрыты на міръ, но они не могли разглядѣть міра»... Младшей изъ сестеръ, Тасѣ, жизнь представляется въ видѣ «каменной женщины съ закрытыми глазами и завязаннымъ ротомъ...»

Романистъ—не лирикъ. Онъ не можетъ безнаказанно вращаться въ кругу однихъ и тѣхъ же переживаній и черпать пищу для творчества только изъ себя: онъ зачахнетъ. Гибельно отражается такая тѣснота и односторонность и на Крашенинниковѣ. Его литературное будущее всецѣло зависитъ отъ того, научится ли онъ господствовать надъ своими настроеніями и претворять сырой матеріалъ своихъ мыслей и чувствъ въ творчество. Было бы жаль, если бы этого не случилось. У Крашенинникова хорошія писательскія данныя: талантъ, художническая впечатлительность и большая, искренняя любовь къ литературѣ».

(Е. Колтоновская, «Рѣчь», № 89, 1912).

«У Крашенинникова муза отличается изяществомъ и тонкостью, даже красотой. Но въ утонченности иногда больше яда, чѣмъ въ прямолинейной грубости. Двѣ будто бы противоположныя авторскія мечты—Арцыбашева и Крашенинникова—объ истребленіи человѣческаго рода путемъ самоубійствъ и объ обновленіи дѣвической непорочностью—въ сущности очень сходны. Зачѣмъ обновлять то, что обречено на погибель, на прекращеніе. Въдѣ послѣдовательное осуществленіе «дѣвственности» должно же привести къ прекращенію человѣческаго рода на землѣ, т.-е. къ той же цѣли, которая является желанной для Арцыбашева. Все, что стоитъ внѣ мечты о дѣвственности: материнство, естественная любовь и естественное сближеніе мужчины и женщины, для г. Крашенинникова—гнусность. По отношенію къ людямъ

у него то же пренебреженіе и недоброжелательство, что и у автора романа «У послѣдней черты». Такое же желаніе отгородиться отъ людей, поглубже уйти въ свое подполье... Только въ затхломъ подпольѣ, въ искусственномъ уединеніи отъ міра и замкнутости въ своемъ больномъ, ограниченномъ «я» могутъ рождаться подобныя мечты. «Какъ нѣкогда обратила умиравшій міръ къ солнцу Дѣва,—такъ и теперь дѣвушка пройдетъ по міру, сіяя чистотой и призывая къ ней. Дѣвушка эта будетъ какъ дитя, ибо только дѣти войдутъ въ царство вѣчности... Она не будетъ знать любви—этой любви; къ ней никто не подойдетъ съ желаніемъ: желаній въ ней не будетъ, какъ нѣтъ желаній въ утреннемъ вздохѣ цвѣтка». Эта дѣвушка, которой предстоитъ обновить жизнь, должна быть воспитана особеннымъ образомъ—въ невѣдніи зла и грѣха, въ незнаніи жизни. Такимъ же непорочнымъ, «дѣвственнымъ», долженъ воспитываться и мужчина. Зачѣмъ?.. Неужели только для жизни въ «бѣлой мечтѣ?..» Итакъ, изъ одного источника два крайнихъ полюса: «Мнѣ нужна не одна—всѣ женщины»—и въ результатѣ—такое отвращеніе къ себѣ и къ окружающему, отъ котораго одно лѣкарство—самоистребленіе, а другая крайность: не прикасайся къ женщинѣ. Философія замкнутости и цѣломудрія сквозила у г. Крашенинникова въ прежнихъ произведеніяхъ, но не была выражена съ такой полнотой и претензіозностью.

Противъ чистоты и непорочности какъ символа ничего нельзя было бы возразить; но, во-первыхъ, онъ не выдержанъ авторомъ—чистота постоянно смѣшивается имъ съ ненавистью, непорочность—съ нетронутостью, во-вторыхъ, для символа въ повѣсти «Дѣвственность» ужъ слишкомъ громоздкая, грубо конкретная рамка. Крашенинниковъ вообразилъ себя символистомъ и прививаетъ себѣ соответствующіе приемы. На самомъ же дѣлѣ талантъ его чисто реалистической природы, родственной тургеневскому. И его слѣдовало бы культивировать, а не заставлять блуждать по ложнымъ путямъ. Въ героинѣ повѣсти, Тасѣ, несмотря на всѣ педагогическіе фокусы, которые продѣлывалъ съ ней отецъ, все-таки въ концѣ-концовъ побѣдила всесильная жизнь. Надо надѣяться, что то же произойдетъ и съ самимъ авторомъ».

(Е. Колтоновская. «Вѣстникъ Европы», кн. 7-я, 1913).

Романъ г. Крашенинникова при своемъ появленіи вызвалъ много откликовъ, и часть изъ нихъ авторъ приводитъ въ предисловіи къ настоящему изданію. Это обиліе отзывовъ, недоумѣвающихъ или отрицательно, или сочувственно разбирающихъ основныя положенія „Записокъ страннаго человѣка“, показываетъ, что романъ затронулъ не шаблонную тему, что авторъ чѣмъ-то заинтересовалъ читателя. Конечно, это—та же „проблема пола“, которой съ давнихъ поръ заняты романисты, которую въ послѣднее время разсматриваютъ очень часто ради пикантныхъ подробностей физическаго сближенія, но которая у г. Крашенинникова трактуется съ иной стороны,—со стороны возможнаго застрохованія дѣвственной чистоты отъ соблазновъ любви. Его „странный человѣкъ“ мечтаетъ сохранить свою дочь въ вѣчной „чистотѣ“,

оберегая ее отъ вліяній жизни и литературы, не допуская, чтобы постороннія вѣянія нарушили покой дремлющаго „инстинкта“. Разумѣется, мечта разбивается: жизнь пробивается чрезъ невѣдомыя щели, инстинктъ любви властно требуетъ выхода новаго Каспара Гаузера изъ его подземелья, и тогда передъ „страннымъ человѣкомъ“ поднимается другой вопросъ: не живетъ ли въ женщинѣ, даже готовой стать матерью, „неприкосновенная святыня внутренней дѣвственности“? Все это изложено въ очень живой формѣ и читается съ интересомъ, несмотря на большіе размѣры романа. Все это, повидимому, далеко отъ тенденціи многихъ современныхъ романистовъ захватить читателя обнаженностью фізіологическихъ стремленій; повидимому, это должно уносить даже въ иной, идеальный міръ. Но какъ мистическія надземныя тенденціи часто перепутываются съ чрезмѣрной земной разнузданностью, такъ и преувеличенная заботливость о „чистотѣ“ граничить нерѣдко съ развратомъ воображенія. У „страннаго человѣка“, незамѣтно для автора, эта путаница аскетическихъ стремленій съ сосредоточеніемъ вниманія только на одной сторонѣ животной жизни вырисовывается особенно ярко. Стражъ исключительной „чистоты“ не можетъ быть чистъ въ помыслахъ; онъ весь полонъ мыслями о грязи, которая можетъ коснуться дочери, а его мечты о „дѣвственности“ и „чистотѣ“ очень близко подходятъ къ границѣ, за которой властвуютъ грязь и развратъ воображенія. И, можетъ-быть, этотъ самообманъ, это постоянное хожденіе героя около грязи съ иллюзіей о собственной чистотѣ—лучшее, что есть въ романѣ. Анализъ же пробужденія „инстинкта“ удался автору значительно меньше, а утвержденіе о неприкосновенной святынѣ внутренней дѣвственности звучитъ трюизмомъ.

И. Игнатовъ.

(Рус. Вѣд., № 87 1914).

«Особенность таланта Крашенинникова—мягкость и задушевность—выражена особенно полно въ «Сказкѣ любви». Въ авторѣ чувствуется человѣкъ съ свѣтлыми и нѣжными воспоминаніями, и въ его созерцаніяхъ настоящаго замѣтенъ легкій отголосокъ прошлаго. Что бы авторъ ни писалъ, чувствуется, что онъ любить жизнь не сей часъ, не нынѣшнюю, а жизнь ушедшую, невозвратную. Въ самой technikѣ его письма замѣтенъ почти такой же бессознательный выборъ жизненныхъ моментовъ, какой дѣлаетъ и наша память, умаляя одно и выдвигая другое. Лирически настроенный, онъ тѣмъ не менѣе не придумываетъ ни новыхъ словъ, ни новыхъ сравненій, и пишетъ языкомъ классиковъ, и понятно, почему: въ языкѣ воспоминаній каждое, даже самое банальное слово—символь чего-то для автора неувядаемаго и неизжитаго. Н. Крашенинниковъ—пѣвецъ красоты и теплоты жизни, но наиболѣе полно онъ прочувствовалъ ихъ раньше, когда, можетъ быть, и не думалъ о нихъ писать. Это придаетъ писательскому облику автора особенную оригинальность, даетъ ему право на свое, не занятое другими, мѣсто въ литературѣ».

(А. Г. «Современникъ», кн. II, 1913).

«...Тихій мечтатель, живущій въ мірѣ грезъ»,—такъ недавно охарактеризовалъ я особенность дарованія Крашенинникова. Есть многое въ немъ, что напоминаетъ А. Чехова—та же мягкая, нѣжная грусть, то же усталое удивленіе передъ темными сторонами жизни. Но изъ этого не слѣдуетъ, что его можно причислить къ послѣдователямъ Чехова... Пессимизмъ Крашенинникова,—если только вообще можно назвать его пессимистомъ,—не такъ безнадеженъ. Онъ надѣется и вѣритъ. На его разказахъ лежитъ блѣдная печаль сумерекъ, но чувствуется, что сумерки эти—передъ разсвѣтомъ, а не передъ закатомъ. Придетъ день. Писатель имѣетъ неясное предчувствіе, что странная, непонятная жизнь должна имѣть свою цѣль и смыслъ, и что мы, заблуждаясь и сбиваясь, все же идемъ навстрѣчу свѣтлой цѣли».

«Что и раньше привлекало въ произведеніяхъ Крашенинникова—это большая чистота и нѣжность чувства, выраженныя въ его новыхъ сочиненіяхъ еще болѣе рельефно. Общая тема—любовь, но любовь эта не имѣетъ ничего земного или, по крайней мѣрѣ, не должна имѣть. Это—чистое, духовное, надсознательное чувство, и проблема, которой авторъ занятъ, можетъ быть формулирована приблизительно такъ: «Возможна ли подобная любовь на землѣ, и, если возможна, какъ долго и въ какой мѣрѣ можетъ она противостоять жизни съ ея грубымъ реализмомъ? Какъ должна развѣиваться подъ влияніемъ житейскаго эта любовь и насколько должна измѣнить она свою форму и характеръ?»

Такова проблема. Какъ же она разрабатывается? Въ «Сказкѣ любви» главныя лица братъ и сестра. Гдѣ-то въ провинціи выросли они, чуждые жизни, далекіе отъ людей. Въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу нельзя не замѣтить сильной страсти, но эта страсть совершенно чиста и невинна и совсѣмъ свободна отъ того, что подразумѣвается подъ словами «Inzest». Такой же конфликтъ описывается въ «Дѣтяхъ любви» Фр. Кульпе, но описанія Крашенинникова еще нѣжнѣе, еще воздушнѣе. Въ смыслѣ художественномъ этотъ романъ, можетъ быть, самое лучшее, что до сего времени написано Крашенинниковымъ. Проблема вся переходитъ въ настроеніе и созерцаніе, лирика не запутана и не туманна,—она вполне ясна. Гораздо болѣе произведемъ *à thèse* является «Дѣвственность». «Станный человѣкъ» мечтаетъ о чистотѣ и дѣвственности и воспитываетъ свою дочь въ полномъ невѣдѣніи. Постепенно въ дочери просыпается инстинктъ жизни, и отецъ съ испугомъ и подозрѣніемъ смотритъ на всякаго мужчину, который приближается къ Тасѣ. Первымъ камнемъ преткновенія является молодой итальянецъ, уличный продавецъ, но положеніе достигаетъ особаго напряженія, когда влюбленный въ Тасю молодой русскій аристократъ проситъ у отца ея руки. Отецъ не хочетъ отдать дочь этому человѣку, который представляется ему зауряднымъ; вѣдь это, помимо всего, является и крушеніемъ мечты его жизни! Тася видитъ страданія отца, но любить

того, другого; ей хочется найти выходъ, но она его не находитъ. Когда однажды женихъ остается наединѣ съ Тасей, онъ забываетъ и отдается своей страсти. На этомъ мѣстѣ писатель могъ бы закончить романъ трагической развязкой и оказался бы, дѣйствительно, жрецомъ мрачнаго аскетизма, непріемлющимъ міра, какъ это и утверждалось нѣкоторыми критиками. Но писатель находитъ иной, своеобразный исходъ. Совершается катастрофа, и близость жениха къ смерти снова привлекаетъ къ нему отвернувшуюся отъ него Тасю. Изъ прежняго непонятнаго влеченія въ душѣ ея вырастаетъ другое, чистое и глубокое чувство, источникъ котораго—состраданіе. Любовь небесная побѣдила земную любовь,—вѣрнѣе, ее поглотила, и мы приходимъ къ совершенно новому толкованію понятія дѣвственности: дѣвственность есть свойство души, и тамъ, гдѣ оно коренится глубоко, никакое внѣшнее насиліе, никакая физическая грубость не можетъ ее уничтожить. Изъ обломковъ рухнувшаго міросозерцанія «страннаго человѣка» вырастаетъ новый идеалъ—идеалъ Мадонны, которая «въ цѣломудрії родила сына цѣломудреннѣйшаго».

(Арт. Лютеръ. «Пет. Н. Газ.», № 44, 1912, и № 157, 1913).

«Тема въ большинствѣ рассказовъ Крашенинникова одна и та же. «Жизнь эта странная шутка, у которой было все время гладкое вызолоченное лицо, а потомъ она какъ-то сразу вдругъ повернулась грязной, затрепанной, пугающей и неизвѣстной изнанкой». Живетъ человѣкъ до поры до времени, существованіе его заполнено тѣми или другими поступками и интересами, въ цѣнности и необходимости которыхъ онъ не сомнѣвается; но затѣмъ, по большей части внезапно, наступаетъ моментъ, когда у него раскрывается какое-то внутреннее зрѣніе, и онъ, остановившись въ недоумѣніи и оглядываясь назадъ, видитъ, что «все это было никому не нужно, вполне ничтожно и лишне», а впереди уже ничего нѣтъ, да и вообще неизвѣстно, въ чемъ истинная цѣль и истинный смыслъ жизни.

Романъ «Барышни» построенъ на тѣхъ же нотахъ. Семь дочерей богатаго фабриканта, потерявъ родителей, властной рукой давившихъ ихъ молодость, бросаются навстрѣчу жизни, исполненные пламенной мечты и огненной жажды счастья и радости,—но всѣ такъ или иначе гибнутъ, встрѣтивъ, вмѣсто грезившейся имъ красоты, бессмысленность, безобразіе, пошлость. Авторъ даетъ намекъ, что сгубило ихъ именно то, что они «барышни», что онѣ вывихнуты гнетомъ родителей и экзотическимъ существованіемъ богатыхъ дѣвушекъ, только у работающихъ людей бываетъ настоящее счастье. Но онъ самъ показывалъ намъ немало совѣтъ не барчуковъ и совѣтъ не барышень, которыя однако такъ же заблудились въ жизни, какъ и героини его романа. На самомъ дѣлѣ для Крашенинникова корень зла вовсе не въ богатствѣ: ему представляется, что вся современная жизнь, по какому-то роковому недоразумѣнію, заблудилась на ложномъ пути, и поколѣніе, застигнутое злымъ безвременьемъ, осуждено на неизбѣжную гибель. Эта перспектива наполняетъ душу писателя тихой грустью и кроткой жалобой, но не порождаетъ беспросвѣтнаго пессимизма.

Онъ чувствуетъ родство своего міровоспріятія съ Тургеневскимъ и вѣрить, какъ и тотъ, что безрадостная гибель современнаго поколѣнія есть какъ бы искупительная жертва во имя блага грядущаго человѣчества. Непонятный ужасъ и мракъ дѣйствительности по временамъ озаряется трепетными вспышками надежды на то, что гдѣ-то, въ непришедшихъ еще вѣкахъ, взойдетъ благодатное солнце. Явится правда, безъ которой сейчасъ такъ тяжело дышится, разрѣшится загадка, теперь столь мучительная и неразрѣшимая. И эта надежда помогаетъ принимать жизнь такую, какая она есть. Когда становится слишкомъ ужъ больно и душно, когда нестерпимо давить нависающій потолокъ,—тогда суровый отецъ «Барышень» заставляетъ свою маленькую дочку читать ему вслухъ Тургенева, и ему «хорошо и жутко мечтается надъ этими молитвами о свѣтлой жизни... Закрывались тогда глаза, чтобы не было видно ни лампы, ни самовара, ни стульевъ, ни стола, а въ душу мягко вбѣгали произносимыя мягкимъ невиннымъ голоскомъ оболстительныя увѣренія, клятвы будущей жизни, какой она должна быть и, можетъ быть, будетъ.. Новые люди сдѣлаютъ новую жизнь. И дѣлать ее будутъ по-новому. Не доживетъ до этого Тася,—но свѣтъ зажжется, сердце уверѣно,—и на душѣ ея тихо. Около нея—дѣвочка, которая увидитъ... Чего жъ ей еще?» Такъ кончаетъ свой романъ Крашенинниковъ. Это, дѣйствительно, по-Тургеневски. Это—Лаврецкій, который «съ печалью, но безъ зависти, безъ всякихъ темныхъ чувствъ» уходитъ изъ жизни, увѣренный, что молодое поколѣніе найдетъ то, чего онъ не могъ найти, и сдѣлаетъ то, что ему не дано было сдѣлать.

(С. Адриановъ. «Вѣстникъ Европы», кн. 7, 1912).

Тихо ведется разсказъ, словно ниточка разматывается чуть слышно, и слова, точно люди въ домѣ, гдѣ кто-то умеръ, подходятъ съ грустной осторожностью, произносятся, запечатлѣютъ что-то и отойдутъ опять. Тихо двигаются другъ за другомъ и тихо уходятъ.

Не остается ни яркой картины, ни сильно очерченнаго рельефа образовъ, ничего выпукло-реальнаго.—Тихія слова о чемъ-то тихомъ и грудномъ, о томъ, что незамѣтно стелется по жизни.

Такъ пишетъ Н. А. Крашенинниковъ, такъ написаны его лучшія вещи: повѣсть-сказка—«Двѣ жизни» и недавно появившіяся въ русскомъ изданіи—«Барышни».

Еще такъ недавно возводились въ идеаль, облекались поэзіей «вѣчноженственнаго» отреченіе отъ самой себя, молчаливая покорность, раздавленная воля. Пушкинская Татьяна, которая «другому о т д а н а», именно отдана, но не отдалась, отдана по чужой волѣ—вотъ, что было образцомъ и идеаломъ женщины, и вслѣдъ за Татьяной прошли по жизни восторженно воспѣваемые Лизы Калитины, прошли робкія барышни, сестры Татьяны. Ихъ было много, ихъ много и сейчасъ, но тихая и притаившаяся, интересна ли кому-нибудь ихъ жизнь?

Книга Н. А. Крашенинникова, «простая исторія жизни», улавливаетъ основное настроеніе «не умѣвшей разглядѣть міра» женской

души и въ тихихъ словахъ передаетъ тоску робкихъ, незамѣтныхъ страданій... Авторъ не задается разрѣшеніемъ «серьезныхъ проблемъ», не останавливается ни на чемъ «злободневномъ» и «занимательномъ»; у него, пожалуй, нѣсколько тусклы картинки быта, смутны и расплывчаты контуры портретовъ, эскизно нарисованы лица героевъ и героинь, и не найдемъ мы въ его романѣ художественно исполненныхъ «типовъ», но глубоко прочувствованнымъ и мягкимъ чистымъ лиризмомъ обвѣяно тихое страданіе робкой, придушенной женской души.

«Сказка Любви»—красивое своей одухотворенностью, мѣстами почти музыкальное произведеніе; это именно «звѣздная сказка», какъ называется ее авторъ. Въ ней нѣтъ ничего фантастическаго, сверхъестественнаго въ обычномъ смыслѣ этого слова, и вмѣстѣ съ тѣмъ вся она отъ начала до конца выражаетъ тѣ настроенія и переживанія, которыя сказочны уже по одному тому, что будничная, реальная жизнь не даетъ возможности имъ развиваться. Эти настроенія лишь изрѣдка просыпаются въ нашей душѣ, но «жизни мышья бѣготня» заглушаетъ ихъ, разбиваетъ въ самомъ началѣ. Въ книгѣ г. Крашенинникова нѣтъ и слѣда того вычурнаго символизма, который обычно встрѣчается въ такихъ произведеніяхъ. Реальная жизнь, сѣрая и скучная, плетется своимъ чередомъ, и въ уголкѣ этой жизни, точно притаившись отъ всѣхъ, въ молодыхъ душахъ сплетается своя прозрачная, чистая и вмѣстѣ съ тѣмъ неисполнимая мечта о жизни—звѣздная сказка. Книга проникнута глубокой поэтической грустью и вызываетъ грустное настроеніе.

(Гаррисъ. Утро Россіи, №132, 1912 и № 16, 1913).

«Не правда ли, что слово «дѣвственность» въ наши дни звучитъ диссонансомъ? Мы такъ отвыкли отъ этого слова, что оно намъ кажется какимъ-то искусственнымъ, придуманнымъ.

Наша литература послѣднихъ лѣтъ особенно позаботилась о томъ, чтобы слово «дѣвственность» было выброшено изъ нашего лексикона, и мы, казалось, совсѣмъ забыли его.

Вдругъ въ дни поклоненія тому, что обратно дѣвственности, явился писатель, который «въ нашей сумрачной жизни увидѣлъ огонекъ; многіе проходили мимо этого огня, но онъ поднялъ его искру, какъ пламя Вестъ».

«Не о громахъ и буряхъ онъ говорилъ,—онъ рассказывалъ намъ лишь о дѣвушкахъ и цвѣтахъ ихъ сердецъ. Изъ лепестковъ ихъ улыбокъ онъ составилъ книгу, которую одни сочтутъ безумной, а другіе назовутъ молитвенникомъ любви».

Этотъ писатель—Н. А. Крашенинниковъ. Эта книга — записки страннаго человѣка, романъ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ «Дѣвственность».

Для автора романа фабула послужила лишь средствомъ для того, чтобы еще разъ высказать мысль, которая уже не разъ была затронута въ другихъ его произведеніяхъ.

И въ «Сказкѣ жизни» и въ «Барышняхъ», точно такъ же, какъ и въ послѣднемъ романѣ, г. Крашенинниковъ разрабатываетъ одну и ту же проблему—проблему непорочности.

Главная особенность творчества г. Крашенинникова—это искренность и убѣжденность. Отъ «Сказки жизни» до «Дѣвственности»

прошло нѣсколько лѣтъ, но авторъ этихъ произведеній не выпустилъ изъ рукъ своего знамени и все разрабатывалъ дорогую ему идею.

«Дѣвственность» какъ литературное произведеніе гораздо выше всего того, что раньше писалъ Крашенинниковъ. Прекрасный языкъ, стройность изложенія, техническая законченность—таковы отличительныя черты этого романа. Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ въ немъ чувствуется извѣстная зависимость отъ произведеній писателей, которыхъ Крашенинниковъ избралъ въ качествѣ руководителей еще въ началѣ своей литературной дѣятельности.

Больше всего чувствуется вліяніе Тургенева.

Съ непоколебимымъ постоянствомъ разрабатываетъ Крашенинниковъ вопросъ о дѣвственности. Но что такое дѣвственность? Является ли она отличительнымъ качествомъ только того человѣка, который во всю свою жизнь не зналъ плотской любви? Не слѣдуетъ ли понимать это слово духовно? Положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ Крашенинниковъ не даетъ, но, повидимому, склоняется въ сторону духовнаго толкованія, хотя устами своего героя онъ высказываетъ мысль о «двухъ правдахъ жизни»—о дѣвущь-мадоннѣ, не знающей любви, и о дѣвущкѣ, узнавшей ее и оставшейся въ непорочности».

(К. Кузминскій. «Голосъ Москвы», № 175, 1913).

«Когда изрѣдка удается заглянуть снова въ Третьяковскую галерею, то внизу, среди Верещагинскихъ картинъ всегда поражаетъ и необыкновенно захватываетъ небольшая скульптура Беклемишева: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы».

На скамейкѣ сидитъ юная дѣвушка; ея глубокіе вдумчивые глаза устремлены куда-то вдаль,—во всей фигурѣ чувствуется что-то напряженное и сосредоточенное. Она смотритъ и не видитъ; она не думаетъ, а мечтаетъ. Она словно прислушивается къ своему внутреннему голосу, нашептывающему ей что-то... она не въ силахъ уловить смыслъ словъ, она только угадываетъ его... Ея хрупкая, юная фигурка, ея глубокій проникновенный взглядъ говорятъ о той большой чистотѣ, которая относится скорѣе къ области мечты. Жизнь гдѣ-то тамъ, далеко; она не знаетъ и не понимаетъ ея; жизнь кажется ей чѣмъ-то грубымъ, даже жестокимъ, такъ какъ люди потеряли способность понимать кротость и чистоту, разучились глубоко чувствовать и любить... Если ей придется столкнуться съ грубой стороной жизни, она скорѣе сломится, умретъ, но не измѣнитъ своей чистотѣ, такъ какъ она вся Мечта!

Это олицетвореніе чистоты, такъ удачно переданное Беклемишевымъ, всегда вспоминается, стоитъ только обратиться къ творчеству одного изъ современныхъ беллетристовъ: рѣчь идетъ о Н. Крашенинниковѣ. Я не хочу вдаваться въ оцѣнку дарованія автора «О маленькой Тасѣ», не хочу анализировать его творчества, но мнѣ хочется только сказать, что Крашенинниковъ, въ наше время, посреди множества рассказовъ съ порнографической окраской, смѣло и громко сказалъ свое слово. Ему не приходило, вѣроятно, въ голову, что его слова прозвучатъ рѣзкимъ диссонансомъ, что они совѣмъ идутъ въ разрѣзъ съ требованіями читаю-

шей публики, онъ не искалъ популярности и не стремился къ успѣху. Онъ рисковалъ даже показаться смѣшнымъ. «Надо не бояться быть чистымъ, надо не бояться быть нѣжнымъ». Онъ почувствовалъ, что такъ дальше жить нельзя, что «наша теперешняя жизнь со всѣми ея страстями и бѣдами зашла, наконецъ, въ такой тупикъ... въ такой страшный тупикъ, что необходимо какъ можно скорѣе возвратиться къ эпохѣ романтизма, къ плѣнительной нѣжности чувствъ, къ тонкой наивности рѣчи, къ очарованію затираемой нами красоты...

Крашенинниковъ видитъ красоту не въ яркихъ краскахъ разнузданной свободы чувственныхъ ощущений, а ищетъ глубины, чистоты чувства... Его главный женскій образъ, встрѣчающійся почти во всѣхъ его произведеніяхъ,—маленькое, хрупкое существо, полу-дѣтя, полу-дѣвушка, милая, глубокая Тася, которую нельзя не любить, какъ только узнаешь ее. Тася—самое интересное, самое глубокое и яркое, что далъ въ своемъ творчествѣ Крашенинниковъ! Онъ говоритъ, съ помощью ея образа, о той чистотѣ, которая померкла въ мірѣ, къ которой мы когда-то всѣ стремились, но которая ушла отъ насъ.—Мы говорили слишкомъ громко, мы кричали о нашихъ чувствахъ и переживаніяхъ, и мы не слышимъ теперь тонкаго голоса Таси. Мы блуждали, искали чего-то, а она была здѣсь, возлѣ насъ, и мы не видали ея... Мы ждали всего яркаго, громкаго, а она, тихая, скромная, была здѣсь, возлѣ насъ, была въ насъ, но мы не хотѣли углубиться въ мечту своей души, мы не хотѣли искать въ себѣ чистоты...»

М. Веселовская.

«Талантъ Крашенинникова исходитъ отъ идеаловъ Тургенева. Крашенинниковъ хотѣлъ бы видѣть жизнь свѣтлой, а людей—очищенными отъ грубаго... Произведенія Крашенинникова носятъ поэтому лирическій характеръ. И повсюду въ нихъ звучитъ эгегическій тонъ. Новый романъ Крашенинникова есть исторія любви двухъ юныхъ людей, которые въ своихъ безгрѣшныхъ грезахъ стремятся пройти мимо тѣневыхъ сторонъ жизни. Эту маленькую исторію любви съ ея трагическимъ исходомъ Крашенинниковъ приводитъ для того, чтобы нарисовать картину русской жизни, полную грусти и нѣжной тоски по несбыточнымъ грезамъ и радостямъ.

Характерная черта русской жизни—тоска по идеаламъ, которые кажутся надземными и неисполнимыми,—находитъ въ этомъ романѣ вѣрную иллюстрацію. Несмотря на основной мотивъ творчества Крашенинникова—изображеніе тихой грусти, поэтическаго затворничества и тоски по неизвѣстнымъ мірамъ счастья и радостей,—Крашенинниковъ строгій реалистъ и, рисуя въ новомъ романѣ своемъ далекіе надзвѣдные міры, все же остается вѣрнымъ себѣ: изображая полныя красоты картины, которыя греются его мечтаніямъ, онъ показываетъ въ то же время и грубое лицо жизни, выглядывающее изъ нашей темной повседневности».

(N. Golant. „Neue Freie Presse“, № 17498, 1913, Wien).

„Дѣвственность“... Уже само заглавіе достаточно говорить о той проблемѣ, которую выдвигаетъ авторъ,—проблемѣ пола. Но взята она совершенно въ иной трактовкѣ, чѣмъ мы приучены современной литературой. „Быль на свѣтѣ цвѣтокъ, читаемъ мы во вступленіи. Маленькій, бѣлый, свернувшійся въ чашечку“.

И поэзіей этого цвѣтка—дѣвственности обвѣянъ красивый романъ.

„Была жизнь и хотѣла она безмѣрной любви; но земная сила любви не прислушалась къ ея звѣзднымъ хотѣніямъ. Она сама захватила эту блуждающую жизнь и, захлестывая, бросала ее изъ стороны въ сторону въ хаосъ моря. И вотъ—ни руля, ни компаса на разбитомъ кораблѣ; странно, совсѣмъ странно тлѣетъ еще на борту маленькая уцѣлѣвшая лампочка, но порывъ вѣтра—и погаснетъ навсегда тлѣющій фонарь“...

Много проникновенности, искренняго чувства, истинной поэзіи въ творествѣ Крашенинникова; вѣтъ дѣйствительно какой-то „звѣздной поэзіей“ отъ таланта писателя.

„Какъ видите, въ центрѣ опять та же чистая, какъ бѣлая голубица, юная и нѣжная дѣва, которая, мѣняя имена и костюмы, проходитъ черезъ всѣ драматическія творенія Н. А. Крашенинникова, а вокругъ жизнь, кипящая своими страстями, жестокая и грязная, и такой же чистый, какъ та дѣва, юный поэтъ проходитъ сквозь эту жизнь незапятнаннымъ и непризнавшимъ ея.“

Сергѣй Глаголь. „Театръ“, № 981, 1912.

У Крашенинникова имѣется уже хорошее литературное имя. Его знаютъ какъ писателя вдумчиваго, мягкаго, чуждаго всему, что далеко отъ красоты и чистоты. У него есть своя литературная физиономія, потому что есть своя, глубоко его захватившая идея. Она нѣсколько странная, но безспорно интересная.

Съ болѣзненной чуткостью проникаясь ужасомъ перерожденія чистой дѣвичьей души въ грубомъ вихрѣ мужской чувственности, Крашенинниковъ думаетъ, что для облагораживанія жизни, для обновленія міра, для торжества красоты на землѣ надо воспитать въ людяхъ отвращеніе къ чувственности и благоговѣйное отношеніе къ чистотѣ дѣвушки.

Во всѣхъ произведеніяхъ Крашенинникова сквозитъ эта аскетическая идея.

Н. Туркинъ. „Моск. Г.“, № 102, 1913.

Въ „Сказкѣ любви“ разсказывается о любви брата къ сестрѣ,—о любви не совсѣмъ братской, но и не совершенно земной, но и не о той, о которой могъ бы, напр., разсказать такой писатель, какъ Федоръ Сологубъ. Крашенинниковъ разсказываетъ о своей любви, а у него, въ его произведеніяхъ, любовь почти всегда чистая, поэтическая, красивая, очень похожая на ту, о которой когда-то, конечно, много ярче, сильнѣе и захватнѣе разсказывалъ Тургеневъ. Отъ этого и герои и героини Крашенинникова очень похожи на тургеневскихъ,—и въ особенности дѣвушки. Въ послѣднихъ почти все отъ Тургенева и даже, пожалуй, больше всего отъ его Лизы изъ „Дворянскаго гнѣзда“. Но это, однако, не значитъ, что Крашенинниковъ копируетъ или повторяетъ Тургенева, что, впрочемъ, и невозможно. Но онъ, несомнѣнно, во власти тургеневскихъ женскихъ образовъ, хотя у него есть и свое,—это испугъ и трепетъ чистой, юной души передъ будничнымъ, передъ земнымъ, передъ жизнью. Послѣднее вообще проходитъ красной нитью въ произведеніяхъ Крашенинникова и дѣлается ихъ Leitmotiv'омъ.

О. Волжанинъ. Миръ Женщины, № 7-8, 1913.

«Печальный лиризмъ составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ въ дарованіи Крашенинникова, и онъ умѣетъ облекать самыя яркія солнечныя картины въ грустную музыку минорныхъ настроеній. Въ этой игрѣ свѣто-тѣни, въ этомъ зародышѣ неминуемой печали, заложенномъ въ основѣ самыхъ бодрыхъ порывовъ, чувствуется тотъ элементъ трагическаго, который такъ ярко сказался въ судьбѣ его «барышень» и который рано или поздно приведетъ его къ созерцаію драматическихъ моментовъ жизни и ихъ власти надъ нами. Пока сильную сторону въ писательскомъ темпераментѣ г. Крашенинникова слѣдуетъ признать въ изображеніи тихой грусти, поэтическаго одиночества, красоты увяданія и нѣжной тоски по далекимъ несбыточнымъ снамъ, по недоступной радости и свѣту. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что это одинъ изъ этаповъ въ творествѣ писателя, котораго ожидаетъ интересная литературная эволюція.

(Книжникъ, «Моск. Газета», № 237, 1913).

«Надо не бояться быть чистымъ, надо не бояться быть нѣжнымъ»,—такова основная идея пасторали Н. А. Крашенинникова «о Маленькой Тасѣ», съ успѣхомъ прошедшей на сценѣ театра Корша... Это изреченіе, которое было включено и въ афишу перваго представленія вслѣдъ за названіемъ пьесы, свидѣтельствуеетъ о томъ, что авторъ хотѣлъ не только обрисовать душевный міръ главной героини или воссоздать извѣстную среду, но также затронуть общій вопросъ, коснуться современнаго направленія литературныхъ вкусовъ, ходячаго взгляда на любовь, на чистоту души, на нравственный долгъ и т. д. Героиня пасторали, необыкновенно привлекательная по своимъ душевнымъ свойствамъ

шестнадцатилѣтняя дѣвушка, гибнетъ среди общей грубости, пошлости, погони за минутнымъ наслажденіемъ; мимо нея проходятъ, не замѣтивъ и не оцѣнивъ ея, молодой писатель, который очень много говоритъ о солнцѣ, свободѣ, красотѣ и какъ будто томится душой при видѣ царящей кругомъ неискренности, матеріалистическихъ вкусовъ, но оказывается неспособнымъ понять, какая чудная дѣвушка показала на его жизненномъ пути и отдала ему свое сердце. Онъ сознаетъ свою ошибку только тогда, когда уже слишкомъ поздно, и «маленькая Тася» должна умереть; подъ вліяніемъ охватившаго его настроенія этотъ модный и самоувѣренный писатель видитъ спасеніе въ возвратѣ къ лучшимъ традиціямъ прошлаго, къ идеализму, даже къ романтизму, къ мягкому, гуманному и поэтическому творчеству Тургенева... Его устами авторъ протестуетъ противъ нѣкоторыхъ особенностей современныхъ литературныхъ вкусовъ, а также противъ боязни искренняго, непосредственнаго и цѣломудреннаго въ своей нѣжности чувства. Весьма характерно, что пьеса начинается чтеніемъ вслухъ тургеневской «Аси».

(«Русскія Вѣдомости», № 261, 1908 г.).

«Пьеса Н. Крашенинникова появилась въ изданіи Дорфмейстерскаго книгоиздательства. При чтеніи ея чувствуется, что она не холодное изложеніе темы; авторъ весь захваченъ своей мыслью. «Что намъ необходимо? Надо намъ больше милаго... Именно этого намъ нужно: красоты, очарованія, нѣжности. Слишкомъ огрубѣли мы, зла много»...

(Jll. Weiner Extrablatt. № 183, 1909).

«Характерная черта дарованія Н. Крашенинникова въ томъ, что онъ какъ бы весь погруженъ въ стихію души. Въ его произведеніяхъ нѣтъ другой жизни, кромѣ душевной жизни; она какъ бы окутываетъ все своимъ свѣтомъ; всѣ происшествія жизни и предметы окружающей дѣйствительности у него пронзаны лучами душевныхъ переживаній. Какъ бы красной нитью проводится тысячелѣтняя человѣческая мысль, что вселенная метафизически реальна въ душѣ человѣческой, и потому переживанія души—вотъ единственная реальность, единственно важное среди пестрой измѣнчивой картины нашей жизни».

(С. К. «Голосъ Москвы», 22—I, 1912).

«Эросъ, эротика, эротическій—какія затасканныя въ наши дни слова!

И какъ всегда бываетъ съ затасканными словами, они утратили свой истинный смыслъ, свое подлинное, первоначальное значеніе.

Разбирая стихи какого-то молодого поэта, стихи, названные имъ эротикой, критикъ «Рѣчи» остроумно замѣчаетъ: «какая же это эротика? Это—если заняться словообразованіемъ въ стилѣ футуристовъ—«развратика».

Я думаю,—много явленій широкаго и мутнаго потока литературы наших дней можно было бы назвать «развратикой».

И тѣмъ неожиданнѣе, тѣмъ свѣтлѣе впечатлѣніе отъ романа Крашенинникова «Дѣвственность», такого огненно-эротическаго романа въ самомъ подлинномъ значеніи этого слова, ибо истинный эротизмъ заключается въ пламенномъ устремленіи къ любимому (все равно—къ человѣку ли, къ идеѣ, къ міру), при наивысшемъ напряженіи всѣхъ психическихъ силъ.

Но... дѣвственность...—скажутъ мнѣ,—цѣломудріе...Какое же отношеніе можетъ быть между дѣвственностью и эротизмомъ?

Да вѣдь чѣмъ отдаленнѣе, чѣмъ недоступнѣе идеаль, тѣмъ напряженнѣе устремленіе къ нему. Вѣдь снятіе «дѣвственность»—плодь эротизма. Культъ дѣвственности созданъ наиболѣе эротической эпохой—средневѣковьяемъ. И если бы какимъ-нибудь чудомъ эротизмъ вдругъ совершенно исчезъ изъ міра, дѣвственность утратила бы смыслъ, значеніе цѣнности.

Но эротизмъ безсмертенъ, какъ сама жизнь, и даже въ эпохи торжествующей нагло-крикливой «развратики» нѣтъ-нѣтъ, и раздастся чистый, глубокой голосъ эротики, и прозвучитъ завѣтное слово—дѣвственность».

(С. Зарѣчная, «Жен. Д.», № 3, 1914).

«На бѣломъ пьедесталѣ будетъ стоять для васъ необычное,—то, мимо чегó вы проходите безъ преклоненнаго волненія: чистая дѣвушка съ незнающими очами, которой суждено перестроить міръ.

И такую дѣвушку, воплощеніе мечты Вѣчной Непорочности, хочеть воспитать изъ своей дочери герой романа «Дѣвственность». Не пламя любви должно заплыть въ ея груди, а неугасимое пламя Весты. Своей мечтѣ отдаетъ онъ всю свою жизнь, свои помыслы... Но онъ самъ несовершененъ, самъ—сынъ земли, и ему не по силамъ уберечь дочь отъ проклятій природы и инстинкта. И онъ умираетъ съ вѣрой въ грядущее царство чистоты, съ надеждой на осуществленіе грезы о дѣвѣ Кроткой, Дѣвѣ Непорочной,—той дѣвѣ, которая въ Евангеліи пошла навстрѣчу жениху съ неугашеннымъ свѣтильникомъ—«нѣжность дѣвничества».

Не есть ли симптомъ этотъ пока еще едва слышный вздохъ о чистотѣ, о потерянномъ, но еще не возвращенномъ раѣ?

Послѣ проповѣди безудержности чувства, какъ самоцѣли an und für sich, въ русской литературѣ появляется тоска по идеалу безгрѣшности, святости, стремленіи въ „gelobtes Land, gesucht, geahnt... und nie gekannt“...

Есть свои отливы и приливы въ безпредѣльномъ океанѣ людскихъ переживаній. За девятымъ валомъ Санинскихъ настроеній грядетъ приливъ противоположный... и чѣмъ сильнѣе былъ призывъ къ «наслажденію моментомъ», тѣмъ громче должна зазвучать ему насмѣну молитва Мадоннѣ».

(«Заграничные Отклики», № 27, 1913, Берлинъ).

«Мечта о вѣчной дѣвственности лежитъ въ основѣ этого произведенія. Герой романа—странный человѣкъ, думаетъ, что нынѣш-

няя любовь слишкомъ далеко отошла отъ истины; люди заняты только внѣшнимъ, которое подъ конецъ превращается въ пыль; они пренебрегаютъ душою, не ищутъ мечты, этой лилии, которая иногда расцвѣтаетъ внезапно въ ихъ душахъ. А эти-то мечты и есть самое дорогое въ жизни, потому что онѣ много реальнѣе видимой жизни, онѣ и есть единственно реальное и вѣчное въ мірѣ. Люди должны начать новую жизнь, и чтобы привести это въ исполненіе, они должны, какъ Адамъ и Ева до паденія, смотрѣть на жизнь новыми глазами и любить другъ друга новой, небывало-прекрасной любовью. Такіе «первые люди» теперь ужъ больше не существуютъ, но герой романа мечтаетъ воспитать такихъ «первосозданныхъ». Онъ избралъ для этого свою дочь. Въ наивной чистотѣ и незнаніи протекаютъ дни этой дѣвушки, которые она проводитъ въ чудной природѣ юга—на Ривьерѣ. Какъ непорочную лилію воспитываетъ ее отецъ и мечтаетъ о другомъ существѣ—о юношѣ, котораго такъ же воспитаетъ кто-то. И когда-нибудь эти два чистыхъ существа должны встрѣтиться, и тогда, наконецъ, расцвѣтеть на землѣ «Сказка любви», прекрасная какъ вѣчныя звѣзды. Тогда на землѣ будетъ рай, въ душахъ этихъ двухъ, которые такъ чудесно любятъ. И красота этой любви проникнетъ въ другія души, чистыми, свѣтлыми, лучезарными мечтами обновить дѣйствительность, потому что жизнь въ сущности такова, какъ и она является въ мечтѣ человека. Но вотъ наступила ночь, когда съ жалобнымъ звономъ лопнула бѣлая чашечка цвѣтка. Раскрылись лепестки, и показались на двѣ чашечки кровь,—нѣсколько капель. И изъ сердца невиннаго цвѣтка выросъ другой, чудный красный цвѣтокъ. Онъ прекраснѣе, онъ выше, но невинная бѣлая чашечка цвѣтка умерла». Кромѣ привлекательности мечтательнаго фона романа, онъ цѣненъ еще и тѣмъ, что въ немъ столько прекрасной любви ко всему чистому и благородному. Какъ и въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ, Крашенинниковъ заглядываетъ въ прекрасные глаза дѣвушекъ какъ въ нетронутыя чашечки цвѣтовъ, и въ ихъ непорочности находитъ онъ жемчугъ, мимо котораго сотни людей проходятъ не замѣчая. Въ этомъ исканіи чистоты и прекраснаго я вижу своеобразіе творчества Крашенинникова.

Иоганнесь Кордесъ.

«Если бы намъ нужно было назвать наиболѣе характерныя особенности творчества г. Крашенинникова, на первомъ планѣ пришлось бы поставить то граничащее съ ужасомъ недоумѣніе, какое жизнь, со всѣмъ, что въ ней есть непонятнаго, нелогичнаго и жестокаго, вызываетъ у многихъ его героевъ, да, повидимому, и у самого автора...

«Никакъ не пойму я загадки печально-мудреной»,—эти слова П. И. Вейнберга служатъ какъ бы лейтмотивомъ многихъ произведеній Н. Крашенинникова... Отъ несовершенства будничнаго существованія, разбивающаго мечты и надежды, отъ страха передъ всѣмъ тѣмъ, что еще можетъ принести скорбнаго жизнь, отъ «всякой пошлости и прозы» хочется куда-нибудь вырваться, гдѣ-

нибудь найти пріютъ и успокоеніе. И г. Крашенинниковъ на протяжении своей литературной дѣятельности постоянно ищетъ такихъ завѣтныхъ уголковъ, гдѣ бы можно было хоть временно отдохнуть душою. Въ этомъ отношеніи творчество его отличается извѣстнымъ внутреннимъ единствомъ,—несмотря на всю разнообразность отдѣльныхъ произведеній. Не даромъ въ цѣломъ рядѣ произведеній г. Крашенинникова появляется милый, привлекательный образъ Таси, олицетворяющей душевную чистоту и любовь къ людямъ. Подобный образъ, какъ говоритъ герой «Сна кувшинки», можетъ «освѣтить міръ, опалить чистымъ пламенемъ его тяжкія сумерки», обновить душу мужчины».

(«Путь», кн. II, 1912).

«Я бѣгу съ этой мечтою по вселенной, съ этимъ пламеннымъ факеломъ чистоты, и кричу: «Слушайте, непорочность рождается, слушайте! Чистая дѣвушка сходитъ къ намъ въ міръ по алмазной лѣстницѣ; встаньте на колѣна, склоните головы, поцѣлуйте слѣдъ ея бѣлыхъ сандалій!..» Героиня романа называется Тасею,—имя, хорошо намъ знакомое по другимъ произведеніямъ Крашенинникова.—«Я давно живу съ этимъ именемъ въ душѣ»,—читаемъ мы въ «Дѣвственности». Намъ и предстоитъ теперь разобрать это, во всякомъ случаѣ интересное, наводящее на много мыслей произведеніе, въ которомъ, быть можетъ, со многимъ нельзя согласиться, въ виду его парадоксальности, но мимо котораго нельзя пройти равнодушно. Пламенная, иногда прямо фанатическая защита дѣвственности и чистоты, какъ великой силы, которая должна переродить нашу жизнь, невольно привлекаетъ вниманіе... Но въ зависимости отъ того, что героемъ романа сдѣланъ человекъ больной, экзальтированный,—культъ совершенствъ Таси получается, à la longue, какой-то странный, болѣзненный характеръ, и вполне возможно, что менѣе чуткіе читатели составятъ себѣ превратное понятіе объ истинномъ характерѣ отношеній отца и дочери. Это будетъ недоразумѣніе, но если взять (извлеченія изъ романа) внѣ ихъ связи съ общимъ сюжетомъ и отличительнымъ колоритомъ романа, они покажутся намъ проникнутыми самой опредѣленной эротикой... и сколько бы мы ни повторяли себѣ, что идея «Дѣвственности» діаметрально противоположная, извѣстный осадокъ этого все же остается. Самъ герой романа говоритъ: «какъ мучительно оскорблялъ я ея стыдливость наглыми словами». И прежде чѣмъ разстаться съ романомъ Крашенинникова, безусловно интереснымъ и оригинальнымъ, сколько бы онъ ни давалъ пищи для возраженій и споровъ,—хотѣлось бы указать на то, что на послѣднихъ страницахъ «Дѣвственности» мы находимъ нѣчто новое, дополняющее и развивающее основную идею. Рѣчь идетъ о второй героинѣ романа—Ани, которая горячо любитъ отца Таси, вкладывая всю душу въ эту любовь. Авторъ упоминаетъ о «дѣвственности линій ея тѣла, уже несущаго въ міръ новую душу». Ани должна вскорѣ стать матерью, но душа ея осталась дѣвственно чистою. «Развѣ я не противопоставилъ здѣсь Тасю Анѣ, развѣ это не двѣ радости дѣвственности, озаряющія концы міровъ?» Эти слова смягчаютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ углу-

бляють основную идею романа. Тася и Аня, эти два символа, являются какъ бы двумя разновидностями дѣвственности, понимаемой въ высшемъ смыслѣ».

(«Ю. Веселовскій, «Вѣстн. Восп.», кн. 5, 1913).

«Многообразный, многогранный міръ реальностей при всей своей великой гармоніи въ цѣломъ кажется во множествѣ своихъ частныхъ ужасающе несовершеннымъ, такъ что мириться съ нимъ, съ такимъ, каковъ онъ есть, невозможно. А поэтому онъ, со всѣми своими несовершенствами съ одной и мимолетными вспышками добра и красоты съ другой стороны—долженъ еще служить и той вѣчной почвой, на которой вырастаютъ, протягивая свои вѣтви къ небу, нѣжныя растенія духа человѣческаго. Стремленія человѣка къ идеалу, его свѣтлыя грезы и мечты, какъ бы утопичны онѣ ни были,—назначеніе ихъ на землѣ—облагораживать жизнь чистотою своего вдохновеннаго безумія... Я говорю все это и хочу много, много, долго говорить такъ по поводу «Дѣвственности» Н. Крашенинникова. Въ ней протестъ, горячій и безудержный, противъ паденія человѣка, отдавашаго свой духъ во власть инстинктамъ тѣла. По нашему времени—это путь противъ бурнаго теченія, тяжкій путь одинокаго пловца... Но дорого начало, ибо гдѣ начало, тамъ можетъ быть и продолженіе, и въ концѣ-концовъ хотя бы относительный успѣхъ. Таково впечатлѣніе отъ моральной стороны романа Н. Крашенинникова. Фактическая же сторона этой книги—вымыселъ, сказка, и читатель, подходящій къ ней съ реальной точки зрѣнія, можетъ только улыбнуться и сказать: «это записки не только страннаго, прямо-таки сумасшедшаго человѣка, коверкавшаго жизнь и природу своей дочери въ угоду какой-то нелѣпой, дикой фантази. Что за «бѣлая мысль», рожденная бѣлымъ цвѣткомъ въ прозрачномъ сумракѣ бѣлой ночи? Что за странная мечта о вѣчной непорочности? Что за вздорная мысль убережъ дѣвушку отъ любви? Да это просто какой-то ненавистникъ человѣческаго рода, мечтающій о его прекращеніи... Но къ роману Крашенинникова нужно подходить исключительно съ идейной стороны, и въ запискахъ страннаго человѣка, отъ имени котораго ведется разсказъ, искать не реальной правды и не житейскихъ истинъ, а той, другой правды, имя которой идеаль, и той другой истины, имя которой—вѣчное стремленіе души человѣческой къ очищенію отъ преступленій противъ святыни духа—въ мірѣ реальныхъ воплощеній здѣсь, на землѣ».

Жиль-былъ странный человѣкъ, всегда убѣгавшій отъ жизни, боявшійся ея грубыхъ прикосновеній къ своей усталой, слишкомъ чуткой душѣ. Этотъ человѣкъ скорбѣлъ о порочности людскаго рода, и закралась къ нему въ сердце мечта о Вѣчной Непорочности, о святой дѣвушкѣ, о ея вѣчной Дѣвственности. Странный человѣкъ встрѣтилъ нѣжную, чистую дѣвушку, которая беззавѣтно полюбила его; попросилъ у нея странный человѣкъ подарить ему дочь, которую онъ воспитаетъ одинъ, самъ, въ полной непорочности и дастъ міру великую радость. И растетъ чудная, необыкновенная дѣвочка съ особенными глазами, бѣлокурой, хрупкая—самая мечта. Странный человѣкъ любитъ въ своей

Тасѣ и дочь и мечту свою о дѣвственности. И мечтаетъ отецъ о Тасѣ: «останется въ мірѣ одиноко прекрасной, какъ бываетъ иногда въ небѣ одиноко крупная звѣзда, пока не встрѣтитъ другой звѣзды—отвѣтной и себѣ равной».—Но рушится мечта страннаго человѣка о вѣчной непорочности дѣвушки, не знающей любви.

Конечно, странно, съ реальной точки зрѣнія, допустить какъ фактъ существованіе отца, мечтающаго убить въ дочери всякое стремленіе къ личному счастью. Уничтожить инстинктъ пола невозможно, изолировать человѣка отъ всякаго посторонняго вліянія—тоже дѣло невысказанное. Безсмысленнымъ представляется и поведеніе человѣка, отказывающагося отъ счастья, когда оно, въ образѣ прелестной и любимой имъ дѣвушки, само просится ему въ руки, и, съ реальной точки зрѣнія, фальшиво звучатъ его слова, обращенныя къ любимой: «Я люблю тебя, но я не могу, я долженъ любить только Тасю». Но если посмотрѣть на психологию страннаго человѣка съ высшей, идеалистической точки зрѣнія, то она окажется вѣрной и разумной. Какъ отецъ, глубоко любящій свою дочь, онъ правъ въ своей крайности—убережетъ дочь отъ любви, ибо любовь въ наше время груба, цинична, мужчины въ огромномъ большинствѣ случаевъ грязны и развратны. Поэтому, забывая, что жизнь и природа имѣютъ свои не преборимые законы, онъ лелѣетъ мечту о Вѣчной Непорочности. Онъ самъ узналъ жизнь, измучился ею, и ему кажется, что и дочь его не захочетъ искать въ ней радости, повѣривъ ему, что радости въ жизни нѣтъ. Вполнѣ естественно чувство отца, съ ужасомъ думающаго о судьбѣ дочери, которая выбрала себѣ въ спутники жизни самаго зауряднаго свѣтскаго цовѣсу. Нравственное чувство возмущается, и обыкновенное явленіе жизни представляется ему жуткой трагедіей. Вѣдь носить она въ душѣ идеаль, ищетъ—святую. Отреченіе идеалиста, посвятившаго себя служенію своей безумной, но прекрасной мечтѣ, отреченіе его и отъ жизни вообще и отъ личного счастья въ частности тоже вполнѣ понятно съ идейной точки зрѣнія: нельзя служить двумъ богамъ. Дышитъ глубокой правдой въ наше время и безумная мечта невращающагося о Вѣчной Непорочности. И то, что онъ пишетъ эти два слова съ большихъ буквъ, тоже правда,—благодатная правда поклонника свѣтлой идеи. Въ наше время, когда власть тѣла во всѣхъ смыслахъ осилила власть духа, и когда духъ поработенъ, униженъ и находится въ полномъ презрѣніи,—безумная, гиперболическая мечта о возрожденіи рода человѣческаго черезъ появленіе «на изумленной землѣ» двухъ «первозданныхъ», которые когда-то были—міръ», наполняетъ душу большой и свѣтлой радостью, несмотря на то, что она несбыточна. Да, она совершенно несбыточна, эта красивая мечта, но духовное возрожденіе хотя бы только наполовину, т.-е. очеловѣченіе человѣка-животнаго, всегда возможно при наличности ярко сияющей мечты объ этомъ... И это сказка-быль, сказка-жизнь, потому что нѣтъ въ ней ни говорящихъ птицъ, ни вообще какихъ бы то ни было чудесъ, кромѣ одного великаго чуда жизни—мечты человѣка съ обнаженными нервами».

(Ю. Писарева, «Пробужденіе», № 15, 1913).